

Озеро Бездонное – интереснейший объект природы в горной части Среднего Урала – находится в районе водораздельного хребта Веселье горы, в 30 километрах юго-западнее Нижнего Тагила, в 12 километрах северо-восточнее поселка Висим и в 5 километрах от станции узкоколейной железной дороги Красный Урал. В двухстах метрах от него протекает река Межевая Утка, которая раньше была естественной границей между владениями Демидовых и Строгановых. Озеро расположено также на границе Европы и Азии.

Первое краткое описание Бездонного находим в журнале «Природа» за 1873 год (2-я кн.) в статье Л.Сабантеева «Зауральские озера». Упоминается оно и в географическом и статистическом словаре Пермской губернии 1905 года А.Чупина: «Озеро очень глубокое. В старину не раз пытались измерить его глубину, но так и не могли достать дна. Поэтому и назвали озеро Бездонным. Настоящая его глубина около 50 метров, а у берегов – 9 метров».

Олег Юрьевич Щетинин родился в Шанхае в 1943 г. В 1947-м с родителями переехал в Свердловск. Поселились на ст. Исеть. Олег окончил Миасский геологоразведочный техникум и всю свою жизнь увлеченно работал в геологии. Участвовал во многих экспедициях в качестве техника и инженера-геолога. Собрал уникальную коллекцию камней. Был активным автором «Уральского следопыта». Его емкие очерки о камнях всегда были увлекательными и профессиональными. Он был замечательным рассказчиком. Трагедия случилась в Египте. 15 мая 2010 года Олег утонул при купании. В портфеле редакции осталась ненапечатанной его последняя заметка.

Озеро представляет собой карстовый провал, заполненный водой, образовавшийся в результате растворения осадочных пород известняков, которые содержат много кальция, подземными водами, и по своему внешнему виду напоминает громадную чашу кратера вулкана со скалистыми берегами. Это дало повод некоторым исследователям считать, что озеро – воронка от метеорита или от космического корабля инопланетян. В общем загадка его образования была полна неизвестности того, что творится в его глубинах, и породила туманные слухи и легенды, связанные с его двойным названием (озеро еще называют Диким).

Площадь Бездонного – всего три гектара. Вода в озере прозрачная, зеленоватая, своеобразна по химическому составу. Она насыщена кальцием (45 мг/л) и сероводородом, образовавшимся в результате бесточности озера.

Достопримечательностью озера является погребенный в нем лес. Сквозь прозрачную воду на стенках подводного берега видны многочисленные стволы деревьев, нагроможденные в хаотическом беспорядке. Этот подводный лес образовался в результате растворения известняков: огромные их глыбы вместе с деревьями сползают в озеро. Затонувшие деревья покрыты серовато-белым налетом извести. Потом все исчезает во мраке. Там, на глубине, несмотря на прозрачность воды, царят вечные сумерки. На 50-метровой глубине и под давлением 8 атмосфер – вечный покой. Никакие штормы не колеблют этих глубин.

Температура воды очень низкая, стоит только нырнуть на глубину более 6 метров, как попадаешь из лета в зиму. Глубже 10 метров вода ледяная – всего 4-8 градусов. Этот перепад температур называется термоклином. Благодаря ему, озеро Бездонное хранит в себе необычные виды подводного растительного мира отдаленных времен, прошедших длительный период эволюции.

Озеро очень богато рыбой. И вот еще одна его загадка: вследствие каких-то причин вся рыба иногда уходит на глубину и держится там подолгу, а когда выходит из глубин, у берегов ее ловят в огромном количестве. В 60-х годах прошлого века в озеро были поселены икринки рипуса – обитателя Ладожского озера.

А вокруг озера – таежная чаща из елей и пихт, много ягод и грибов. Есть поляна, где обычно останавливаются туристы.

Озеро Бездонное – интереснейший памятник природы Урала, подлежащий охране и дальнейшему изучению.

август 2010

ВСТРЕЧНЫЙ ВЕТЕР

veter@uralstalker.com

Путешествие по Уралу. Серебряное кольцо
 О. ЩЕТИНИН Загадки озера Бездонного..... 1
 Народ, живший когда-то в горах Урала
 А. СЛЕПУХИН
 Н. БЕРДЮГИНА Здоровье вогулов..... 4
 Человек и природа
 З. МУРЗИНА Дети Большого Белого Бога..... 11

АЭЛИТА

aelita@uralstalker.com

Координаты чудес
 М. БУЛАТОВ
 А. МАЗУРОВ Анри и Анна..... 15
 Законы Вселенной
 М. ЯСИНСКАЯ Два солнца на закате..... 25
 Повод для улыбки
 Н. ДЕРЯБИНА
 С. МЯКИН
 Н. СРЕДИН Эффект морской раковины..... 37
 Ловись, добрый молодец!..... 41
 Пять минут из жизни верхнего уровня..... 44
 Эпический цикл..... 48

РЕКА ВРЕМЕНИ

reka@uralstalker.com

Тропой поиска
 Ю. ГОРБУНОВ Писательницы россии (продолжение)..... 75
 Краеведческая копилка
 А. РАШКОВСКИЙ «Здравствуй, милая картошка!»..... 51
 День Победы
 Н. ГЕЛЕВАРОВ Помню руки отца..... 54
 Очерки о старообрядцах
 А. КОРЮКОВ В огненной купели..... 58
 Легенды и были
 В. ПУРОНЕН О «кукушках» в гамаке..... 68
 Клуб собирателей
 А. МАКУРИН Билеты Белого квадрата..... 72
 Портреты
 М. ГАФУРОВ Дом Мажита Гафури..... 76
 М. ФОНОТОВ
 В. САДЫРИН Молочай, который сам по себе..... 3 пол. обл.

Главный редактор – М. Ю. Фирсов.

Редакторы разделов – Ю.А. Горбунов, Б.А. Долинго

Худ. редактор, верстка – О.Г. Петрова

Набор – В.М. Кадочникова

Корректор – Л.В. Юсупова

Рекламная служба –
com@uralstalker.com

Интернет – Е. Марков

Фото 1 полосы обложки – А. Слепухин

Последний мансийский князь Свердловской области
 Константин Ефимович Шешкин

Учредитель – ООО «Уральский следопыт».

Редакция, издатель – общественная организация
 «Трудовой коллектив редакции журнала «Уральский следопыт»

Редакционный совет –

Владислав Крапивин, Сергей Казанцев,
 Борис Стругацкий, Геннадий Прашкевич,
 Олег Поскребышев, Юрий Казарин, Вадим Осипов,
 Сергей Лукьяненко, Василий Головачев.

Наблюдательный совет –

- Евгений Виноградский, м.с.м.к., «Снежный Барс»,
- Евгений Савенко, чл. Союза фотохудожников России,
- Семен Спектор, заслуженный врач России,
- Дмитрий Бугров, ректор УрГУ.
- Виктор Байдуков

© ООО «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ».

Адрес учредителя: г. Екатеринбург, ул. Тургенева, 13.

Почтовый адрес редакции, издателя:

620014, г. Екатеринбург, а/я 479

тел. (343)295-61-27, (343) 295-61-28

E-mail: uralstalker@mail.ru www.uralstalker.com

Журнал зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций по РФ

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-37218, выдано 18.08.2009 г.

ООО «Уральский следопыт» обладает исключительным правом на логотипы и название журнала. Рукописи принимаются отпечатанными не менее 12 пт, по 60 знаков в строке, 28–30 строк на странице. Каждая страница рукописи должна быть подписана автором. Обязательно прилагать информацию об авторе; указывать согласие на публикацию в журнале, на сайте журнала, корректорскую и редакторскую правки. В первую очередь рассматриваются рукописи, дополненные электронной версией (E-mail, CD, DVD). Автор несет ответственность за предоставление материалов и иллюстраций, обремененных правами третьих лиц.

Рукописи не рецензируются и не возвращаются. При отправлении электронных сообщений обязательно заполнять поле ТЕМА. Любое использование материалов журнала допускается только с письменного согласия ООО «Уральский следопыт». Ссылка на журнал «Уральский следопыт» обязательна.

Материалы рубрики «Добрые попутчики «Уральского следопыта» и отмеченные знаком публикуются на правах рекламы.

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ uralstalker.com» вы можете через:
 – Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646

– Почтовые отделения России, каталог Агентства «Роспечать», индекс 73413

– Агентство «УРАЛ-ПРЕСС» в Уральском регионе

– Агентство «МК-ПЕРИОДИКА» в России

– Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

Лидер
 Уральского
 Турбизнеса
2007

Яким Бахтияров, фото В.Ветлугина (из архива Гущина)

Алексей СЛЕПУХИН, Наталья БЕРДЮГИНА

Здоровье вогулов

Не случайно в одной из статей о коренных народах мы решили поговорить о проблемах, связанных со здоровьем манси. Здоровье – это единственное, что дается нам матерью – природой при рождении. А то, какими мы придем к зрелости и старости, зависит во многом от нас самих. Во мно-

гом, но, к сожалению, не во всем. Это особенно отчетливо видно, когда получается провести мониторинг состояния здоровья населения того или иного района на протяжении достаточно длительного времени. В нашем случае – это поселения, находившиеся на территории Ивдельского и Гаринско-

Алексей Слепухин, путешественник, врач, действительный член Русского Географического Общества, директор Команды Искателей Приключений

Наталья Бердюгина, врач, действительный член Русского Географического Общества, заместитель директора Команды Искателей Приключений

го районов Свердловской области. Нам повезло. Мы располагаем уникальными материалами, попавшими к нам из совершенно разных источников. Это:

- отчет В.Н.Чернецова об этнографической экспедиции к лозьвинским манси, проводившейся в 1925 году («Источники по этнографии западной Сибири», Томск 1987 г.);

- дневник и отчет экспедиции 1935 года отдела национальных меньшинств облисполкома, возглавляемой тов. Кугушевым (документы хранятся в Государственном архиве Свердловской области);

- докладная записка, составленная бригадой Обкома и Облисполкома по изучению экономики народности манси северной части Гаринского района по материалам экспедиции 1938 года. Возглавлялась она товарищем Ганьжиным (мы благодарны за предоставленные документы заведующей архивным отделом администрации Гаринского городского округа В.Л.Мерзляковой.). И, наконец, наши собственные наблюдения уже в XXI веке.

ANAMNES MORBI СВЕРДЛОВСКИХ МАНСИ.

Итак, приступим.

Сведений с 1917 по 1924 года об инородцах поступает очень немного. Все они осколочные и даже общую картину проживания народа манси не дают. А потому придется перешагнуть в более поздний период.

1925 год.

В своем дневнике Валерий Николаевич Чернецов отмечает:

«Медицинской помощью в полной мере остяки по сие время не пользуются. Лишь в редких случаях, когда бывают в Ивделе и чувствуют себя нездоровыми, они заходят в амбулаторию. Даже был случай, что остяк, которому прострелили руку, согласился ехать в Богословск и лечь в больницу. Кроме этого, к лекарству, как-то: аспирину, хинину, йоду, которые они покупают в Ивделе, остяки чувствуют полное доверие. Наиболее распространены среди остяцкого населения глазные болезни трахома и катаракта. Кроме глазных заболеваний, встречаются различные простудные заболевания, в том числе ревматизм. Хотя последний и не част. Туберкулеза не наблюдалось совершенно. При эпидемиях оспы смертность среди остяков достигает до 20 %».

Манси, или остяки, как они сами себя называли, в те времена еще вели свой обычной образ жизни. Они занимались охотой, рыбалкой и оленеводством. Олень для северных народов – это жизнь: и еда, и одежда, и средство передвижения и подарок духам-покровителям. И кровь также шла «в дело». Олени в то время еще были, но Валерий Николаевич отмечает:

«Большинство хозяйств малооленны, и лишь два-три могут похвастаться стадами свыше 100

голов. Большинство же обладает 40–50 оленями, которых держат исключительно для еды».

Они способны еще прокормить свои семьи сами. Власть заинтересована в регулярных закупках добытых ими шкур, рыбы и мяса. На вырученные деньги инородцы покупают патроны, порох, муку, соль, чай, мануфактура (сукно, ситец, нитки, иголки, бусы) и лошадь, которую чаще всего использовали не в хозяйстве, а приносили в жертву.

1935 год.

Через десять лет дело обстоит следующим образом: «Обследование, а также медицинские осмотры, проведенные бригадой среди туземцев, показали (С медицинской стороны было освидетельствовано 120 человек туземцев, 45 мужчин, 22 женщины и 52 человека детей, т.е. около 50% всего населения), что туземцы вполне здоровый народ, венерических болезней и открытых форм туберкулеза мы не обнаружили, из социальных болезней имеется только трахома (8 случаев), среди всего населения имеется 1 умственно отсталый».

С приездом бригады Облисполкома среди манси начата вакцинопрофилактика оспы. И что особо радует: «... если до Октябрьской революции, в результате колониальной политики царского правительства, вогулы–манси, когда-то сильное и воинственное, близкое к мадярам угро-финское племя, заселявшее в прошлом весь Урал, постепенно вымирало, то с организацией рабоче-крестьянского правительства вымирание туземцев – вогул-манси приостановлено».

Здесь, конечно, товарищ Кугушев лукавит. Не нам его судить, время было такое.

Надо отдать должное тому, что члены экспедиции с большим сочувствием относились к проблемам манси. Они отмечают повсеместный обман со стороны Заготпушнины. Покупая шкурки по очень низким ценам, продают необходимый манси товар втридорога и низкого качества.

«В течение почти всего первого квартала отоваривание пушнины производилось исключительно одним спиртом (1/2 литра спирта за сданную шкурку соболя – в Свердловске ее стоимость тогда

Анна Кирилловна Хандыбина с детьми (архив Хандыбиных)

Пос. Сольва, фото В.Ветлугина (из архива Гущина)

составляла 200-220 рублей!) – сами туземцы заявляют, что нас спаивают. Товаров и продуктов не везут, а везут только спирт. Конюхов (агент Лямьевского заготпункта) туземцам в приеме пушнины квитанции не давал, а поэтому невозможно установить, насколько правильно он их рассчитывал, а туземцы заявляют, что Конюхов нас обманывал».

Ивдельский и Гаринский райисполкомы регулярно, в течение охотничьего сезона, зная, что охота – основной источник пропитания манси, забирали мужчин на сплав леса. Их лошади забирались для перевозки грузов и возвращались в крайне истощенном состоянии. Каждую зиму манси заставляли перевозить грузы с золотых приисков в Ивдель на оленях. Причем забирались и беременные самки. В результате – гибель оленят. Животные возвращались истощенными и искалеченными. поголовье оленей резко сократилось.

Комиссия делает вывод о том, что «необходимо категорически запретить Ивдельскому и Гаринскому райисполкомам привлекать туземцев на перевозки грузов, на сплав и отрывать их от основного занятия – охоты».

В Президиум Свердловского Облсполкома 29.11.1935 года поступила докладная записка «О выполнении постановления Президиума Облсполкома от 10 октября 1935 года – «о работе среди манси Ивдельского и Гаринского районов» от врид. Зав. Национальностей товарища Рахматуллина. В ней, помимо отчета о налаженной работе по развертыванию торговли и трудностей с открытием школы для детей-манси, он пишет: «По линии Облздравотдела – отправлена акушерка в Гаринский район поселок Лямья – т. Мелюхина, а в Ивдельский район были командированы Облздравом 2 человека, но до Ивделя не доехали. Родильная изба в Гаринском районе Лямья открыта, а Анчуг – Вижай Ивдельско-

го района не открыта. Медикаментов для Гаринского и Ивдельского районов Медснабпромом отправлены. Необходимое оборудование для медпунктов манси на местах не получено. Для организации работы по борьбе с трахомой этим районам по линии Облздравира отпущено денег 3000 рублей».

1938 год.

Прошло три года. Деревня Массавы. Члены комиссии отмечают практически полное отсутствие медицинской помощи населению мансийских поселков.

«Медицинский пункт занимает грязный, некультурный угол избы, в которой живет фельдшер, он же зав. медпунктом, с семьей. В медпункте не имеется в достаточном количестве медоборудования, инструментария, а также и медикаментов, учета больных нет. Трудно установить, проводилась ли медицинская помощь. Особенно возмутительный преступный факт лечения мальчика Еранкина, получившего ожог спины в период весенней охоты на ночлеге. При надлежащей первой помощи при ожоге и с настойчивым последующим лечением болезнь должна быть ликвидирована в течение 1-2 месяцев. В результате недобросовестного, халатного отношения к обязанностям фельдшера Каткова мальчику Еранкину грозит смертельный исход.

Зав. пунктом Катков вместо практической ежедневной работы занимается систематической пьянкой и охотой. Вновь принявший медпункт у Каткова фельдшер Постников (только что окончивший Надеждинский мед. техникум) к практической работе не приступил, хотя и уехал в Массаву на работу в первых числах августа. Райздравотдел медпунктами, обслуживающими манси, не руководит, о состоянии и постановке работы не знает.

В распоряжении фельдшера Каткова имеется лошадь для обслуживания деревень Вершины и

Лямья, однако за весь 1938 год ни одного выезда в эти поселки Катковым не были сделаны».

ДЕРЕВНЯ ЛЯМЬЯ

«Медицинской помощи в дер. Лямья и в окружающих юртах совершенно нет. Население страдает хроническими, венерическими болезнями (сифилис), трахомой, ревматизмом и т.д. Особенно широко распространяются болезни благодаря полному отсутствию культуры в быту. Большие семьи ютятся в грязных, тесных и неудобных юртах, шалашах и чумах. Они никогда не моются в бане, не подстригают волос. Не меняют белье, пока оно не износится, едят из общего котла. В пищу употребляют мясо и сало. Хлеб едят очень мало (считая его за дорогое кушанье), от чего страдают желудочно-кишечными заболеваниями с малых лет». Вместе с тем, комиссия отмечает, что на население поселка большое влияние оказывает шаман Анямов. Он «до сих пор ворожит и играет на домре во время совершения религиозного слушания, что стоит немалых денег населению и является большим доходом для него в настоящее время.

Особенно тяжело отражается этот дурман на положении женщин в быту».

Олени в то время еще были. О точном их количестве манси комиссии информацию не дают.

ПРОСТО ВРАЧ

Читая сухие отчеты экспедиций о плачевном состоянии медицинского обслуживания манси в тридцатые годы, об обмане и равнодушном отношении к ним не только чиновников, но и

людей, которые по долгу службы и высокому званию медицинского работника должны были нести этому народу здоровье и помощь, мы не можем не рассказать о Враче.

Во время последней экспедиции к манси в марте-апреле 2010 года нам посчастливилось соприкоснуться с необычной личностью.

В конце 40-х годов XX века на севере нашей области в самом крупном мансийском поселении Суй-ват-павыл (по-мансийск суй – бор, ват – ветер, павыл – родовое поселение) разворачивается эпидемия брюшного тифа. Эта болезнь

буквально выкашивает инородцев. Лихо колесом прокатывается по северным становищам, подминая под себя человеческие жизни. Без разбора.

За несколько месяцев до этого несчастья в поселок Бурмантово прибывает доктор. Он не успевает познакомиться со всеми подопечными, т.к. район достаточно большой. Во время разгара эпидемии он работает в Суй-ват-павыл, как и подбаивает настоящему врачу. Помощь прибывает вовремя – доктор лечит и манси, и русских, работавших и живших в поселке. Но, к сожалению, сам заражается брюшным тифом. Его в бреду на телеге доставляют обрат-

но в Бурмантово, где медик «сгорает» в считанные дни.

К глубокому сожалению, выяснить, врач это был или фельдшер, мы так и не сумели. Нет документов. Никаких.

Зато познакомились с современными жителями-бурмантовцами. Они прекрасно помнят доктора. Сестры Татьяна Максимовна Рогач и Елена Максимовна Семенова стараются вспомнить хоть какие-то мелочи. Татьяна Максимовна тоже заболевает тифом и даже помнит, как врача привозят в Бурмантово. В тот день ее, вы-

здоровливающую, уже выписывают, т.к. мест не хватает для вновь прибывающих больных.

Но, кроме этой короткой истории, «выудить» из памяти о тех далеких годах ничего не удастся.

Марина и Александр Варкоис самоотверженно отправляются по глубоким сугробам в сохранившееся здание амбулатории, где висит чудом сохранившийся фотопортрет врача.

Сейчас нам известно его имя – Попов Павел Алексеевич. С фото (явно отретушированного позднее) на нас смотрит молодой человек в костюме.

Кто он? Откуда родом? Каков его профессиональный стаж? Кто направляет этого медика на север? Это и многое пока неизвестно.

Скромные сведения о нем и его самоотверженной работе мы передаем в Областной музей истории медицины. Возможно, впоследствии мы совместно сможем узнать больше об этом человеке.

Ценность человеческой жизни как той, что спасаешь, так и той, что самоотверженно бросается на помощь, ничем не оценить. Причем во все времена. Но равнодушие и самоотверженность человека проявляются независимо от того, при каком мы живем строе и что каких денег стоит! С этим правилом мы постоянно сталкиваемся во время северных экспедиций. Там, в тайге, все равно на каком авто ты едешь и каких успехов добилась твоя компания. Главное – человеческие качества. О которых мы благополучно забываем в наших цивилизованных каменных джунглях. Этим и отличается провинция от Столиц.

ЧАХОТКА: КАКОВ ИСХОД НЫНЕ? МЕДИЦИНСКОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ В РЕАЛИИ И НА СТРАНИЦАХ ПЕЧАТНЫХ СМИ.

Забывтый термин «чахотка» ассоциируется у нас, прежде всего, с забытыми временами, Антоном Павловичем Чеховым, да и с другими примерами позапрошлого века. Исчезла ли эта лихоманка в наше время скоростей и немислимых свершений?

А теперь о нашем времени. Изменилось многое. Оленей у манси, живущих на территории Ивдельского района, уже нет.

Медицинская помощь все так же недоступна. Ближайший фельдшерский пункт расположен в поселке Полуночное, больница – в Ивделе. Это около 100 км от поселков Бурмантово и Хорпия, куда три раза в неделю ходит вахтовка, и десятки километров по тайге зимой на снегоходе (если есть бензин), летом – пешком и по реке на моторной лодке (опять же если есть бензин и масло). Последний качественный медосмотр (поселок Ушма не в счет, а почему – мы писали в предыдущей статье) был 8 лет назад. И это страшно.

В тридцатые годы на территории Гаринского и Ивдельского районов строится ГУЛаг. В начале девяностых – он исчезает. Но остается его след – туберкулез. Туберкулезом болеют и взрослые, и дети, и манси, и русские. За 6 лет, что прошли с начала наших экспедиций, умер не один манси от открытой формы туберкулеза! Имен, по этическим соображениям, мы, естественно, не называем, хотя каждый случай стараемся для себя отметить. Умирают они чаще всего без медицинской помощи. Профилактического лечения родственники не получают. Да и откуда ему взяться? Для того, чтобы полечить, нужно обследовать, чтобы обследовать – нужно привезти их в Ивдель или выехать к ним. Нужны деньги. Денег на это нет. Нет ни у чиновников, ни у манси, которые живут на мизерные пособия и пенсии. Да и копейки свои получить им очень не просто. Новое веяние времени – манси должны «добыть» их в банкомате по пластиковой карте. Далеко не на каждой елке в тайге висит это чудо цивилизации. Ближайшая «елка» – в Ивделе.

Но вернемся к туберкулезу. Мы, авторы этого цикла статей, оказываемся свидетелями печальной ситуации. Сентябрь 2005 года. Поселок Хорпия. Наша очередная поездка к манси заканчивается. Мы многое успеваем сделать, но действительность накладывает отпечаток на нашу работу. В Хорпии и Бурмантово уже полгода нет света. Это неудобно для нас: мы не можем зарядить технику, просмотреть снятое и прочее.

В самый последний день экспедиции мы узнаем, что сюда приезжает медицинская машина с врачами, в задачу которых входит профосмотр. Но раз нет света, то и техника не заработает. Значит, флюорографию жителям (как манси, так и остальным) не проведут. Как, впрочем, и другие инструментальные исследования. Разве что электрокардиограмму снимут. И то, при условии наличия заряженных аккумуляторов у электрокардиографа.

Мы уезжаем, а следом за нами уезжает медицинская бригада, так и не сумевшая выполнить свои задачи. Неужели в центральной районной больнице не знали, что в Хорпии давно нет электричества? Что двигало администраторами больницы в тот момент? Желание поставить «галочку» и «освоить» деньги, выделенные для профосмотра?

Отчет Уполномоченного по правам человека по Свердловской области г-жи Мерзляковой за 2007 год, раздел «Растет мансийская деревня»: «14 манси прошли флюорографическое обследование».

Но позвольте. Их, коренных жителей Урала, только в Ивдельском районе числится более 140 человек. А остальным 120 манси обследование не нужно?

Далее цитата: «По федеральной программе еще в 2006 году планировалось приобретение

Поселок Бурмантово, амбулатория

передвижного флюорографа на базе автомобиля «Камаз» для проведения медицинских осмотров, но этот пункт программы не был выполнен».

Ну, хорошо, нет денег на покупку дорогостоящего автомобиля с недешевым флюорографом. Но, в конце концов, можно арендовать подобную машину для профосмотров. Если нет у нас в Свердловской области – у соседей есть! Это отчет за 2007 год. А сейчас 2010 идет – а с флюорографическим исследованием все также. Ни с места!

А вот еще один пример. О нем писал Анатолий Иванович Гушин («Областная газета») в своей статье «От природы манси здоровы, но сохранить здоровье не могут». Статья о том, как состоялась поездка врачей из Областной больницы №1. Вот цитата из нее: «В далекую командировку больница направила пять докторов во главе с заведующим 11-м хирургическим отделением, кандидатом медицинских наук Игорем Серебряковым. В бригаду вошли терапевт, офтальмолог, гинеколог, а также специалисты, имеющие высокую квалификацию в нескольких смежных областях. Причем благодаря привезенному оборудованию они могли поставить диагноз прямо на месте».

У читателей создается впечатление, что помощь все равно оказывается. Правильно, но речь не идет о профилактике туберкулеза. И, к тому же, каждый раз обследуются манси только по-

селка Тресколье (сейчас это жители Ушмы). Но ведь в этих северных поселках (Вижай, Хорпия, Бурмантово) проживают не только манси, но и другое население. А оно как же? Кто ему будет оказывать помощь?

Совсем свежий пример. Начало апреля 2010 года. Во время своего пребывания в Бурмантово узнаем, что у одного из местных жителей (русского, не манси – хотя, впрочем, какая разница?!) врачи Североуральского туберкулезного диспансера (ближе уже ничего нет) определяют открытую форму туберкулеза. Фамилию больного опять же не называем, но от этого ситуация не становится проще.

Если есть один такой больной, значит, необходимо срочно (подчеркиваю!), срочно, проводить диагностику, и не только в семье, но и среди всех жителей. Но воз и ныне там. Супругу, проживающую в родной деревне, и ребенка, учащегося в интернате, наверное, все-таки осмотрят. А с остальными как?

Общаясь с местными жителями, я чувствую неподдельное напряжение – их судьба также не понятна. Ведь все общаются между собой до сих пор. А о профилактике этой самой чахотки вообще речи не идет.

Хотя федерального закона еще никто не отменял! Но до этого нет никому дела: ни ЦРБ г. Ивделя,

ни Областному объединению «Фтизиопульмонология», ни Министерству здравоохранения. И как-то все замалчивается. А время понемногу перетекает.

Но необходимо заметить, что заражение туберкулезной палочкой может состояться не только в маленьких северных поселках, но и в крупных городах, куда могут приезжать больные люди. Например, в Ивделе. Город для этой территории крупный.

КАК В ЭПОХУ ВЕЛИКИХ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ ОТКРЫТИЙ.

Возьмите любой учебник истории, а также книги по истории Великих Географических Открытий, и сразу же бросится в глаза один факт, повторяющийся во все времена и на всех континентах, куда цивилизованное человечество несло Просвещение. Крестом и мечом. Насаждать свою волю этим двумя средствами оказалось затруднительно. Но вскоре появился гораздо более дешевый и, самое главное, эффективный способ убеждения коренных народов. «Огненная вода».

Далеко не всегда в крупных магазинах продают хорошую, т.е. читайте «непаленую», водку. За ней ведь еще съездить надо.

Зато очень близко, и в Бурмантово, и в Хорпии – спирт – денатурат. Когда в долг, когда за последние гроши, когда за добытое мясо лося или шкурки. Алкоголизм – это вторая страшная болезнь сегодняшних манси.

В последнее время то и дело стали слышны реплики – «пьяницы, бездельники» – по отношению к коренным народам, тем же манси, ханты, чукчам, эвенкам, тофаларам. Тот, кто привозит и продает им водку (а тем паче, обменивает или просто спаивает население), совершенно не думает, что за этим следует. Остановиться им очень тяжело. И запои тяжелые. В такие моменты они готовы отдать с себя последнюю рубаху за лишний стакан «огненной». И этим пользуются. В тех северных поселениях, где проживают немногочисленные манси или там, куда они наведываются по своей хозяйственной нужде, давно отработан «механизм» доставки и распространения. Во время последней своей поездки мы узнали, что стоимость стакана денатуратного спирта составляла 60 рублей. Дорого и опасно. И продают этот «волшебный» напиток не только манси – любому. Лишь бы деньги платил. А о том, что денатурат убивает личность, разрушает печень и почки, никто не задумывается. И эту ситуацию очень тяжело побороть тем, кто проживает в этих глухих местах. Власть на местах, как мы сами убедились, справиться не может. Рада бы – да сил не хватает. А вот правоохранительной системе дела, в общем-то, нет до этого. А ведь если поприжать торговцев, то далеко не всякий рискнет продолжить это дело.

Но, видимо, кому-то из «силовиков» выгоден этот бизнес. Такой вот напрашивается вывод!

Этих двух факторов (туберкулез и алкоголизм) хватит с лихвой, чтобы уничтожить остатки некогда гордого, сильного и многочисленного народа. Но есть еще и онкология, и сахарный диабет, и все то, чем болеем мы с вами в городах. Но у нас есть аптека за каждым углом и ругаемая всеми районная поликлиника с уставшим доктором в кабинете. У манси все это в далеком Ивделе.

КТО, ЕСЛИ НЕ ОНИ?

И врач, и скорая помощь, и аптека для сегодняшних вогулов – глава администрации поселкового совета (местные его называют «наш мэр») Виктор Эмильевич Плүфгфельдер и «мэрша» – Валентина Алексеевна. «Все! Последний срок!» – было в наш первый приезд, шесть лет назад. С тех пор ничего не изменилось. «Эмилич» и «Фаля» (так мягко и певуче выговаривают манси) добывают для своих подопечных справки, паспорта, пенсии. Они возят их в Ивдель к доктору, к нотариусу, в банк. Помогают доставлять груз к крайним точкам, откуда пельымские манси могут вывезти все в свои паули. Мэр и «мэрша» ругают их за пьянство и непригодность к жизни. Они их и хоронят.

Совсем недавно Валентина Алексеевна была вынуждена сама сформировать аптечки в каждый пауль (или на семью в поселке) из того количества медикаментов, что отправили из Ивделя. В лекарствах, конечно, они не понимают ничего, но перевязочные средства, йод и зеленка пригодятся. Как и тогда в далекие тридцатые годы...

* * *

Такая получилась невеселая история о здоровье манси. В конце хочется поделиться вот еще чем. Когда читаешь старые документы, невольно сравниваешь отношение и ощущения от общения с манси свои и тех людей, что общались с ними десятки лет назад. Они во многом схожи. И Валерий Николаевич Чернецов, и члены комиссий облисполкома неоднократно отмечают любознательность, доброжелательность и честность этого народа. Это действительно так! При этом становится ужасно стыдно за то зло, что принесло и приносит в их жизнь присутствие большого народа. Но самое печальное то, что без нашей помощи им сегодня уже не выжить!

Зинаида МУРЗИНА
Фото Александра Шатунова

Деревня Курки

Дети Большого Белого Бога

Мягкие цвета, приглушенные тона, лаконизм линий и прочие тенденции городской моды – это не для них. В традиционной одежде марийцев столько блеска и красок, причем с абсолютным преобладанием ярко-красного, испещренного пестрым шитьем и узорочьем, что, кажется, даже их боги завидуют смелости и фантазии старательных деревенских мастериц. Ведь, как ни странно, языческий пантеон мари возглавляет девственной белизны божество – Белый Большой Бог или Ош Кугу Юмо.

МЕЖДУ ТРЕМЯ ТУМАНАМИ

Как свидетельствуют научные открытия, по-видимому, в Восточной и Центральной Европе 10 тысячелетий назад, еще до так называемого Великого переселения народов, звучала преимущественно финно-угорская речь. Принадлежность к финно-угорской группе роднит народ мари с финнами и эстонцами, коми и карелами, хантами и манси, удмуртами и венграми. Ныне представители уральской

семьи языков (финно-угорских и самодийских) насчитывают около 25 млн. человек и проживают на территории, которая простирается от Норвегии на западе до Приобья на востоке и низовий Дуная на юге. Но если большинство финно-угров исповедует христианскую веру: (эстонцы, финны и западные саамы – лютеране, венгры – в большинстве католики; в европейской части России финно-угры исповедуют главным образом православие), то марийцам удалось сохранить свою древнюю анимистическую религию, и они остались язычниками, поклоняющимися силам природы.

«Возможности жить народам между тремя туманами в мире и согласии» – этого просят марийцы у Белого Большого Бога, собираясь на свои праздники, связанные, в основном, с культом земледелия и предков и часто совпадающие с христианскими. Например, в начале января по народному марийскому календарю празднуется шорыкйол – «овечья нога», аналог русских святок с игрищами, хождением ряженных, молодежными вечерками и застольями. После долгой зимы наступает уарня, – целая неделя веселья, вроде русской масленицы.

Весенний куече пайрем совпадает с христианской «страстной седмицей». Это поминальная неделя, во время которой происходит общение с душами умерших предков, проводятся общинные и семейные моления.

Самый массовый праздник уральских мари – ага пайрем, когда совершается магический обряд, чтобы выпросить у небес дождя, а в мариийских селеньях, съезжаясь отовсюду, собираются вместе за большими столами семьи и роды, давние и дальние друзья, добрые соседи и единоверцы.

С ХЛЕБОМ-МАСЛОМ

Надо сказать, что мариийцы – это самый многочисленный финно-угорский народ, компактно проживающий на Среднем Урале. Сотни его представителей, получив высшее образование, разъехались по городам, где реализуются в самых различных сферах: здравоохранении и образовании, науке и культуре, юриспруденции и бизнесе. Так что в праздничные дни, когда большинство из них съезжается под родные крыши, в мариийских селеньях становится многолюдно, шумно и весело.

По части умения привечать, угощать и веселить гостей мариийцы большие мастера. Как яркие цветы в своих рукодельных нарядах, звенящих монистами, женщины выходят навстречу с хлебом-маслом. Да-да, именно – маслом, таков старинный обычай гостеприимных мари. Приобщиться к нему и поближе познакомиться с другими обрядами и традициями этого небольшого гостеприимного народа нам удалось в деревне Курки, расположенной на юго-западе Свердловской области.

К слову, всего в Свердловской области сельских поселений мариийцев без малого четыре десятка. Из

них более четверти – в Артинском районе: Андрейково, Афонасково, Байбулда, Багышково, Малая Тавра, Малые и Большие Карзи, Нижний Бардым и Верхний Бардым, Пантелейково, ну и Курки. В одних сохраняется какое-то производство, а вот в иных ничего такого давно нет. Так, в Курках уже добрых шесть лет как перестал существовать колхоз, и теперь куркинцы кормятся тем, что вырастят и добудут самостоятельно, занимаясь животноводством, земледелием, пчеловодством и собирательством. К выручке за реализованные плоды своего труда у многих добавляется пенсия: как и повсюду, население Курков не молодеет, а совсем даже наоборот. Ведь молодых людей, увы, не заставишь сегодня жить натуральным хозяйством, как бы ни была трогательна и очаровательна их малая родина.

А места тут и правда удивительные! В Артинском районе проходит природная граница между степью, горами и тайгой, а никаких залежей полезных ископаемых, в отличие от большинства уральских территорий, нет, так что землю никто не терзает. Ах как вольно диким пчелам жужжать над просторными полянами целое лето! А о том, какие цветы на этих полянах, сообщает восхитительнейший аромат здешнего меда, добываемого местными бортниками в окружающих лесах назло хитрым медведям.

Мариийка у печи

ДУХ ПРАЗДНИКА

Для встречи гостей селянки облачаются в лучшие наряды, надевают расшитые монетами нагрудники, на которых буквально так и запылает, вдруг приободрившись, слабенькое осеннее солнце. Для изготовления этих нагрудников женщины используют не только монеты, но и все, что имеет с ними сходство, даже медали и ордена, которыми награждались в разные годы члены их кланов: «За отвагу»,

Марийка с прялкой

«За взятие Берлина», «Мать-героиня»... На груди одной из мастериц мы с удивлением и умилением обнаружили наряду с «советскими» и «постперестроечными» копейками и «полтинниками» монеты царской чеканки и даже петровских времен. Настоящая нумизматическая экспозиция!

Тачать и украшать нарядные рубахи, юбки и передники, вышивать по подолу и рукавам замысловатые орнаменты с бусинами, сверкающими пайетками, монетками и прочей блестящей красотой марийки начинают еще в нежном возрасте, едва научатся держать иголку с ниткой. Дело делается без спешки. Постепенно, понемногу, в настоящих творческих поисках, в аккурат к свадьбе, рождается наряд, двойника которому во всем свете не найти.

А какие невиданные блюда умеют готовить здешние хозяйки! Представьте себе, например, рыбный пирог, в котором каждая рыбка размером меньше, чем пальчик ребенка... Целый косяк красноперки с головами и хвостами запекли в нежнейшем пышном тесте нюго коголе. Или вот мелла – оладушки из дрожжевого теста, которые пекутся в русской печи перед живым огнем и подаются с топленным маслом, медом или земляничным вареньем. А к этому – потрясающе душистый чай, настоянный на травах. Ну а если запивать деликатесы домашним

пивом пура, то вскоре сами ноги понесут из-за стола в круг, где под волынки – шювыры и барабаны – тюмбыры уже кружится хоровод, а танцоры задорно выбивают дробушки – тыпырдык.

Но даже и без капли пура, услышав марийские песни, удивишься, как выразительны их мелодии, как богат и разнообразен их ритмический рисунок.

БОГИ СЛЫШАТ

Жители окрестных сел, побаиваясь языческого сглаза, в марийских поселках появляются нечасто. Кое-где бытует устойчивый миф, что женщины мари умеют привораживать женатых русских мужчин. А может, это и не миф? Ведь многие марийцы, особенно те, что постарше, действительно знают заговоры на различные случаи жизни, и за помощью к ним обращаются не только их соплеменники, но и русские, удмурты, татары. Главное во всех магических обрядах – заговор. Спасая пациента от зубной боли, марийский знахарь пошепчет, бросит на угли смесь из муки, соли и перца – и боли словно не бывало. Говорят, марийские кудесники умеют посылать как добро, так и зло через открытое окно или форточку. И многое еще умеют они делать при помощи своих богов.

Верховный бог среднеуральских язычников-марийцев – Ош Кугу Юмо, покровитель скота. В старину ему на молениях приносили в жертву белого жеребца, теперь обряд жертвоприношения ограничивается барашком или домашней птицей, а то и просто символически. Юмо Ава, мать Белого Большого Бога, отвечает за деторождение. К ней

Марийка с прялкой

обращаются перед родами и во время них для сохранения роженицы и ребенка, у нее просят здоровья для новорожденных и детей постарше.

Мать-Солнце Кече-ава дарит солнечный свет и тепло, без которых нет плодородия земли.

Мланде-ава – Мать-Земля, без чьей благосклонности жди неурожая и голода. Поэтому на землю без надобности старались ничего не бросать, чтобы не нанести ей вред.

Вуд-ава, богиня воды, связана не только с водной стихией, но обеспечивает защиту от врагов и даже ведаёт семейными отношениями. У верующих марийцев-охотников почитанием пользуется Нур-ава – богиня леса и охоты.

Есть и злые боги, от которых одни беды. Главный из них – Керемет – бог болезней и жизненных неудач -- ассоциируется в представлениях у марийцев с чертом из христианской мифологии. Облаченный в черные одежды, он – вечный противник Кугу Юмо. Чтобы защититься от Керемета некоторые верующие даже сейчас у порога кладут нож или топор. Колдуны и ворожеи приносят ему в жертву животных черной масти.

Еще одна нечисть в мифологии уральских марийцев – шем кишке («черная змея»). По по-

верьям, эта двухметровая змеища обитает около водоемов и ночует на деревьях, оставляя на коре следы от своей чешуи. Встреча с шем кишке в лесу непременно предвещает неприятности.

Уютнее всего марийцу в белой березовой роще. Береза – священное дерево и объект поклонения уральских мари. Неслучайно и лучшее место для моления – в священной роще или вблизи от нее. Перед богослужением верующие обязательно моются в бане, набирая воду в священном источнике, надевают чистую белую одежду и обязательно – головные уборы. Молла читает поэтические молитвы, о скоте, земле и обо всем, чего желает себе и своим близким любой человек независимо от вероисповедания.

Боги наверняка слышат марийские молитвы. Потому что щедро одаривают этот народ главным, что составляет смысл земного существования – умением радоваться жизни. Это когда после праведных и нелегких крестьянских трудов хочется праздника с красными, в узорах, рубашками, монистами, добрым пура и песнями, собирающими всех, кого ты знаешь и любишь, в большой хоровод.

Гостей встречают хлебом и маслом

Михаил БУЛАТОВ

Анри и Анна

Пристегните ремни и сделайте глубокий вдох. Мы отправляемся в путешествие. Просьба извергать свое негодование в специально отведенные для этого бумажные пакетики.

1. АНРИ И ФРАНК

Анри Лемм любил смотреть на море. Море манило маленького зверька лемминга, оно притягивало его взор, как магнит притягивает гайку. Он не был похож на других леммингов. Анри жил-был на окраине Леса. Что еще интересного мы знаем о нем? Зверек по фамилии Лемм умел готовить кофе (это все, что он умел готовить), слушал The Beatles и Тома Вейтса, одевался в коричневые тона, чувствовал себя голым без шарфика на шее – в любую погоду. Анри носил очки в черной оправе. Приятно познакомиться, потому что Анри Лемм – это я.

Анри любил выбираться по вечерам на склон и смотреть на бескрайнее водное пространство. Он был невероятно маленьким, море было невероятно большим. Они были чем-то похожи, как слон и муха. Рядом с морем Анри чувствовал свою значительность – словно был причастен ко всему миру. Анри думал о прекрасном. Он думал о земляных орехах, какао, майских звездах и, конечно, о черничном варенье. Варенье делала бабушка Анри, пока ее не съела сова. Наверное, сейчас она на Дальней Шишке, как принято считать. Все лемминги хотят попасть на этот чудесный остров, где нет ни лис, ни сов, ни волков, ни прочей прожорливо-зубастой пакости. И, разумеется, полным-полно вкусных шишек. И зимы теплые – если они там вообще есть. Словом, настоящий рай.

Однако не всем леммингам суждено попасть в это чудесное место. Часто молодые зверьки кидаются в море, мечтая добраться до острова вплавь. Зверьки бодро гребут лапками, сначала они величиной с шишку, затем с Франк, пока не уменьшаются до размеров кедрового ореха. И пропадают в лазурной дымке. Никто не возвращается, однако легенда живет. А еще на остров попадают очень хорошие лемминги, пусть даже если их съели. «Бабушка точно там» – так думал Анри.

Франк говорит, что никакого острова нет. А молодые зверьки еще туповаты – они просто тонут, когда устают плыть. Он такой, этот Франк – его называли, как мелкую монету, потому что он сам мелкий. Даже для лемминга.

Франк – это лучший друг Анри. Мама говорила, что чем меньше зверек, тем лучше, больше вероятность, что его не заметит остроглазая сова. Короче, Франк всегда гордился своими размерами. И ему нравилось все отрицать – почесать языком про Дальнюю Шишку было его любимым занятием. Еще Франк одевался, как цирковой артист, курил, как паровоз, и ругался, как сапожник. Почему Анри и Франк друзья? Они оба любили море, и, что бы там Франк ни говорил, когда они вместе смотрели со склона на набегающие волны, у Франка глаза были, как у Джоконды – печальные и задумчивые.

Анри достал трубку и раскурил ее. Наступала осень – любимое время Анри. Никто не будет смеяться над его шарфиком, все будут говорить, что он очень к месту и по погоде. А Франк обязательно пожалеет, что у него нет теплого шарфика. Анри даст ему поносить свой – все равно у Анри в платяном шкафу их целая коллекция. Есть даже красно-клетчатый шарф, впрочем, Анри всегда считал, что этот цвет ему не идет. Зато Франку должно понравиться.

Анри как раз думал о шарфике, когда Франк подобрался к нему сзади и сказал «Буга-га!». Анри от неожиданности подскочил выше своего роста (впрочем, все лемминги – существа крайне пугливые). Анри:

– Франк, пройдоха, чтоб тебе до конца жизни пустые шишки находить! Нельзя ж так пугать! Подумай о моем маленьком сердце – оно и без того бьется не в такт!

Франк:

–пей меньше кофе. И вообще, я принес тебе подарок.

Франк достал из-под полы малинового камзола виниловую пластинку (я уже говорил, во что любит этот чудак одеваться, да?).

Анри:

– Что это за ерунда?

Франк:

– Не ерунда, а Дженис Джоплин. Тащи сюда свой граммафон, несчастный графоман.

Франк, очевидно, был очень доволен своей шуткой. А Анри обиделся – он всегда считал, что его стихи заслуживают внимания. И в литературной гостинной тоже так считали. Короче, у Франка не было повода называть друга графоманом, и Анри решил на деле доказать ему, что он не прав. Он начал читать:

«Босые ступни Лунной Девы

Михаил Павлович Булатов родился в 1990 г., в стране, которой оставалось существовать еще год. При первой возможности вывалился из родительского гнезда и уехал из маленького провинциального городка по имени Тобольск. Поступил в ТюмГУ на отделение журналистики. Там же, на отделении журналистики, подружился с Владиславом Крапивиним. Знакомство с великим писателем усугубило пристрастие Михаила к бумагомаранию. Результаты его зловещих экспериментов на литературном поприще – вашему вниманию.

Оставят блики на воде.
И в шуме волн ее напевы,
И семь браслетов на руке...»

Франк оборвал его:

– Чушь для юнцов! Или ты влюблен, мой бестолковый романтик, а? Надеюсь, что нет! Не морочь мне голову всякой возвышенной ерундой!

Франк врал. На самом деле ему понравилось. Анри хорошо знал своего друга – если тому что-то нравилось, он спешил показать негодование. Если же ему не нравились стихи, он ничего не говорил. Сам Франк ничего не писал и называл поэзию пустым занятием, но ему нравилось считать себя причастным к богеме. Роль критика – что может быть лучше для самоутверждения маленького зверька?

Анри вытащил граммофон, и они поставили пластинку. Так бы они сидели и курили табак, провожая день под прекрасные вопли Дженис Джоплин, если бы не едва слышный шорох крыл – слишком тихий, чтобы угадать его заранее. Франк кинулся под корень столетнего дуба. Анри не успел. Так Анри познакомился с совой по имени Анна Джин.

2. АННА ДЖИН

Анна живет в центре Леса, у нее шикарные апартаменты в дупле на 15 этаже. Анна любит смешные грибы, тусовки, слушает trans, techno и drum'n'bass. Она не красится – а это не каждая может себе позволить. Анна может. Джин хорошо играет в рулетку и покер. А еще эта девочка не боится ничего. Да, и не проходит ночи, чтобы Анна Джин кого-нибудь не слопала.

На самом деле, Анна давно наблюдала за двумя чудаками, сидя на ветке сосны. «Ненормальные. Можно сказать – камикадзе. Ну что же, такова судьба» – думала Анна. Дальнейшие мысли Анны шли в следующей последовательности: «А вкус у них есть. Определенно – слушать старушку Дженис на морском берегу. В этом что-то есть». «Интересно, кого из них я съем? Грызун в малиновом камзоле слишком мелок. А тот, что в шарфике болотного цвета, очень даже ничего. Решено». В тот момент, когда Анна уже собралась спикировать на жертву, Анри начал читать стихи. Это ее задержало – она даже несколько рассердилась на того, малинового, который оборвал речь грызуна в шарфике. «А он талантлив. Должно быть, и собеседник интересный. Поиграем-поболтаем» – подумала Анна. В этом-то и была ошибка превосходной Анны Джин – с едой не принято разговаривать, как бы скучно тебе ни было. В следующий момент она спланировала вниз.

Анри понял, что до бабушкиного черничного варенья ему рукой подать. Об этом он подумал, когда почувствовал затылком Смерть. Анри не успел даже испугаться. Обернулся – и увидел Анну. Здесь нужно выдержать паузу, потому что зверек Анри понял, что он в ауте.

(пауза, посвященная отвисшей челюсти)

Так Анри увидел Анну. Он увидел ее не целиком. Начала большие глаза, в которых он, Анри, отражался. Потом смешной носик. Веснушки. Белоснежные перышки...

Еще Анри понял, что бежать уже поздно. Да если бы и можно было убежать, он все равно бы не тронулся с места. Он почувствовал приятное томление в животе – Анри влюбился. И тогда Анна заговорила:

– Добрый вечер, мсье. Извольте ваши последние слова!

Анри:

– Я люблю тебя.

Вы, должно быть, представляете весь идиотизм ситуации! Сложно сказать, кто был больше удивлен: Анри или Анна. Анри был в шоке от того, что ляпнул, Анна была в шоке от того, что услышала. Нелепо, честно, громко бьется сердце. Анна, (смущенно):

– Пушистик, ты не понял! Я тебя сейчас съем, ты еще не впилил?

И тогда Анри закрыл глаза и сделал самые важные в своей жизни три шага. Так же, не открывая глаз, он прижался к мягкой груди Анны Джин и сказал, веско и однозначно:

– ЕШЬ.

Глупо было бы обрывать историю в самом начале, правда? Так что вы легко можете догадаться, что Анна не съела Анри. Вот вам урок на будущее – никогда не разговаривайте с едой, это может привести к непредсказуемым последствиям!

3. АНРИ И АННА

Анна поцеловала Анри между ушек, ласково шепнула «идиот №1» и с изящным «Uh» улетела в ночное небо. Это не значит, что этой ночью она не оборвет жизнь пары-тройки грызунов. Такова судьба – непреложный закон пищевой цепочки. Но ведь из каждого правила есть исключения. Таким исключением сегодня стал Анри.

Лемм стоял, как громом пораженный, и смотрел на звезды. Франк вылез из своего убежища – челюсть у него до сих пор лежала на груди. Он встал рядом с Анри и точно так же уставился вверх. Впрочем, дар речи вернулся к Франку раньше:

– Ну, ты даешь, приятель! Я думал, тебе капут! Однозначно! Ну и повезло тебе! Ты самый крутой из лемминов! Эту историю будут передавать из уст в уста! А представляешь, что будет в литературной гостинице? Ну что ты все молчишь, Анри?

Анри:

– Франк, об этом никто не должен знать.

Франк:

– Что ты такое говоришь! Ты станешь героем! Все будут валяться у твоих ног! Не дури, Анри!

Анри:

– Франк? Можно тебя попросить?

Франк:

– Да, конечно. Для тебя – все что угодно.

Анри:

– Заткнись.

Маленький зверек Анри Лемм так и стоял – он даже не заметил, как ушел Франк. И на устах Анри блуждала самая наивная и дурацкая улыбка – по обе стороны моря.

Весь следующий день Анри был сам не свой. Он три раза пролил кофе на плиту. Он не мог раскурить трубку. Он надел разные носки. Он забыл, какой шарфик его любимый. Он не слышал, что ему говорят окружающие. Он не вышел на работу – кстати, Анри работал корректором в издании «Голос Леса». Следует ожидать, что новый номер выйдет с огромным количеством опечаток. Анри, скорее всего, за это выпишут штраф. Или лишат зарплаты. Или выгонят с работы. Но – это не имело ровно никакого значения. Странное ощущение томительного тепла никак не отпускало нутро маленького зверька. Он размышлял над тем вопросом, есть ли честь в том, чтобы быть «идиотом номер один».

Анри вообще вел себя, как совсем глупый зверек. Он улыбался каждой встречной белке. И по вечерам выбирался на морское побережье с винилом Дженис Джоллин. Так прошло три дня – он до треска заездил пластинку. «Франк меня убьет» – думал Анри. «А вдруг Она вернется?» – думал Анри потом. Музыка 60-х стала для него чем-то вроде заклинания, с помощью которого шаман призывает духов. Для него сейчас возмущение Франка по поводу испорченного винила не стоило и половины паршивой шишки. Все вдруг стало каким-то мелким, даже море – по сравнению с этим теплом внутри живота. Кстати, о Франке – после случая с Анной Джин он больше не выбирался смотреть на море вместе с Анри. Франк справедливо решил, что это не самое безопасное занятие. Через инстинкт самосохранения не перешагнешь. Впрочем, и из этого правила есть исключение – у Анри этот самый инстинкт испарился, как снег под весенним солнышком.

Вечером третьего дня Анна Джин вернулась. Она пришла, как всегда приходят совы – практически незаметно и неотвратимо. Анна сказала:

– Привет, пушистик. Почему я была так уверена, что найду тебя здесь?

Анри:

– Потому что я тебя ждал.

Анна:

– Надеюсь, ты и сам понимаешь, что очень глупо поступил, когда влюбился в меня? Пойми, пушистик, я – Анна Джин. В СС (Синдикат Сов) меня поднимут на смех, если узнают. И будут совершенно правы. Природа не предусмотрела случаи хронического кретинизма среди маленьких зверьков, но ты мне нравишься, пушистик. Поэтому держись от меня подальше.

Анри:

– Меня зовут Анри Лемм. Хочешь сахарной ваты?

Анна улыбнулась. «Да это просто диагноз» – решила Анна. Не стоит думать, что она ничего не понимала. Анна тоже знала, что такое тепло внутри живота. А еще она знала, что в небе можно кружить просто так, без цели – радоваться кудрявым облакам и солнцу. Она все это знала – когда-то. Но бывает так, что тепло в животе превращается в атомную бомбу, которая взрывается внутри – после такого еще долго остается радиоактивный след пустоты. Кто-то говорит, что это навсегда – Чернобыль в области сердца.

Анна:

– Хочу. Где ты ее достал, а? Я эту смешную штуку с детства не пробовала.

Анри:

– На углу Прямой Просеки и Старой Дубравы есть маленькая полянка. Там старый Кот держит лоток – только он сейчас умеет делать хорошую сахарную вату.

Тут Анри зажал рот лапками:

– Только не говори никому, хорошо? У нас с Котом договор – если о его маленьком бизнесе узнают в БДВ (Банде Диких Волков), Литл Бит не даст ему покоя.

Анна:

– Ок. Это будет наш с тобой секрет, пушистик.

Анри улыбался – так широко, что казалось, это было пределом возможностей его улыбки. Однако когда Анна почесала его за ухом, Анри улыбнулся еще шире – вопреки ожиданиям.

Анна:

– Я не забираю своих слов обратно, маленький зверек Анри. Знаешь, мне никогда не приходилось извиняться – но ведь все когда-то случается впервые, верно? Прости меня, пушистик. Спасибо тебе за сахарную вату. И прощай – ты вряд ли меня еще увидишь, а если увидишь, то не обрадуешься.

И Анна Джин улетела. С винила соскочила игла, и граммофон зашипел.

А Анри еще какое-то время улыбался. Минут пять – он был слишком маленьким зверьком, чтобы до него все доходило сразу. А потом Анри плакал.

4. ФРАНК УХОДИТ

Стало вдруг неважно, что Анри уволили с работы, что он забыл надеть шарфик и заработал воспаление легких. Он потерял счет трубкам, которые выкуривал за день. В однокомнатной норке холодильник покрылся плесенью. И тогда Анри пошел к Франку.

Франк жил через три квартала – Анри не видел друга уже больше недели. «А мог бы и зайти» – думал Анри, когда шел по опавшим листьям в гости к Франку. «Впрочем, может статься и так, что Франка съели» – боялся Анри. Но Франка не съели.

Франк жил один. Его мамочка тихо скончалась в постели – умереть своей смертью среди леммингов очень почетно. Круче этого только отправиться в Большой Заплыв. В норке у Франка пахло приправами и подгоревшей яичницей. Франк был убежденный холостяк, Анри был вынужденный холостяк. Никто не хотел связывать свою и без того ненадежную жизнь со скептиком Франком – считалось, что для маленького зверька у него слишком большие представления о том, что верно и что нет. Никто так же не хотел связывать свою жизнь с чудачком Анри – считалось, что он слишком беспечный зверек, с таким не построишь Семейного Счастья. Это их сблизало – Анри и Франка.

На пороге норки №68 столкнулись два взгляда – потухший взгляд Анри и горящий взгляд Франка.

Франк:

– Ты слишком уныло выглядишь, мой бледнолицый друг! Я решил не мешать тебе в твоих сумасшедших за-

блуждениях – все равно сам придешь, когда сочтешь нужным. Ну, вот ты и пришел.

Анри (почесывая щетину):

– Знаешь, меня уволили с работы. И вообще, чего ты такой радостный, Едкий Перец? Впрочем, это не так плохо – хоть у кого-то под кронами этого леса есть повод для радости!

Франк:

– А ты совсем плохо выглядишь, но я даже не буду спрашивать, в чем твоя беда. Ты прозрачен, как весенний лед – и так все видно. Но это хорошо, что ты пришел – мне нужно попроситься. Я и сам хотел к тебе зайти, но ты меня опередил – ровно на полчаса. Смотри, я уже надел твой шарфик. Ну, тот самый, красно-клетчатый. Можно я его себе оставлю, Анри?

На безучастной мордочке Анри впервые за последнюю неделю проступило недоумение – то, что Франк решил попроситься, никак не вписывалось в представления Анри о правильности мира. Ему казалось – вот есть он, а вот есть Франк. Вот Франк, а вот Анри – и иначе быть просто не могло. А тут этот пройдоха решил попроситься!

Анри:

– Ты с ума сошел, Франк? Куда ты собираешься уезжать? Чего тебе на месте не сидится? Зима не за горами – куда тебя несет?

Франк:

– Там, где я буду, теплая зима. Или ее совсем нет.

Анри:

– И где же это место, интересно мне знать?

Франк:

– На Дальней Шишке.

5. СВЕРХЛЕММИНГ

Анри знал, что бесполезно отговаривать Франка – он всегда был очень упертым зверьком. Анри знал, что бесполезно говорить о том, что море слишком холодное. Анри прекрасно знал, что Франк не вернется. Между тем Франк потрясал каким-то пухлым томиком перед мордочкой Анри. Кажется, он уже довольно долго пытался привлечь его внимание.

Анри:

– Что это за книжонка такая? КГ/АМ – однозначно.

Франк:

– Прикуси язык, мой недалекий товарищ! На, смотри!

И Франк сунул измученную чтением книгу в лапы Анри. «Фридрих Ницше, Заратустра, переиздания для леммингов» – прочел Анри выцветшую надпись на корешке.

«Круто. Теперь он увлекся немецкой философией. Все, приехали» – подумал Анри. Но вслух ничего не сказал. Зато сказал Франк. Он вообще сейчас был необыкновенно болтлив.

Франк:

– Знаешь, каждый из нас, маленьких зверьков, способен на нечто большее, чем служить кормом для сов и лис. Каждый лемминг может стать сверхлеммингом. Вот

послушай: «есть два типа одиночества: в первом случае это бегство больного, во втором – бегство от больных». Я предпочитаю второе. Мне часто говорили, что и как надо делать – и я подвергал это сомнению. От тебя, Анри, я сотни раз слышал о чудесном острове, куда дорога открыта только для лучших представителей вида – и отрицал твои слова. Но чего стоит мое мнение, если я не привожу доказательств? Отрицать можно все что угодно – это проще простого. Но вот доказать – выйдет не у каждого зверька. Кишка тонка для такого дела. Я всегда считал себя чуть лучше других. И что же выходит – чем я лучше, если сижу в своей темной норке, боюсь сунуть нос дальше порога и надменно взираю на смельчаков, которые отправились в Великий Заплыв? Цель настоящего скептика – эксперимент. И я готов на это пойти – только подумай, что цель оправдывает средства. А что, если остров все-таки есть – тогда я буду греться на лазурном пляже и дуть апельсиновый сок, в то время как трусливые зверьки из рода леммингов будут все сомневаться и со страхом ждать наступления ночи. Анри, мы всех оставим с носом. Ты со мной, друг?

Короче, идеологическая тирада Франка подошла к концу. «То ли у него язык устал, то ли он решил, что и без того весьма убедителен» – подумал Анри.

Анри:

– Франк, а что, если ты был прав и никакой Дальней Шишки нет? Мы погибнем, Франк, море съест нас.

Франк:

– Пусть лучше уж меня съест море, чем какой-нибудь блохастый лис! Стоит ли мелочиться, Анри?

Анри:

– Результат все равно один.

Франк сделал хитрое лицо – Анри понял, что последний козырь этот проныра, как всегда, оставил про запас. Франк сказал:

– Иди за мной.

Франк привел Анри в маленькую бухту, спрятанную в скалах. Там он и придерживал свой козырь – хлипкое плавательное сооружение из связанных вместе веток, еловых шишек и фиолетового моха.

Франк:

– Я назвал это Ковчег – неужели ты решил, что я ничего не продумал? Неужели ты недооцениваешь меня? Мы возьмем с собой запас шишек – скорее всего, плыть придется долго. И теплые вещи. И пресной воды – я все приготовил, честное слово! Я один до этого додумался – здорово, правда? У нас все получится – вот такая цель действительно достойна жизни лемминга! Кто сказал, что размер зверька имеет значение?

Анри:

– Твой размер обратно пропорционален амбициям, мой сумасшедший друг. У тебя просто приступ гипопотамии.

Анри-Франк. Франк-Анри. Смотрят друг на друга – никто ничего не говорит. Первым заговорил, как всегда, Франк:

– Слушай, Анри, тебе не кажется, что мы с тобой поменялись местами, а?

Анри:

– Франк, послушай меня. Я должен позвать с собой Анну Джин. Я все придумал – там, на острове, нет ни СС, ни БДВ, там не действуют законы Леса. Там у нас все будет хорошо. Франк, я должен попробовать ее найти.

Франк:

– Ты, видимо, совсем рехнулся. Анри, ты – точно идиот. Чем, по-твоему, питаются совы? Соображай!

Анри (упавшим голосом):

– Грызунами. Прости, об этом я как-то не подумал.

Франк:

– Даже если ты и разыщешь эту свою хищницу, что ты ей скажешь? «Хочешь, я отведу тебя в чудесное место – там много-много еды!» – так, что ли?

Анри был полностью подавлен и смят – как использованная салфетка.

Анри:

– Прости, Франк. Я не могу с тобой. Мне все равно нужно найти Анну.

Анри развернулся и побрел сквозь заросли, не разбирая дороги. Сердце у него было тяжелое, как картофелина (подумайте, каково соотношение размеров картофелины и зверька Анри). А Франк кричал ему в спину:

– Ну и ладно! Слабак! Ты тоже не потянул! Думаешь, меня это остановит? Вот увидишь, эта твоя Анна проглотит тебя на свидании! Что ты ей скажешь? «Дорогая, я хочу пригласить тебя на ужин» – и не забудь завернуться в листик салата!

Но Анри уже ничего не слышал – или не хотел слышать. А Франк тем временем уже спускал свою посудину на воду.

Лес был каким-то особенно мрачным. Или только казался таким Анри, потому что сам Анри был мрачен. Зверек как раз решал для себя этот вопрос, когда на встречу ему попался Литл Бит. А если Литл Бит выходит тебе навстречу, это значит, что где-то рядом непременно отирается Большой Бен. Анри подумал, что предсмертные записки нужно составлять заранее.

6. ЛИТЛ БИТ И БОЛЬШОЙ БЕН

Литл Бит и Большой Бен – та еще парочка. Большой Бен – глава клана Диких Волков, Литл Бит – его правая рука. Литл Бит и Большой Бен с первого взгляда могут показаться очень похожими – они оба носят большие солнцезащитные очки, одеваются в стиле клубных мажоров. Литл Бит красит ногти бесцветным лаком, Большой Бен пользуется гигиенической помадой. В свободное время эта парочка читает рэп со сцены. R'n'B пользуется успехом. Каждая лесная тварь знает, кто такие Литл Бит и Большой Бен.

У Литл Бита было отличное настроение. Он только что прошел по точкам и собрал подушную подать. Бит думал о том, что выпитый red bull неплохо было бы чем-то закусить – и вот тут-то он и натолкнулся на Анри.

Большой Бен, как это чаще всего бывает, оказался рядом с Литл Битом – они редко ходят поодиночке.

Литл Бит, придерживая Анри за шкирку:

– Смотри, Бен, как нам везет! Маленький зверек меняет упаковку чипсов – но зато он питательнее!

Большой Бен:

– Вечно ты ешь всякую гадость, я не раз говорил тебе, что от фастфуда случается несварение желудка! К тому же, этот зверек какой-то блеклый – а вдруг он больной? Я – за здоровую пищу.

Литл Бит, обращаясь к Анри:

– Что ж ты так несчастен? Тебе невероятно повезло – ты послужишь на благо обществу! То есть это большая честь – стать закуской для Литл Бита! Слушай, Бен, можно даже устроить food-кастинг!

Анри:

– Чтоб ты подавился, Бит. Желать тебе приятного аппетита не в моих правилах.

Большой Бен:

– Оу, какие мы гордые! Нет, определенно, теперь и я за то, чтобы съест этого маленького наглеца. Бит, поделим по-братски?

Литл Бит:

– Конечно, брат. Тебе какую часть – нижнюю или верхнюю? Эй, ты, кекс (обращается к Анри), окажи услугу, назови свою лучшую часть!

Пока Большой Бен и Литл Бит размышляли над тем, как им поделить между собой Анри, над головами промелькнула легкая тень. В следующий момент Анри уже был в острых коготках Анны Джин:

– Это моя добыча, мальчики. Прошу прощения, – но почему бы вам не уступить даме?

Литл Бит:

– Какого черта, пернатая стерва! Это наш чип!

Большой Бен (больно наступая Литл Биту на ногу):

– Все в порядке, Джин, зверек слишком мелок для нас – еще между зубов застрянет, потом у меня будет пахнуть изо рта и красивые девочки не станут со мной целоваться. Да, Анна?

Анна Джин:

– Красивые девочки будут с тобой целоваться, Бен, пока в твоём кошельке водятся деньги. Но вот умные – вряд ли. Хочешь жвачку?

Большой Бен:

– Не зарывайся, Анна. Кстати, у Конрада O'Beag есть к тебе пара вопросов – он хочет знать, где его деньги.

Анна Джин (томным голосом):

– О, где же его денюжки? Какая неожиданность – определенно, вы сообщили мне новость! Но мне пора, не то еда совсем концы от страха отдаст. Пока, мальчики!

Анри все это время болтался между небом и землей – во всех смыслах. «Интересно, это она серьезно про еду?» – думал Анри. Едва Литл Бит и Большой Бен исчезли из виду, Анна заговорила:

– Какая неожиданная встреча, пушистик! Имей в виду, я просто хотела подразнить этих пижонов и даже не помышляла кого бы то ни было спасать. Меня вообще не должно было бы быть в этом районе! Так что не подумай ничего лишнего – это просто совпадение!

Анри:

– Да, это ты точно заметила!

Анна:

– О чем это ты?

Анри:

– Про падение сов!

Анна (улыбаясь):

– Не смейся меня, а то уроню!

Анри, кстати, все это время не открывал глаза – и вот он решил. Это было покруче всякого колеса обозрения – ветер обдувал мордочку Анри, а внизу было бесконечное зеленое поле Леса. А какой был воздух! Этот воздух можно было закупоривать в бутылки, а потом открывать их по праздникам, как дорогое вино.

Анри:

– Анна, спасибо тебе. Но скажи, у тебя проблемы?

Анна:

– Все равно ты слишком маленький зверек, чтобы предлагать мне свою помощь! Но не беспокойся, пушистик, ты плохо знаешь Анну Джин! Я непременно выкручусь.

Анри:

– Анна, знаешь что? Лучше бы ты и правда меня съела.

Анна:

– НЕ БУДУ Я ТЕБЯ ЕСТЬ!

Анри:

– Почему?

Анна не успела ответить. Это произошло внезапно. Еще секунду назад никто не предчувствовал беды – и вот уже Анна Джин с Анри в когтях камнем падает – в направлении земли.

7. КОНРАД О'ВЕАР

Конрад О'Веар заведует всем, что происходит в Лесу. Он держит под контролем и СС, и БДВ – у него вообще все под контролем. Конрад похож на мохнатую гору, пользуется одеколоном Hugo Boss, ездит на заднем сидении Mercedes. Стекла в машине, разумеется, тонированные. И пуленепробиваемые. О'Веар курит кубинские сигары. Как сказал бы маленький зверек Анри, Конрад О'Веар – большая шишка.

Между тем, самый большой доход Конрад О'Веар получает с игорного бизнеса. У него сеть казино «Джокер». Слоган – «Что наша жизнь? Игра!». Я уже упоминал о том, что Анна Джин хорошо играет в рулетку. Однако я преуменьшил ее достоинства – Анна Джин отлично играет в рулетку и покер! Однако «отлично играть в рулетку» не всегда значит «честно играть». Еще я упоминал о том, что Анна Джин ничего не боится – и это совершенная правда.

Потому что обчистить Конрада О'Веар могут позволить себе три категории лесного народа: а) те, кто решил свести счеты с жизнью весьма оригинальным способом; б) совершеннейшие безумцы; в) невероятно ловкие смельчаки, которые, впрочем, совсем недалеко ушли от предыдущего варианта. Как вы уже догадались, прекрасная Анна относилась к третьей категории. И ладно, если бы она просто обчистила казино – надо знать, на какую сумму! Столько нолей бывает только в бинарном коде.

Конрад О'Веар вычислил Анну не сразу – он узнал, кто оставил его с носом, спустя две недели. Это большой срок – при его-то системе осведомителей! Дальше все,

казалось, было довольно просто – надавить на Синдикат Сов, чтобы те выдали ему Анну на блюдечке – классическая формула. Но с СС, как оказалось, договориться не так просто – у этой организации нет принципов, кроме одного – не выдавать своих. К тому же, следует понимать, что Анна Джин была не последней совой в Синдикате.

Однако там, где не работает сила, работает хитрость. А основной катализатор для хитрости – деньги. Словом, Конрад О'Веар подкупил одного из членов Синдиката – а именно Джулию Хэвен. Джулия была ближе всех к Анне – надо понимать, что она ее ненавидела.

Джулия следила за Анной Джин – с самого момента ее встречи с Литл Битом и Большим Беном. Все члены Синдиката Сов – очень меткие стрелки. Конрад О'Веар дал Джулии конкретное задание – подранить Анну, но непременно проследить за тем, чтобы та осталась жива. И – доставить Анну в резиденцию БирХаус, где Конрад намеревался вытряхнуть из нее всю информацию и свои деньги. Джулия думала: «Интересно, почему она не слопала этого грызуна сразу? Обломить Литл Бита и Большого Бена – красиво, вполне в ее стиле. Но какого дьявола она тащит за собой эту мышь? Решила оставить про запас – какая, оказывается, Анна мелочная особа! Зато я играю по-крупному – Анна бы осталась довольна, узнав, сколько стоит ее голова!». Однако Джулия всегда была второй в Синдикате, потому как не умела просчитывать все до конца. Она выбрала не самое удачное место и время для стрельбы, однако терпеть не было уже никаких сил.

В этот самый момент Анна Джин с Анри как раз пролетала над глухими трущобами Леса – поэтому, как только Анна рухнула вниз, Джулия тут же потеряла ее из виду. Запутаться в лабиринте трущоб очень просто, а наблюдать это безобразия с высоты птичьего полета отнюдь не легче.

8. СОВ ПАДЕНИЕ

Сперва Анри ничего не понял. Он просто внезапно почувствовал, что земля приближается – катастрофически быстро. «А было так хорошо, но мало!» – подумал Анри про свою жизнь. Но перед самым падением Анна едва сумела выровнять полет, после чего они упали в кучу прелых листьев. Так они лежали – какое-то время. Анри увидел, что крыло Анны пробито пулей. Надо отдать должное его сообразительности. Кроме того, сама ситуация обязывала шевелить мозгами чуть быстрее, чем обычно. И поэтому он начал засыпать Анну листвой.

Анна Джин:

– Эй, не торопись, амиго! Это, конечно, очень мило с твоей стороны – похоронить меня сразу, не мудрствуя лукаво, но ведь я, как ни странно, все еще жива!

Анри:

– Тише, Анна. Стрелок где-то рядом – нас не должны найти. Я, конечно, очень маленький зверек, но думаю, что у нас большие проблемы!

«С ума сойти! Кажется, этот пушистик спасает мне жизнь. Вот уж не думала, что у него будет возможность отплатить той же монетой, да еще так скоро!» – думала Анна. А Анри между тем сам спрятал тельце в опавшей листве – и начал молиться богам, большим и маленьким.

Наверное, Анри очень хорошо молился, хотя раньше никогда этого не делал. Должно быть, и большие, и маленькие боги в этот вечер решили объединиться, и никто из них не проморгал возможность помочь Анне и Анри. Короче, Джулия зря кружила в сумерках над трупобами.

Она парила широкими кругами, осматривая местность. Геометрические трюки она выделяла никак не меньше полутора часов. Все это время в ее голове метались совершенно дикие мысли: «Да она как сквозь землю провалилась!», или «Как я могла так облажаться?», или «Интересно, когда Конрад узнает о моей промашке, он свернет мне голову по часовой стрелке или против?». Однако Джулия Хэвен так ничего и не добилась, и отправилась восвояси.

Анри и Анна были не в курсе, насколько хватит терпения у неведомого снайпера, потому пролежали в укрытии три часа. Анна совсем ослабела, хоть нельзя сказать, что ее рана была очень серьезной. Через три часа Анри отправился на разведку:

Анри (тоном Штирлица):

– Все чисто! Можешь выходить!

Анна:

– Ах, если бы это было так же просто сделать, как сказать!

Анри помог Анне выбраться и принять вертикальное положение – оба эти действия дались ей с большим трудом. И тогда они поняли, что положение дел невероятно паршивое. Просто до безобразия.

Во-первых, наступала ночь – а это значит, что СС и БДВ вошли в полную силу. В это время суток нельзя было пробраться через лес незаметно. Во-вторых, Анна не могла летать и слабела с каждой минутой. Ко всему прочему, район трупоб был им совершенно незнаком, и найти здесь кров не представлялось возможным. Анри жил чуть ли не на другом конце Леса, в северной его части. А вернуться к себе домой для Анны означало самой прыгнуть в лапы к Конраду О'Веар. Между тем, холодало и зубы начинали свой задумчивый перестук.

9. ДЖО ЗЕМЛЕРОЙ И ПОЛУНОЧНОЕ МЕТРО

Анри тащил Анну, шептал что-то вроде: «все будет хорошо» и «потерпи еще немного» – словом, всю ту чушь, которая обычно приходит на язык в такой ситуации. Между тем, он понятия не имел, как все будет и сколько им еще придется терпеть. Вдруг в темноте замаячил фонарик, и неуверенный голос пригвоздил их к месту проверенной временем фразой:

– Стой, а то стрелять буду.

Анри:

– Ну уж нет, на нашу долю сегодня выстрелов хватит! Это уже перебор! Кстати, а ты кто?

Маленький зверек вел себя необычайно смело – а как еще он мог вести себя в присутствии Анны Джин?

Неуверенный Голос:

– Меня зовут Джо Землерой, я смотритель Полуночного Метро. Так что я здесь важная персона, имейте в виду! А вы кто?

Сказано это было настолько робко, что Анри стало смешно. Смешно стало и Анне, но она была абсолютно

без сил. Впрочем, даже улыбка в ее положении дорогого стоила.

Анри:

– Меня зовут Анри Лемм, а это Анна Джин. И нам очень нужна помощь!

Тут Анри понял, что удача снова позволила ухватить ее за хвост. Спасение было в десятке шагов, и звали его смотритель Полуночного Метро.

Следует сделать небольшое отступление, чтобы рассказать о клане землероев и их сети тоннелей, которая раскинулась по всему Лесу. Когда-то Метро было очень популярным – однако с тех пор прошло много времени. Конрад О'Веар не слишком спешил финансировать подземку, и Метро потихоньку пришло в запустение. Действующие точки входа в Метро остались разве что в глухих трупобах – как раз в том районе, куда занесло наших героев

Анри увидел Джо, и ему стало совсем весело – если бы у того и впрямь было ружье, он не смог бы попасть в Анри и с двух шагов. Потому что Джо был крот.

Выглядел он и того забавнее – шапка-ушанка и валенки в комплекте. В промежутке между ушанкой и валенками – сам Джо. Рабочий класс, в общем.

Джо Землерой:

– А что за дело у вас, а? Как таких господ в гетто занесло? Дык я чего-то не пойму. Подойдите поближе, если вам несложно – а то я вас разглядеть не могу.

Анри, помогая Анне идти, сделал пару шагов, и его мордочку осветил фонарь Джо. Землерой увидел спутницу Анри, и из его рта вывалилась самокрутка. Следующие несколько минут он способен был издавать весьма невнятные звуки, что-то вроде: «Дык... эээ...ой...ай-я...блин...».

Анри:

– Не беспокойся, она не опасна – видишь, крыло дырявое? Нам нужно спуститься в подземку – нас ищут.

Джо:

– Дык я вам помогу, а меня потом... эээ, ну, того...

Анри:

– Если ты нам поможешь, то все будет хорошо. Впрочем, это твой выбор – либо ты бросаешь нас на улице, а на утро находишь два трупа, либо помогаешь нам. Несложная задачка – подумай хорошенько.

Джо думал. Для приличия он думал минуты две, чтобы как-то обозначить свой мыслительный процесс во времени. Потом сказал:

– Ну, это, пойдёмте что ли...

Они шли мимо лачуг и шалашей к заброшенной станции Полуночного Метро. Если разобраться, то раньше это было просто метро, но, когда тоннели стали приходить в негодность, в подземке стали находить прибежище бродяги, рецидивисты, убийцы и поэты – как правило, вся эта веселая компания собиралась там после заката. Каждый скрывался – по разным причинам.

Джо провел Анну и Анри через турникеты, крикнув по ходу охраннику-барсуку:

– Кларк, это... в общем, это свои, Кларк.

Накачанный Кларк покосился в сторону Анны, но промолчал. Они все такие молчаливые, охранные барсуки.

В подземке было темно, пахло сигарками, лампадным маслом и почему-то свежим хлебом. Джо уловил ароматную струю и объяснил:

– Значится, у нас здесь небольшой пекарный цех... Кушать-то, как бы, хочется, вот и готовим сами. А те, кто у власти, им трущобы наши знаете до какого места? – и Джо выразительно похлопал себя по заднице.

Анри:

– Нам нужно выбраться в район Глубоких Нор.

Джо:

– А, знаю, у меня, значит, там раньше племянник жил. Пока его Литл Бит не прикончил – вот ведь как бывает... Везет же вам, ребята! Ветка на север – едва ли не единственное направление, в котором работает Полуночное Метро.... Есть еще на запад, но она идет только до половины. Впрочем, и на север тоже не до конечной.

Они прошли на платформу, и Джо кивком головы указал на вагонетку:

– Дык вот так, а как иначе-то... Добираться, правда, не близко – ну да ничего, потом рассчитаемся (Джо хитро улыбнулся, пристукнув характерным жестом по кадыку).

Вагонетка была тесной, и они едва залезли в нее втроем. Весь путь по северной ветке Джо пел что-то про тройки лихих коней и просил их (коней) не слишком-то буянить. Что-то народное, в общем. При всем этом он еще и умудрялся не выпускать изо рта дымящейся папиросы – такому фокусу подивился бы и сам Копперфильд. Где-то на половине пути Анри сменил Джо у рычага – хоть он и боялся пропустить развилку, постоянно поглядывал через плечо – как там Анна. А Анна заснула под заунывное пыхтение Джо, и вряд ли ее сон можно было назвать здоровым. Скорее всего, это был глубокий обморок.

До Глубоких Нор добрались ближе к рассвету. Джо и Анри выглядели как ожившие покойники, Анна – как правильная покойница. Впрочем, только выглядела – Анна была жива, хвала богам – большим и маленьким. Анри поблагодарил работягу, пообещал, как все утрясется, отплатить ему добром.

В поселке леммингов не началась еще обычная утренняя суматоха, еще не пошел по маршруту первый трамвай – словом, мертвое время. Поэтому никто не мог видеть, как Анри дотащил бесчувственную Анну до норки №14 (Анри жил под этим номером). Так начинался день, и Анри подозревал, что его жизнь теперь вряд ли вернется в прежнее русло. Стоит сказать, что никакого сожаления по этому поводу он не испытывал.

10. ОЩУЩЕНИЕ ЭСКИМО

Вам в детстве когда-нибудь покупали эскимо? Завернутое в фольгу, на длинной деревянной палочке? А на улице – непременно июль, непременно рядом мама, непременно на ногах легкие дерматиновые сандалии. И облака белые, и эскимо белое, а небо голубое. И хочется то ли петь, то ли стоять на ушах – не поймешь. Анри был счастлив – до кончиков усиков, когда Анна открыла глаза. И улыбнулась. И Анри улыбнулся. И они молчали – какое-то время.

Но прежде Анри промыл, обработал и перевязал рану. Уложил Анну в чистую постель. Налил ей апель-

синового сока – если очнется и захочет пить. Задернул шторы на окнах, чтобы Анну не тревожило солнце. Приготовил ей тосты с джемом. Поставил табурет рядом с постелью и стал ждать – и вот Анна проснулась.

Анри:

– Хочешь апельсинового сока?

Анна:

– Глупый ты, пушистик. И зачем ты ввязался в эту историю? Теперь тебе точно каюк – говорила же я, что со мной лучше не связываться!

Анри:

– Выше клюв, Анна Джин! И не надейся, что избежишь от моего общества так легко!

Анна рассмеялась. «Неповторимое существо этот зверек» – подумала она. «Я люблю тебя, Анна Джин» – подумал Анри.

Анри хлопнул себя по лбу – вспомнил вопрос, который давно вертелся на языке:

– Анна, скажи, что от тебя нужно самому Конраду О'Веар? Хоть я и маленький зверек, мне можно доверить большую тайну!

Подумав, Анри добавил:

– Честное слово!

И Анна пересказала историю с казино, даже посвятила Анри в то, на сколько стали легче карманы хозяина заведения.

Когда Анна закончила говорить, у Анри (как, впрочем, наверняка и у вас) был всего один вопрос:

– Я не могу понять – зачем тебе вдруг понадобилось столько денег? Мне сложно поверить, что без этого твоя жизнь была так уж скучна!

Анна:

– Знаешь, как можно убить сову? Достаточно одного – лишить ее неба. Конрад О'Веар зря беспокоится – его деньги уже ушли в дело. Это для моей сестры – с ней случилась скверная штука, знаешь ли. Она поломала крылья на БОС (Большой Охоте Синдиката) – я кормила ее (виновато косится в сторону маленького зверька), я часто ее навещала. Но – каждый раз, когда я к ней приходила, то находила ее на крыше – она сидела на карнизе и смотрела на небо. Знаешь, совы очень редко плачут – если разобраться, то вообще никогда. А она смотрела на небо и плакала. Я знала, что рано или поздно она полетит – только не вверх, а вниз. Помнишь, как в той песенке? И я дала слово (а слово члена Синдиката Сов дороже его жизни) – я пообещала, что верну ей небо. В Лесу есть только один зверь, который мог ей помочь – его зовут Станислав Бритва. Белый Барс. Он первоклассный хирург, но оплатить операцию – не самая простая задачка! Я сама была в ауте, когда узнала сумму. Пришлось провернуть аферу с казино – цель оправдывает средства, разве нет? Зато у моей сестры сейчас есть небо. Я попросила Станислава присмотреть за ней, и можно быть уверенным – ее никто пальцем не тронет. Потому что Бритва – зверь хоть и без чувства юмора, зато с чувством собственного достоинства. И если уж он дает слово – это железно.

Анри улыбнулся – как-то слишком грустно, словно за спиной у него уже стояла и в свою очередь ухмылялась

Смерть. Анна тоже постаралась улыбнуться – если уж вам довелось попасть в безвыходную ситуацию, то постарайтесь хотя бы не падать духом! Всегда есть крошечный шанс на то, что боги протянут вам лапу – большую или маленькую.

Прошла неделя, Анри ухаживал за Анной, ее крыло потихоньку заживало. Он научил ее готовить кофе, она научила его точить ножи. Короче, все было просто здорово – надолго ли? По вечерам они считали звезды – бесполезное занятие, если честно. Поэтому они их не просто считали – они придумывали им имена.

Анри:

– Смотри, вот это Элиот.

Анна:

– Ага, а вот там Мелиса.

Анри:

– А это точно Оливер! Я это понял по тому, как он мне подмигивает!

Анна:

– Ага, точно!

Анри:

– Смотри, Оливер падает!

Анна:

– Нет, он просто решил отдохнуть. На следующий вечер его свет загорится где-то еще – только подумай, насколько скучно всю жизнь оставаться на одном месте!

Вот так, Анри и Анна сидели, прижавшись друг к другу, а Оливер падал.

11. КСЕНИЯ СУ И БОЛЬШОЙ БЕН

Это случилось в понедельник. Анри никогда не считал понедельник особенно хорошим днем – хотя бы потому, что это обычно начало рабочей недели. В понедельник Анри отправился за сахарной ватой к старому Коту – он хотел порадовать Анну. Ее крыло почти зажило, но Анри пока не отпускал Анну летать – он считал, что та еще не совсем здорова. И когда он шел вдоль Прямой Просеки, то он повстречал лису Ксению Су. Впрочем, иногда ее еще называют Рыжей Су.

Следует сделать небольшое отступление – вы ведь еще не знакомы с Ксенией Су. Впрочем, вряд ли кто в здравом уме захочет заводить знакомство с этой особой.

Потому что Ксения Су – приемная дочка Конрада О'Веар. Ксения Су носит акриловые когти – невероятной длины, ходит на высоких каблуках, умеет думать. Она думает о том, какой помадой разукрасить ротик и какое колечко надеть сегодня на лапку – с бриллиантом или простенькое, с изумрудом. Как правило, этот сложный вопрос она решает до первой половины дня – а во второй половине дня она пытается всех убедить, что сделала неправильный выбор. «Я выгляжу просто ужасно в этом», – говорит Ксения и брезгливо потряхивает лапкой. Ксения Су занимается тем, что с утра и до вечера растрчивает деньги папочки – невероятно утомительное развлечение! Не каждый способен выдержать походы по бутикам – с 14 и до 20 часов – ежедневно. А сколько проблем возникает, когда не знаешь, какое платье выбрать –

вы только подумайте! Вы уже поняли, насколько несчастна бедная-бедная Ксения Су (счет в банке превышает зарплату за 10 лет всех рабочих из района трущоб, вместе взятых).

Ксения Су шла и напевала: «Больше, больше гламура! И макияжа, и маникюра!». Анри думал о сахарной вате для Анны Джин – он слишком поздно увидел Ксению Су. Зато Ксения Су увидела Анри – и Анри побежал.

Ксения Су:

– Куда же ты, мой маленький пупсик! От Ксюши не уйдешь!

На беду для Анри, вместе с Ксенией Су оказался Большой Бен – они так подходили друг другу, что точно! Должно быть, как раз сейчас у них был очередной романтический шоптрип. Короче, Большой Бен и Ксения Су стояли друг друга – за тем исключением, что Бен был посообразительнее. Конрад О'Веар дал Большому Бену и всему БДВ приказ – отыскать Анну Джин во что бы то ни стало. Большой Бен прекрасно помнил, как Анна Джин умыкнула у них с Литл Битом из-под носа чипс по имени Анри Лемм. Между тем, со слов Джулии Хэвен, грызун все еще оставался при Анне, когда она ее подстрелила. И вот он, этот грызун – прямо перед Большим Беном. Взвесив факты и аргументы, Бен пришел к мысли, что его, скорее всего, ждет большая награда! «Куплю себе BMW. С открытым верхом» – подумал Большой Бен.

А Анри бежал – он бежал так быстро, как только мог. Он обязательно успеет. Анри бежал, потому что знал – Анна должна спастись. Он не может опоздать. Он еще успеет ее предупредить. Анри не позволит себя поймать Большому Бену и Ксении Су – и не потому, что от этого зависит сейчас его жизнь. Потому что от этого зависит жизнь милой Анны Джин.

12. ХВАТИТ ИГРАТЬ В ЧЕ ГЕВАРУ. ПОРА ИМ СТАНОВИТЬСЯ

Анри сумел. Он оторвался. Он ушел тайными тропками, которые знали только маленькие зверьки. Он два раза чуть не попался – но чуть не считается. Он упал и разорвал локоть в кровь. Он сумел выиграть минут десять. Он ворвался в норку №14. Еще не успев отдышаться, Анри крикнул, прямо с порога:

– Анна! Ты должна уходить. Слышишь, Анна? Улетай! Нас нашли – и скоро Конрад О'Веар будет здесь. Времени немного – тебе надо спешить.

Анна:

– Нет.

Это ее «нет» повисло в воздухе, это «нет» – занесенный топор палача. Все вдруг замерло – или просто Анри замер. Но Анна должна спастись, почему она не хочет улетать? Да, конечно, она еще не совсем здорова – но одна, без лишнего веса в лице Анри, у нее был бы неплохой шанс. Но Анна говорит «нет» – почему?

Анри:

– Почему?

И Анна сделала три самые важные шага в своей жизни – раз, два, три, на четвертом – поцелуй. Это был полный аут.

На улице слышен мотоциклетный рев. На улице – визг тормозов. На улице суматоха – в район Глубоких Нор пожаловали Банда Диких Волков и Конрад О'Веар. Апокалипсис сейчас.

Анри открыл глаза. Он улыбнулся Анне – и вышел на улицу. Вся Дикая Банда была в сборе. Волки наматывали цепи на кулаки. Анри чувствовал, что земля упругая, как батут. Конрад О'Веар выходит из машины – лохматая гора. Он хоть и медведь, но по размерам больше тянет на мамонта. Анри чувствует, как дрожат ноги. Волки ухмыляются – у них в руках бейсбольные биты. Анри закуривает. Анри закатывает рукава. Анри сжимает кулаки. Он идет прямо на Конрада О'Веар.

В голове у Анри рождаются лучшие стихи. «Тоже, нашел время для поэзии» – думает Анри. Но слова приходят:

Анна Джин, я хочу быть с тобой,
На своей земле я устал быть едой.
Но моя усталость – отчаяние загнанной мыши,
Заставляет меня быть Сильнее и Выше.

Анри подходит вплотную к Конраду О'Веар. Никто из БДВ не показывает, что в высшей степени ошарашен такой наглостью. «Он идиот. Но смелый идиот» – думает Конрад О'Веар.

Конрад О'Веар:
– С дороги, мелочь. Тебя здесь еще не хватало!

Анри:
– Нет. Я не уйду.

Конрад О'Веар:
– Ты в своем уме? Убирайся, мышь!

Анри:
– А теперь будь любезен послушать меня (колени у Анри уже не трясутся) – ты должен отпустить Анну Джин. Если ты хочешь узнать, что стало с твоими деньгами – боюсь, что я вряд ли смогу тебя обрадовать. Потому что денег нет – и делать тебе здесь нечего.

Конрад О'Веар:
– Посмотрите, как обнаглел мелкий народец! И с чем же это связано, интересно мне знать?

Анри:
– Потому что каждый из нас способен быть чем-то большим, чем едой для вас. Потому что мы гнем спины ради того, чтобы вы покупали себе новые тачки и одевались в костюмы от D&G. Потому что нас много – и не стоит нас злить.

Анри не знал, что весь район Глубоких Нор уже в курсе вторжения Дикой Банды на территорию леммингов. Анри не знал, что каждое его слово ловят ушки Маленьких Зверьков. Анри не знал, что за ним наблюдают. Анри ни на что уже не надеялся.

Большой Бен, который стоял справа от Конрада О'Веар, пнул Анри в живот – и Анри упал. Волки разразились глумливым смехом.

Анри лежал и задыхался. «Какой-то не слишком веселый конец у этой истории» – думал он. Вдруг кто-то протянул ему лапу:

– Вставай, брат.

Это был лемминг по имени Альф – сосед Анри. Анри обернулся – и он увидел, как лемминги выходят из своих нор.

Все, что было потом, случилось очень быстро – на секунду времени приходилось слишком много событий. Альф вцепился в нос Конрада О'Веар. Три десятка леммингов повалили на землю Большого Бена. И завязалась драка – самая невероятная за всю историю Леса. Анри ударили по голове, и потому очнулся он уже в когтях Анны Джин. Она тяжело встала на крыло, но поднялась в воздух и все-таки сумела выцепить зверька из потасовки.

Конрад О'Веар кричал, пытаясь отодрать Альфа от носа:
– Да стреляйте же вы! Анна Джин уходит!
И мимо засвистели пули.

13. РЕИНКАРНАЦИЯ

Сперва Анри даже не почувствовал, что одна из этих маленьких свинцовых штучек попала в него. Они улетали все дальше – в направлении моря. Анри понял, что что-то не так, только когда увидел красные пятнышки на перьях Анны:

Он испугался – неужели Анна ранена?

Анри:
– Анна, в тебя попали?

Анна:
– Нет, глупый зверек. Это в тебя попали.

Под ними развернулась бесконечная водная гладь. Анри спросил:

– Куда мы летим, Анна?

Анна:
– Я отнесу тебя на Дальнюю Шишку. Помнишь, ты рассказывал мне эту смешную легенду? Так вот, не бойся – этот остров есть, я точно знаю. Только ты потерпи, пушистик. Там тебе помогут – только ты подожди, хорошо?

Анри:
– Анна, тебе тяжело лететь? Мы умираем, да?

Анна:
– Анри, я люблю тебя.

И хоть эти слова не стоит произносить вслух, Анри стало вдруг так хорошо – дальше некуда. И он потерял сознание.

Анри очнулся от прикосновения теплых соленых губ. Пахло морем. Он лежал на песчаном пляже. Анри увидел Анну – смешной носик, веснушки, волосы цвета меди. И никаких перьев. Анри посмотрел на свои лапки – на каждой по пять пальцев. Впрочем, он не сильно удивился – в конце концов, это ничего не меняло. Не так уж плохо быть человеком.

Анри:
– У нас получилось, да? Мы их всех оставили с носом?

Анна:
– Да, маленький зверек. Теперь все будет хорошо. Смотри, вот и Франк идет.

Анри повернул голову и увидел Франка. Он был в какой-то абсолютно сумасшедшей рубашке с попугаями. Франк бежал к ним по пляжу и кричал:

– А вот и ты, вшивый очкарик! Я знал, что ты рано или поздно припрешься! Не долго же я наслаждался жизнью отшельника, честное слово!

В руках у Франка была большая банка черничного варенья.

Два солнца на закате

Половина десятого.

Клякса июльского солнца на пути к зениту. Через час она загустеет, станет жгучей, а день – липким, словно кисель. И в этом тягучем, приторно-сладком вареве окружающий мир застынет до вечера.

Но так будет позже, а пока из травы еще тянет утренней прохладой.

Сашка любит это время. Сейчас он лежит в одуванчиках. Под голову брошен полупустой рюкзак, футболка заткнута за резинку шорт, кроссовки скинуты и валяются неподалеку. Где-то, совсем рядом, в самое ухо надрывается кузнечик, но шевельнуться и прогнать его – лень.

Сашке и руку-то поднять лень, не то, что идти куда-то. Пусть даже на реку.

При мысли о воде сердце радостно заходится: тук-тук-тук-тук...

Налетает ветер. Он ласково ворошит волосы, он гонит прочь ночную духоту и отголоски дурацких снов. Ветер качает травы и швыряет в лицо горсть июльских снежинок. Те лезут в глаза и в нос. Щекотно!

Сашка чихает и улыбается. Вечером Иришка вновь будет вычесывать из его волос летучие семена, а он будет отбрыкиваться и шипеть. В шутку, конечно же...

Сашка косится в сторону.

Окна их домика нараспашку. Иришка сидит на подоконнике своей комнаты. Свесив ноги, она солнечным зайчиком пытается попасть Сашке в глаз. Компьютерный диск в ее руках подрагивает, и зайчик скачет с носа на грудь. Сашка лениво наблюдает за ним и щурится, когда она попадает.

Девчонке вскоре надоест Сашкино пренебрежение. Иришка соскочит и, утонув по колено в траве, рванет к нему. В ту же минуту день взорвется событиями и побегит с ними наперегонки, дразнясь и гогоча: «Ну, кто из нас первый?! Попробуй, догони!»

Сашка переводит взгляд на соседнее окно.

Ярика в комнате не видно. Оно и понятно: сегодня он дежурный по кухне.

Ярик – это вечер. Время, когда любая глупость кажется сказочной и волшебной, когда веришь в любую легенду, рассказанную им.

А Иришка – напротив...

Она и ее солнечный зайчик – это утро. Время, когда тебе стыдно за ночные страхи и за откровения. За слова, после которых почему-то краснеешь.

Вот и она! Девчушка взвивается над травами и с разбега плюхается Сашке на пузо. Тот еле успевает подставить руки.

Иришка смеется, а Сашка вопит. Он чувствует, как завтрак рвется наружу.

– Ты так пойдешь?!

– Ага!

Девчонка вскакивает и крутится на ноге.

На ней лишь цветасто-синий купальник: юбочка поверх трусиков и узенькая полоска на груди. Там закрывать-то еще нечего.

– А если дождь?

– Не, дождя не будет! Точно!

Сашка ей верит. И пусть предсказания – это не ее хотто, Сашка все равно ей верит.

У Иришки другой дар – она лечит руками. Не всегда, правда, получается, но с ней «работают». Так же, как и с остальными – с пятью десятками разношерстных мальчишек и девчонок, от совсем еще малышей, за которыми «глаз да глаз», до подростков подобно Лиссу.

Лисс – старший в их четверке. Его слушаются... нет, конечно же, не беспрекословно, но стоит Лиссу прищурить серый глаз и вплести в голос стальную нотку, как маленький мирок из двенадцатого домика притихает. Даже Ярик! А его успокоить совсем непросто.

* * *

Их домик – крайний.

Это небольшая типовая деревянная коробка с покатой крышей. Шесть окон, одна дверь, перед дверью низкое крыльцо. От нагретых за день досок пахнет почему-то морем. Так говорит Ярик. Из их четверки только он видел море.

Под крыльцом живет старый рыжий кот. Кот живет только у них в домике, и здесь его любят.

А еще около крыльца вдоль стены в траве лежит лестница. Рассохшаяся, с проржавевшими гвоздями, она лежит здесь, наверное, с незапамятных времен. Если прислонить ее к стене, то можно взобраться на крышу.

Сашка любит торчать наверху. С крыши окрестности как на ладони. Мальчишка представляет себя стоящим на рее крутобокой каравеллы, рассекающей белоснежно-желтый океан.

Лениво покачиваются стройными рядами другие корабли – близнецы, подобные этому. Раз, два, три, четыре... двенадцать. Дюжина однотипных до-

Алексей Николаевич Мазуров родился в 1980 году в г. Каменск-Уральский Свердловской обл. Закончил Московский Институт Радиотехники Электроники и Автоматики (МИРЭА). Работает по специальности – инженером по системам беспроводной связи. Увлекается футболом и живописью. В настоящее время проживает в Московской области. Печататься начал в 2005 году.

миков и флагманом – большой особняк из красного кирпича и белыми колоннами со стороны фасада. Чуть в стороне – спортивная площадка и горбатые сараи. Далекий город своими очертаниями ломает горизонт.

Это если смотреть на север.

А на юге – там, где солнце, все совсем по-другому.

Поле сечет высохшая колея. Она, извиваясь, бежит к небольшой речушке. Ее вода прозрачна, а глубина – Иришке по шейку.

За рекой зарастают развалины старой кладки. Тополя корнями вгрызаются в камень, и Лисс говорит, что через пару десятков лет осыпающийся фундамент зарастет совсем. Сашке пофигу: двадцать лет – это же «у-у-у-у, как много!»

Ярик говорит, что именно там начинается дорога в другие миры.

«Может быть...» – каждый раз отвечает ему Лисс. Иришка же верит брату безоговорочно. Да и у Сашки нет причин сомневаться.

А за развалинами... Сашка всегда замирает, когда видит, как сливается бело-желтое с пронзительно-голубым. Наверное, так и начинается бесконечность. И Сашкино сердце вновь заходится: тук-тук-тук-тук.

Домик, лето, солнце, река, простор, свобода...

Словно в заповеднике.

Похоже?

Это место так и называют: «Заповедник номер такой-то». Точнее: «ЗаПОВедНИК» – Закрытый Пансионат «чего-то там»... Сашка не помнит.

* * *

– ...Не, дождя не будет! – повторяет Иришка и кричит в сторону: – Ярик! Он здесь!

Ярик тут как тут, с бутылкой воды в руке.

Вот паразит!

Ярослав младше на три года, и Сашка догоняет его почти сразу.

– Все! Равно! Же! На! Речку!

Сквозь смех Ярику слова даются с трудом.

– Пофиг! – говорит Сашка и начинает Ярика душить. В шутку.

Ярька кривляется, изображая агонию:

– Счас! Высохнет! Реально!

– Пофиг!

Пустая бутылка валяется в траве, а мокрые шорты неприятно липнут к ногам. Ненадолго...

Ярик тяжело дышит. Он поднимается и идет за бутылкой. Вода им сегодня еще понадобится.

* * *

Из домика выходит Лисс. Он несет свернутое покрывало и волейбольный мяч.

– Пошли, – говорит он.

И они идут.

Сашка вышагивает чуть в стороне от Лисса, изредка бросает на него взгляд. Он видит, что Лисс опять хмурой. И это плохо...

С Лиссом иногда случаются подобные перепады, когда хорошее настроение враз куда-то улетучивается и Лисс становится серьезным, собранным и каким-то... испуганным. Словно его что-то беспокоит. Очень сильно беспокоит.

И от этого Сашке становится не по себе.

Лисс никогда не говорит о причинах и вообще старается не касаться этой темы. А если это настигает его в компании, то он нарочито веселится, острит и шутит. И Ярик с Сашкой подыгрывают ему, делая вид, что ничего не происходит. Лишь Иришка не умеет врать...

Перепад у Лисса может длиться и пару минут, и полдня. Заранее не угадаешь.

В конце Лисс на мгновение замирает, словно видит что-то свое – неподвластное взгляду остальных, вздрагивает и вновь становится самим собой. Лишь неслышно прошепчет напоследок, и все – словно ничего и не было...

Вот так и сейчас. Молча идти и ждать, пока Лисс придет в порядок, не хочется.

И Ярик говорит:

– А знаете, где я вчера был?

Все ждут. Они знают, что Ярик всегда так начинает, когда у него есть новая история.

А историй у него много. Оно и понятно: шляется непонятно где. Такое уж у Ярика кхотто. Преград для мальчишки не существует, и, если бы не сестра, Ярик давно слинял бы из Заповедника.

У Ярика свое представление о Вселенной. Он как-то рассказывал, что каждый мирок – это маленький кубик. А из этих кубиков выстроена огромная башня. Она одиноко возвышается на пустынной планете и растет навстречу холодной черной глубине космоса.

И Ярик не успокоится, пока не побывает в каждом из этих кубиков...

Глупо? Возможно.

Но попробуй переубеди Ярика...

– ...Вот, значит, схватил я эти часы и чесанул от мужика в кусты. Чувствую, там есть дыра. Ободрался, блин, весь! Реально! Смотри, какая царапина! До сих пор щиплет, блин...

Он выворачивает локоть.

– Смотри, Лисс!

Лисс молча жует травинку, делает вид, что рассказ ему очень интересен...

Ярик оборачивается к Сашке.

– Видишь?! Запоминай!

Сашка кивает.

Он не упускает ни одного слова, ни одной детали. Он раз за разом прокручивает нарисованные Яриком картинки, запоминая их до мельчайших подробностей.

Сашка знает, что через день цвета и краски рассказа потускнеют. Через неделю – исказятся. Через месяц фантазия перевернет сказанное, и внутри него заживет собственной жизнью новая история,

в которой, возможно, уже другой Ярик расскажет о чем-то другом.

Сашка помнит об этом и не даст свежей истории «зацвести». Когда они вернутся домой, он сядет за компьютер и переложит сказанное на бумагу. У Сашки это хорошо получается. Файлов с рассказами накопился не один десяток...

А позже, когда новый рассказ прочитают, Ярик вновь заворчит о том, что написанное намного интереснее, чем «было там».

Но это будет вечером, а сейчас Сашка кивает: «запоминаю...», и Ярик продолжает:

– ...продрался, значит, через ветки, огляделся и офигел. Аж чуть крышу не снесло! Ага! Аж голова закружилась! Захотелось зажмуриться и упасть на землю, за что-нибудь схватиться и больше никогда не смотреть вверх. Знаете почему?

Пауза достойна аплодисментов. Лисс косится на Ярика, а Сашка – тот аж подпрыгивает от нетерпения.

– Там нет неба!

Ярик все говорит и говорит, пытаюсь объяснить, как выглядит такой город. А когда у него не хватает слов – пускает в ход руки. Размахивая ими, он показывает, как там, где обычно небо сливается с землей, городские кварталы поднимаются вверх и, совершив пол оборота, нависают прямо над головой.

– ...Словно ты внутри вот этого мяча.

Лисс задумчиво смотрит на кожаный пузырь, а Ярик говорит:

– Там нет, наверное, ни солнца, ни луны. Но зато там очень красиво! Со всех сторон сверкают разноцветными огнями улицы. И ни капельки не темно, потому что фонарей много. Хотел бы я там еще пошляться... Но, нельзя. – Ярик вздыхает. – Там все исчезает!

Сашка удивляется:

– Чего?

– Ага! Исчезает все чужое. Как... как во сне. Когда ты что-то хватаешь, монетку, например, или ножик какой, а просыпаешься, в руке – пустота. Они успевают исчезнуть за миг, пока открываешь глаза. Ага! Реально! Вот так и там. На мне были новенькие шорты. Ну, помни-те – те, красно-синие, которыми я тогда за ветку зацепился, когда с дерева летел. Ага, и трусы те, оранжевые – тоже жалко! Но главное – кроссы! Быстрее шорт исчезли! Реально!...

Ярик вздыхает.

И его понять можно: кроссовки были знатными. Легкие, из сверхпрочного пластика, с автономной системой вентиляции и подогрева.

– Ничего, еще одни достанешь, – говорит Лисс.

И Сашка добавляет:

– Когда-то ты нам всем по паре принести обещал. Где они?!

Ярик отмахивается:

– Да принесу, принесу! Теперь точно придется за ними сгонять.

Иришка говорит:

– Саш, не мешай! Рассказывай, Яр.

Тот продолжает:

– ...И вот там, сидя на мостовой, неожиданно понимаю, что если буду тормозить, то все – конец котенку! Придется топтать до дома голышом! Я натягиваю футболку пониже, пока она не исчезла, хватаю ноги в руки и ныряю обратно в проход. Качнулся сразу сюда. Ну, не шляться же мне в таком виде! Часы тоже наполовину стерлись... Кто не верит – сами проверьте... Они в комнате на подоконнике.

Ярик замолкает.

Сашка делает для себя пометку: перед тем, как сесть за компьютер, не забыть спросить у Ярика о том, на кой черт понадобились ему эти часы. И про кроссовки лишний раз напомнить.

Вечером.

А сейчас не до этого. Клякса июльского солнца густеет, а день – липнет, словно мокрые шорты (которые давно высохли). Да и пляж уже неподалеку: с реки доносятся визги тех, кто пришел раньше них. Мысленно Сашка уже там – на берегу. И сердце вновь радостно заходится: тук-тук-тук-тук.

Поэтому ему сейчас уже не до рассказа, он думает о другом:

– Ну, что, Лисс, сделаем их сегодня?!

Лисс кидает мяч Ярику, и повторяет за Сашкой:

– Ну, что, Ярик, сделаем их?

Сегодня у них матч-реванш с пацанами из пятого домика.

– Сделаем! – Соглашается, Ярик.

– Обязательно! – Улыбается Иришка.

Лисс останавливается и замирает.

«Ну все, закончилось!» – радуется Сашка.

Лисс вздрагивает...

...И мир сдвигается...

* * *

На какое-то мгновение пространство двоится, а чуть позже яркий день сменяется темнотой, словно кто-то щелкает выключателем, гася солнце.

Сашка моргает.

Мальчишка моргает снова и снова, он трет глаза, но темнота не отступает.

Сбоку доносится одиночный отрывочный писк компьютера. Сашка вглядывается, и сквозь порхающие перед глазами радужные круги от яркого дневного света постепенно проступают очертания его комнаты.

За окном – ночь.

И в комнате тоже темно, только белый лист монитора освещает стол и клавиатуру. Этого достаточно. Пальцы привычно лежат на клавишах. По странице редактора черными тараканами бегут буквы, они складываются в слова и обретают смысл. Но образы расплываются и картинки получаются разрозненными, сухими. А точнее – совсем не получаются. Словно рассказу чего-то не хватает. Сашка это чувствует...

Очень странно!

Сашка ничего не понимает: Ярик же описал все красочно и понятно. Что же еще нужно?

Сашка зевает. Он хочет спать, но знает, что нельзя дать истории зацвести. Завтра заканчивать рассказ будет уже неохота. Да и с утра текст будет казаться совершенно нелепым...

Мальчишка встает из-за стола и идет на кухню.

Чайник закипает быстро. Сашка заваривает пакетик чая и отрезает лимон.

Он берет стакан и возвращается в комнату. Идет на цыпочках, прислушиваясь к звукам дома. Жаль, что все уже спят.

Сашка садится за компьютер и прокручивает рассказ в начало.

Перечитывает.

«И в комнате тоже темно, только белый лист монитора освещает стол и клавиатуру. Этого достаточно. Пальцы привычно лежат на клавишах. По странице редактора черными тараканами бегут буквы, они складываются в слова и обретают смысл. Но образы расплываются и картинки получаются разрозненными, сухими. А точнее – совсем не получаются. Словно рассказу чего-то не хватает. Сашка это чувствует...»

Стоп! Что за черт!

Курсор мигает, насмехаясь: «Все, хватит! Засиделся...»

Сашка с ним соглашается. Да, действительно, пора идти спать.

Он сдается и щелкает мышью. На экране выскакивает стандартное сообщение: «Сохранить изменение в документе? Да? Нет? Отмена?»

Сашка не спешит. Он знает, что если захочет – то сохранит рассказ, а если не захочет, то напишет заново. Кто-то внутри него услужливо шепчет:

«Все в твоей власти, можешь не торопиться...»

Сашка и не торопится. Недолго...

Скачок напряжения (и не такое бывает) и монитор гаснет. Пищит компьютер, и по черному экрану бегут строчки служебной информации. Перезагрузка.

...Наваждение проходит...

Все по-прежнему. День липнет мокрыми шортами. Они давно высохли. С пляжа доносятся визги, тех, кто пришел раньше. Тех, кто успел.

Но мир сдвинулся, и Сашка это чувствует.

А еще он чувствует, что вместе с миром изменился и он сам.

Сашка оглядывается, но ни Лисса, ни Иришки, ни Ярика рядом нет.

* * *

Дом звенит тишиной. И чтобы хоть немного отгородиться от ядовитого звона, Сашка включает телевизор и прибавляет звук.

Сашка хочет отвлечься. Он честно пытается вникнуть в мельтешение картинок на экране, но даже сквозь бормотание «ящика» мальчишке иногда кажется, что где-то в зале, или на кухне, или в одной из комнат бе-

сятся Ярик с Лиссом, а Иришка хохочет, глядя на них. В такие минуты Сашка забывается и выбегает в коридор.

Навстречу пустоте.

Снова и снова.

В конце-концов он не выдерживает и начинает шагами мерить комнату. Десять – вперед, десять – назад. Вперед-назад, вперед-назад, словно маятник в часах. Щелк-щелк, щелк-щелк. Пока внутри механизма не лопаются невидимая пружинка.

И тогда Сашка выходит на улицу и садится на крыльце. Из-под досок появляется кот. Он прыгает к мальчишке на колени и сворачивается клубком. Сашка запускает в рыжую шерсть пятерню, и кот урчит.

Налетевший ветер, заигрывая, травинками щекощет ноги. Но мальчик его не замечает. Он смотрит вдаль. Туда, где закатом разливается тоска.

Сашка не понимает, сколько времени проходит: минута, час, год? Может, вечность?

Но и вечность тоже когда-то заканчивается?

Закат угасает, наступают сумерки. Тоска уходит, приходит опустошение.

Лето, солнце, река, простор, свобода... Все теперь кажется смешным и ненужным. Сашка готов отдать все. (Все-все! Честное слово!). Все, что любил.

Но мальчишка догадывается, что и этого будет слишком мало, чтобы вернуть прошлое.

Над головой мерцают первые звезды. И ни одна из них не жаждет упасть. Жаль! У него есть только одно желание, и он готов его загадать. Но звезды упрямы и им нет никакого дела ни до Сашки и его проблем, ни до Заповедника, ни до целой планеты.

Сашка поднимается и, пошатываясь, идет в дом. В своей комнате, не раздеваясь и не гася свет, он падает на кровать. Кот пристраивается в ногах.

Под бормотание телевизора мальчик засыпает.

Ночью приходит страх. Он врывается и в без того беспокойные сны, и мальчишка с криком вскакивает. Ему мерещатся его друзья. Они о чем-то говорят, их голоса звучат громче телевизора. Сашка на грани. Он в шаге от того, чтобы сорваться и бежать прочь из дома.

Сашка жалеет, что не согласился на переезд. Днем такое предложение ему казалось предательством. А сейчас он готов проситься ночевать к соседям, и ему пофиг, что о нем будут говорить утром.

Но до утра еще надо дожить! Попробуй тут...

А Лисс, Ярик и Иришка не успокаиваются. Они наперебой все о чем-то говорят и говорят. Голоса звучат четко и ясно, Сашка уже различает отдельные слова. Он думает о том, что, наверное, с этого все и начинается... Ну, когда сходишь с ума.

Сашка вслушивается в смысл слов, и в следующую секунду мальчишка все понимает и почти сразу успокаивается.

В ногах недовольно потягивается кот.

* * *

Утром Сашка просыпается поздно.

Его мутит, а в голове ворочается ежик – маленький, но ужасно колючий. Сашка морщится и путается в шортах. Он мельком думает о ванной и завтраке: и то, и другое ему до отвращения противно.

Заспанный и растрепанный, он так и выходит из дома – в шортах и босиком.

На улице мальчишка жует носом сладкий воздух и понимает: «Будет гроза...»

При такой духоте это не удивительно. Но он знает, когда она начнется и откуда придет. Сашка оглядывается, но в той стороне горизонт чист.

Ну и пусть, думает Сашка. Он успеет вернуться.

Мальчишка идет к особняку с белыми колоннами, которые, как многие говорят, вовсе и не колонны. Это или конденсаторы, или аккумуляторы. Сашка и раньше не интересовался, а уж сейчас-то...

Мальчишка идет задами. Он не хочет никого видеть и с кем-либо здороваться. Расспросы и сочувствующие взгляды его задолбали. Если не сказать грубее...

Он идет за сараями. Здесь, в тени, скучает жгучая крапива – она всегда рада гостям. Сашка осторожно раздвигает высокие стебли и шарахается от ее зеленых лап. Шипя и почесываясь, он вжимается спиной в посеревшие доски.

И одна из них поддается.

Сашка оборачивается и касается ее. Не показалось?

Нет, не показалось. Доска еле держится на гвозде. Еле-еле. Кажется – только дерни...

Мальчишка легонько толкает ее и отшатывается. Навстречу из темноты накатывает шум. То ли шипение, то ли вздохи. Они то нарастают, то стихают. Снова и снова.

Сашка не может понять, что это. Он представляет огромного и ленивого зверя, представляет, как тот дышит и ворочается. На секунду слабеют ноги, и мальчишка готов рвануть сквозь жгучие стебли прочь.

Но он не бежит.

Что-то ему подсказывает, что никакого зверя там нет, а ответ – совсем прост. И то, что издает тот нарастающий звук на самом деле – ласковое и хорошее. И увидеть его Сашка может прямо сейчас.

Обозвав себя «последним трусом», Сашка, глубоко вздохнув, решительно отодвигает доску и шагает в ночь...

Оно действительно огромное; оно начинается в десяти шагах и простирается, насколько хватает взгляда; оно бездонно черное и пахнет арбузами; оно неторопливо перебирает пальцами мелкую гальку, о чем-то шепчет. А еще оно мерцает, словно звездное небо...

Откуда-то слева доносится протяжный гудок, и Сашка от неожиданности отступает. Прямо в куст крапивы.

Жгучие листья словно отрезвляют.

И вот тогда мальчишка разворачивается и, не разбирая дороги, бежит прочь, а вслед за ним летит его сердце: тук-тук-тук-тук...

«Уйду! Уйду навсегда! – Думает он на бегу: – Интересно, хватятся меня или нет?»

Мальчишка вспоминает вчерашний день и понимает, что – «да, хватятся...»

Но ему уже будет пофигу!

Но уйти он все же не решается. По крайней мере – в эту минуту. Отгоняя тревожные мысли, словно назойливых мух, Сашка лелеет свою надежду. Он бежит туда, где ему помогли всегда.

И помогут сейчас.

Разве не так?

Все будет хорошо! В этом он даже и не сомневается.

* * *

Мальчишка стучит в кабинет и, услышав приглашение, толкает дверь.

Она сопротивляется.

Сашка вскипает. Он отходит, примеривается и плечом таранит обидчицу. Теперь дверь сдается слишком легко, и мальчик кубарем влетает в кабинет. Хорошо, что на полу линолеум, а не наждачка!

Сашка шмыгает носом. В сантиметрах от него – дырчатые сандалии. Они надеты на белые носки, а те – на волосатые ноги. Сашка поднимает глаза. Выше – шорты под ремень и легкая рубашка с коротким рукавом. Еще выше – черная борода.

Михалыч улыбается.

– Ты лучше в следующий раз с разбегу головой.

– А чего она сама?!

– Так я об этом и говорю: головой ее, чтобы с петель слетела и больше не мешалась. Дверь, естественно, а не голова... Каску выдать?

Сашка нехотя поднимается, двигает стул и забирается на него с ногами. Утыкается носом в коленки. Стул, как и все остальное в кабинете, белый. А ноги у мальчишки грязные! Сашка злорадствует.

– Что же ты, Шурка, опаздываешь? Во сколько должен был быть?

Сашка бурчит:

– Уже и проспать нельзя?! Я не напрашивался!

Его голос звенит ядом.

Мальчишка нарывается. Он готов сорваться на скандал и закатить истерику. Мало того – он этого хочет. И обязательно по полной программе – до слез, которых со вчерашнего дня накопилось прилично.

Прошли всего сутки, а кажется, что целая вечность!

Михалыч Сашку видит насквозь, и сегодня повода для скандала малец не дождется.

– Проспал? Ну и ладно. Хочешь, я тебе часы подарю? С будильником.

– Спасибо, у меня есть. Вот! Ярлик притащил...

Сашка вытаскивает из кармана тяжелый и массивный, медно-красный с зелеными прожилками пятак. И если бы не уцелевшая секундная стрелка, то можно было подумать, что этот кругляк скорее стертая монета, чем часы.

Но стрелка исправно бежит по кругу.

Михалыч тянет к часам руку, но мальчишка ерничает: «не дам!»

– Ну и не надо...

– Ну и не буду!

Михалыч с любопытством смотрит на мальчишку, а тот демонстративно отводит взгляд. Что он, Михалыча ни разу не видел?! Чего на него смотреть-то? Сашка помнит его с раннего детства.

Он здесь что-то вроде профессора. Нет, он не начальник Заповедника – тот сидит этажом выше, Михалыч – хозяин лаборатории. А еще завлаб лучше остальных знает «крольчат» – так ласково он называет мальчишек и девчонок из Заповедника. Знает каждого из них наизусть. А те и бегут, если что, сразу к нему: «Михалыч, дай! Михалыч, помоги!» Он и не отказывает. Никогда.

В лаборатории полно и других сотрудников, но, они больше по техническим вопросам. А лучшим другом «крольчат» был и остается завлаб.

В кабинете, кроме него, сидит Теть-Таня. Все ребята знают, что у нее с Михалычем «роман» и они уже давно живут вместе где-то в городе.

Сашка частенько катается с ними на «зализанной» темно-вишневой «двадцатке». Ему нравится смотреть в открытое окно, ловить высунутой ладонью ветер и чувствовать, как мощность мотора вдавливают в сиденье. Поэтому Сашка никогда не отказывает Михалычу в просьбах «прокатиться до города – помочь...»

До города недалеко, но сама дорога – «заговоренная».

На то он и Заповедник!

Шутит Михалыч или нет – не разобрать, но случайного человека здесь действительно не увидеть.

Сам же город Сашке не нравится. В нем слишком светливо и шумно. А летом вдобавок еще пыльно и душно. Сашка искренне не понимает, как можно жить в маленьких бетонных клетушках огромного муравейника?

Однажды Сашка так и сказал.

Михалыч ответил, что полностью разделяет его взгляды, и глянул на Теть-Таню, а та в шутку щелкнула Сашку по носу и сказала: «вырастешь, поймешь».

А когда Теть-Таня села в машину, Михалыч шепотом подытожил: «Вот такие они женщины! На самом деле их не понимаешь, даже когда становишься взрослым...»

Сейчас Теть-Таня сидит за столом, перед одним из терминалов. Вокруг стола – кресла, а у стен – стулья. В дальнем углу кабинета ширма, а за ней – металлический цилиндр сканера. Это и есть та хитрая система, ради которой и устроен весь этот Заповедник. Точнее – ее вершина, как у айсберга, потому что целиком система занимает два подземных этажа.

Но это – тс-с-с! – секрет!

Сашка смотрит на камеру. Потом переводит взгляд на ассистентку, потом – снова на камеру. И заявляет:

– Нет, сегодня я в сканер не полезу! Да и вообще – идите вы все на...!

Мальчишка кратко, но емко указывает анатомическую часть тела, на что конкретно им нужно идти. Сашка смотрит, как теть-Таня заливается краской, сдерживаясь, чтобы не прыснуть, и задумывается: чтобы еще такого сказать?

Но, наверное, проще взять обещанную каску и вынести головой дверь, чем спровоцировать Михалыча.

Тот отвечает:

– Ну, не хочешь, как хочешь. Можешь идти...

– Как?! Совсем?! Домой?

– Домой, домой...

Сашка сникает. Приготовленные слезы готовы хлынуть, но мочить ресницы без истерики не интересно, да и, что уж скрывать, – стыдно. Мальчишка шмыгает носом:

– Да ладно уж... Что, зря пришел?

Он кладет часы на край стола: «смотрите, не жалко!» и идет за ширму. Там он сбрасывает шортики, сдерживает трусики и ныряет в камеру.

Михалыч прилипают к терминалу.

* * *

В учебные дни посещение кабинета ежедневное, кроме выходных. В каникулы – график свободный. Здесь все уже зависит от завлаба – он может вызывать каждый день, а может и вовсе надолго забыть о тебе. В общем – как захочет его правая пятка! По крайней мере, так думает Сашка...

У каждого в Заповеднике свое кхотто. У одних – банальные, давно описанные и изученные, у других – «замороженные» настолько, что лаборанты даже не представляют, с какой стороны подступиться. Редко попадают два «крольчонка» с одинаковым даром. Лишь Сашка о своем ничего не знает. Каждый раз Михалыч повторяет мальчишке, что тот «звенит тишиной». Что это значит – не знает ни тот, ни другой. Но «звенит» Сашка так, что прибор аж зашкаливает.

Сидеть в камере долго не приходится. Минуты через три слышен сигнал на выход.

Михалыч задумчив. Он о чем-то перешептывается с Теть-Таней. По экрану монитора ползут таблицы и графики.

Сашка тихо подходит и встает у них за спиной. Он молча слушает, как его обсуждают. Причем говорят такими словами, что Сашка «нифига» не понимает.

Наконец мальчишка не выдерживает:

– Вообще-то я уже здесь!

Михалыч поворачивается к мальчику и говорит:

– Саш, кажется, я знаю, где они сейчас...

Сашка бурчит:

– Ну и что?! Я тоже знаю. Могли бы сразу спросить. Нечего было меня гонять лишний раз! Лучше скажите, как их вернуть обратно?

* * *

Следующие дни Сашку не беспокоят, и он понемногу успокаивается.

Днем он ходит к реке и подолгу сидит на пляже – смотрит, как играют в волейбол пацаны из соседних домов. К нему больше никто не пристаёт, и за это он благодарен. По вечерам Сашка с котом валяется на кровати – читает книги или пялится в телевизор.

Так продолжается четыре дня, а на пятый пропадает кот. Сашка спохватывается лишь к вечеру.

Когда бордовая капля касается горизонта, мальчишка выходит на крыльцо и зовет рыжего. Кот не откликается. Сашка зовет его снова и снова...

В ответ оживает телефон.

Сашка вздрагивает.

Он не хочет брать трубку, но телефон звенит и звенит – неприятно громко. Слышно даже на крыльце. Сашка вздыхает и идет в дом.

– Шурка, я хочу тебя видеть.

– Хорошо, – отвечает Сашка, – я завтра зайду.

Мальчишке сейчас не до Михалыча. Сашка думает о том, где шляется этот кот и куда идти его искать. Сашка клянётся не ложиться спать, пока не дожидется этого гуляку, а когда тот вернется – высказать все, что думает о нем.

– Саш, я хочу тебя увидеть сейчас!

– Нет!

Голос в трубке меняется. Нет, на том конце не кричат, но такой тон Сашка слышит впервые.

Михалыч не просто настаивает, он предупреждает Сашку, что если тот «сию минуту» не явится, то пожалеет, что когда-то выжил и попал в Заповедник.

– Я жду! – Говорит Михалыч. И кладет трубку...

Сашка пулеметной очередью материт профессора, телефон и этот чертов Заповедник. Мальчишка всхлипывает.

Если они ничего для него не могут сделать, так почему же он что-то им должен?

Но идти надо. Михалыч слово держит. Он старше и... как любой взрослый – сильнее.

Сашка выходит босиком и в шортах.

Темнеет. В домиках уютно горит свет, из окон доносятся голоса, смех, музыка... Сашка всех их ненавидит.

Он оглядывается на сараи и останавливается, размышляя. Кто-то внутри него (и это ни Ярик, и не Лисс, и не Иришка) услужливо нашептывает:

«Все в твоей власти, можешь не торопиться...»

Мальчишка думает: «Хорошо! Посмотрим...»

При мысли о море где-то внутри теплеет. Ярик радуется так же, как и Иришка. Лисс молчит в стороне.

Сашка еще надеется, что завлаб его вызывает из-за того, что наконец-то придумал, как помочь Сашке. Как вернуть все обратно. Сашка еще надеется...

Но тревожные мысли клубятся, словно мухи, над шматом протухшего мяса.

* * *

В кабинете, помимо Михалыча, сидят директор и незнакомый мужик. Сашка удивлен. Никогда при нем в «святую святых» начальство не заглядывало, не говоря уже о посторонних.

Незнакомец одет не по сезону: от серо-зеленого комбинезона веет сыростью, сапоги вымазаны грязью, рука от локтя до ладони перетянута пожелтевшим бинтом. Незнакомец кидает на мальчишку колючий взгляд и спрашивает:

– Этот, что ли?

«Ой, не к добру!»

Михалыч поднимается и подходит к Сашке, треплет по волосам. Он перекидывается с мальчишкой парой фраз, и Сашка отвечает ему. На автомате. Они оба понимают, что этот разговор пустой – для вида, не более.

Сашка ждет главного.

И Михалыч, наконец, спрашивает, не хочет ли он заглянуть в сканер? Мол, на него хотят «взглянуть».

Сашка признается, что не хочет. Тем более – для кого-то!

Неожиданно мальчишка взрывается злостью. Он понимает, что Михалыч – взрослый и при желании скрутит Сашку и засунет в сканер в одну минуту. Взрослые – они сильные. Поэтому они всегда считают себя умнее и думают, что всегда поступают правильно!

У Сашки сжимаются кулаки. Он готов драться за себя до смерти силами четверых. Жаль, не хватает пятого – кота...

Сашка сипло шепчет:

– Попробуй что-нибудь мне сделать... Укушу!

Михалыч садится перед мальчиком на корточки и, глядя снизу вверх, говорит:

– Понимаешь... на тебя пришла заявка. Ну... почти на тебя. От кого пришла? Ну не все ли равно... Пойми, рано или поздно это случилось бы. И я был бы рад тебя оставить здесь, но то, что им нужно, есть только у тебе. И совсем ничего страшного в этом нет...

Михалыч еще о чем-то говорит, но Сашка его больше не слышит. Он кивает и отстраняется, огораживая себя невидимой стенкой. Это совсем не отступление, это – тактический отход. Ненадолго.

Когда мальчишка выходит из сканера, все бумаги подписаны. Незнакомец явно торопится. Он доволен. Сашка видит, как блестят его глаза.

Мальчишка злорадствует: «Посмотреть бы на его лицо, когда я улизну! Дайте только выйти из кабинета!» Он делает неприметный шаг в сторону двери и тут же чувствует на плече чужие пальцы.

– Один моментик! – Говорит Михалыч, и чуть ниже плеча Сашку кусает игла.

– Зачем?

Михалыч не отвечает. С непонятно откуда взявшегося медицинского столика он что-то берет, и это «что-то» Сашке совсем не нравится. У мальчишки расширяются глаза.

– Не смотри.

Но отвести взгляд выше сил, и Сашка заворужено смотрит, как узорная насадка, раскаленная добела, касается его плеча. Чуть выше укуса иглы. Мальчишка шипит сквозь зубы. Тут же, против желания, набухают слезы.

– Ну, вот и все, Саш. Пора идти... Теперь он ваш.

– Куда? Я не хочу!

Мальчишка дергается, но собственные ноги почему-то становятся непослушными. Неторопливо расплываются очертания кабинета...

– Можно хотя бы собраться? Можно домой, на секундочку! Можно, а?! Ну пожалуйста! Мне очень надо! И вообще там... кот!

Сашка скулит. Сашка задыхается. Он чувствует, что в таком состоянии до домика ему не дойти. Но так далеко ему и не нужно. Ему бы до сараев...

– Вещи тебе не понадобятся. Все необходимое выдадут на месте. Забирайте...

– Не пойду. Отпустите! Зачем ты мне... – кричит мальчишка и отключается.

* * *

Что происходит дальше, Сашка помнит урывками.

Он видит себя со стороны, словно другой Сашка читает о нем книгу. Белый лист монитора освещает стол и клавиатуру. По странице редактора черными тараканами бегут буквы, они складываются в слова и обретают смысл.

Книга в книге, рассказ в рассказе, мальчишка в мальчишке.

Точнее – четверо в одном.

Сашку несут, перекинув через плечо. Он чувствует, что несут к воротам.

Внутри него отчаянно вопят Лисс и брат с сестрой. Они в один голос кричат о побеге. А Сашка, в общем-то, и не против. Совсем не против! Он так им и отвечает.

Мальчишка хочет приподнять голову, чтобы еще раз, быть может – в последний, взглянуть на Заповедник, на его домик, на спасительный сарай. Но не может. Голова безвольно мотается, и нос больно тыкается в серо-зеленую сырую ткань.

Словно тот самый сломанный маятник. Туда-сюда, туда-сюда...

За воротами ждет машина.

Снизу мальчишку швыряют в открытую дверь. Наверху его подхватывают и ставят на ноги. В кунге темно, и Сашка не видит того, кто внутри.

Незримый попутчик включает фонарь. Луч пляшет по Сашке, потом перескакивает на узкую лавку вдоль борта и замирает на маленьком, но туго набитом мешке.

– Переоденься. Все в рюкзаке.

Сашка кивает. Он с трудом поднимает тяжеленный мешок и ставит его на лавку. От ткани тоже тянет сыростью. Мальчишка приваливается к нему и мгновенно вырубается.

Вскоре машина трогается.

* * *

Сашке снится кот.

Рыжий стоит у закрытой двери опустевшего домика и мяучет. Сашка понимает, что коту никто не откроет, потому как Лисс, Ярик и Иришка теперь в Сашке, а самого Сашку уже увезли.

Но он подходит к коту и спрашивает:

– Куда же ты вчера подевался?

Кот отвечает:

– А что я?! Это Заповедник. Мир-то сдвинулся...

– Нет, это не Заповедник! – кричит Сашка. Он кричит о том, что заповедник – его дом. И не только его, но и его друзей. Значит, это наш дом. А дом не может сделать ничего плохого! Не может предать! Разве он не прав?

– Да, Саш, ты неправ! – слышит мальчишка за спиной, и сердце радостно заходится. Сашка никогда не спугает голос Лисса с другим.

Тот стоит за спиной, рядом – брат с сестрой и... сам Сашка – тот прежний «звонящий пустотой».

– Нет, Саш, ты неправ. – Повторяет Лисс. – Наш дом там, где мы вместе... Но и заповедник здесь не причем...

– Но я хочу обратно! Как все вернуть?! – спрашивает Сашка у Лисса, у брата с сестрой, у самого себя.

Они молчат, лишь кот все мяучит и мяучит перед закрытой дверью. В его жалобах – обида и горечь предательства.

Сашка садится на корточки и гладит кота.

– Как все вернуть обратно?

Кот не отвечает...

* * *

Сашка просыпается от холода.

Сквозь узкое окошко под крышей еле-еле пробивается серый свет, но его хватает, чтобы рассмотреть пустоту кунга.

Мальчишка не просто дрожит – его трясет. Сашка шарит в рюкзаке, и память его не обманывает – там действительно одежда.

Напяливать холодные штаны – то еще удовольствие! Сашка надевает их прямо на шорты. Еще в рюкзаке находится футболка и ветровка. Все по размеру, а вот ботинки – велики. Одевшись, мальчишка тарабанит в стенку, за которой, как он думает, кабина.

Мирно гудит мотор, и Сашку не слышат. Или не хотят слышать.

Сколько едет машина, он не ведает. Мальчишка ждет, зная, что и вечность когда-то закончится.

И она заканчивается.

Мотор глохнет, и наваливается тишина, а когда открывается дверь, Сашка жмурится.

– Что, приехали? – выглядывает он из кунга.

И не дожидаясь, пока сонный мальчишка спрыгнет сам, чьи-то сильные руки выдергивают его наружу под моросящий дождь.

Порывистый ветер швыряет в лицо ледяные капли. Они стекают за шиворот. Сашка ежится и поднимает воротник.

Мальчишка запрокидывает голову, но просвета не видно.

Голые стволы чернеют на фоне серого неба (сейчас утро или вечер?), остальные краски – под ногами. Сашка ступает по жухлой листве, и с каждым его шагом землю рвет мутной водой.

Они идут по обочине размокшего тракта. В это место, называемое дорогой, водитель, как понял Сашка, даже не рискнул сунуться. И словно в подтверждение его мыслей за спиной слышен шум отъезжающей машины.

«Все, уехала!» – понимает мальчишка, а еще он чувствует, что идти им недалеко: до этой или следующей хижины.

А дождь все не кончается.

«Неужели – осень? Только еще вчера было лето...»

Где-то внутри Ярик нашептывает, что они пересекли не один мир. Сашка словно наяву видит, как Ярик загибает пальцы, пересчитывая эти миры. Кубики в башне.

Интересно, зачем?

Лисс знает, но молчит, а Иришка, не переставая, поскуливает. Или нет – уже открыто плачет. Ярик деликатно намекает.

Сашка огрызается: «Сам знаю, что пора сваливать!»

Но сейчас, когда на плече тяжелая ладонь и пальцы цепко держат мальчишку, не убежишь.

Сашку действительно ведут до следующего дома. Один из конвоиров стучит в дверь. Мальчишка рукой касается мокрой доски. Чешуйками осыпается краска, ее цвета не разобрать.

– Зачем мы здесь?

Ответить ему не успевают.

Дверь открывает скрюченная бабка в черном платке и в черном платье. Она молча отходит в сторону, пропуская гостей.

За порогом сразу начинается комната, в ней вдоль стены на лавках еще с пяток старух подстать первой. Сашка отрешенно думает: покойника нужно класть вдоль половой доски, а не поперек. И где он о таком слышал? Стол, зеркало, стекла в комнате заброшены тюлем. И гроб тоже. У мертвеца не хватает головы.

Один из конвоиров подталкивает мальчишку вперед:

– Хозяйка, куда его можно спрятать? На часок... Только чтоб надежно!

– Ясно куда, – шепелявит бабка, – пойдёмте.

* * *

Сашка вяло сопротивляется и просит «отпустить!», ну или «пожрать!» хотя бы.

– Вот еще! Только еду на тебя переводить, Вершитель! Гы-ы-ы... Потерпи пару часиков. Гы-ы-ы...

Кто?! Сашка не понимает. Но от конвоира веет кислым табаком, а от его слов – чем-то нехорошим. Внутри ворочается Лисс. Он все понимает, но все еще молчит. Ярика не слышно.

– Ты что, хочешь закрыть меня здесь?

– Увы!

– Ну ты и...

Докончить Сашка не успевает – с той стороны за двигают засов.

– ...сука! – Кричит мальчишка вслед.

Низкий коровник похож на недавний кунг. Даже грязное окно под крышей есть. Вот только здесь еще и воняет.

«Черт возьми! Зачем я им нужен?!»

«Нужен, нужен! – откликается Лисс – Узнаешь скоро! Всему свое время... Но лучше бы оно не пришло!»

«Так это из-за тебя? – Злитесь Сашка – Почему ты нам ни разу не рассказывал о себе?!»

Лисс пожимает плечами:

«А смысл? Меньше знаешь – лучше спишь... Постарайся свалить. Пора уже...»

Сашка шарит по полу в поисках чего-нибудь потяжелее. Неожиданно он вспоминает покойника, и мальчишке приходит в голову, что в темноте он может наткнуться на отрезанную голову. Сашку бросает в жар, и он на некоторое время замирает, унимая дрожь в руках.

Наконец он натывается на холод железа. Мальчишка размахивается и...

Звук бьющегося стекла оглушает. Сашка прислушивается, но вроде все спокойно и тихо...

Проём слишком узок, и мальчишка протискивается в окно, лишь скинув ветровку. И только снаружи он понимает, что она осталась в коровнике.

«Ну и черт с ней!»

Куда бежать, Сашка знает. Спасибо Ярику.

* * *

Ощутимо холодает. И чтобы хоть как-то согреться, Сашка бежит, не останавливаясь.

Он задыхается, но продолжает бежать.

Рядом, пытаясь не отстать, бежит вечность. Она не выдерживает и умирает. Перерождается и умирает еще раз. Еще и еще. Не поспевая за мальчишкой, выдыхаясь, умирает снова и снова.

А Сашка все бежит. Откуда только силы?!

Небо низкое, и кажется, что оно огромной нестираной простыней провисает между деревьями. Дождь не перестает, и одежда давно вымокла до трусов. Холод добрался до самого сокровенного.

«Все когда-то кончается. И лес должен когда-то кончиться...»

Неподалеку слышатся выстрелы. Показалось или нет – не важно! На всякий случай мальчишка бежит стороной.

Теперь Сашка понимает, зачем ему дали ботинки не по размеру: он то и дело запинаятся и падает, обдирая локти и ладони. Раз, второй, третий. В конце концов Сашка понимает, что если он свалится еще раз, то вряд ли сможет подняться.

И через шаг мальчик спотыкается.

* * *

«Нет никакого леса.

Я лежу в своей комнате,

в кровати.

Мне тепло и уютно.

По крыше барабанит дождь,

хорошо,

что сегодня выходной –

никуда идти не надо.

Можно весь день валяться

и слушать,

как падают тяжелые капли...

Слушать их разговор.

– Ты кто? Ты кто? Ты кто?...

Никто, никто, никто...

– Ты кто? Ты кто? Ты кто?...»

– Ты кто? Эй... Ты жив?!

Сашка открывает глаза. Над ним фигура в длинном, не по размеру, плащ-палатке. Из-под нависающего капюшона виден лишь нос и расковырянная болячка над верхней губой.

– Ого, жив!... Ты кто? Ты откуда? Ты чей?

– Что?

– Ну, кто ты? С чьей стороны? Может, ты враг, и я должен тебя добить?

– Враг? – удивляется Сашка: – Да пошел ты! Сам такой... Мы же не на войне...

– Не на войне?! А где, по-твоему?! На курорте?!

Незнакомый мальчишка – его ровесник (судя по голосу), но явно старается выглядеть старше своих лет.

Сашке пофиг! И на него, и на армию, и на войну... Он так и заявляет.

Незнакомец вздыхает:

– Наверное, ты чужак. Я не слышал, чтобы наши сюда направили еще одного Вершителя.

– Кого?!

Снова это слово!

Внутри Сашки ворочается Лисс, а незнакомец указывает на клеймо.

Сашка отвечает, что ему «эту хрень» поставили только вчера и что он ничего не знает и не понимает, куда и зачем его привезли. И вообще: «видел он здесь их всех...!»

Незнакомый мальчишка протягивает руку: «вставай».

Дождь усиливается, а вместе с ним у Сашки изнутри к горлу подступает что-то нехорошее, и это что-то темными нитями тянется от Лисса.

У Лисса, а значит теперь и у Сашки, начинается перепад.

Сашка смотрит на незнакомца и понимает, что с тем тоже не все в порядке:

– Ты тоже это чувствуешь?

Ответа и не требуется. Вместо него Сашка слышит:

– Пойдем, поищем укрытие.

* * *

Гарька достает очередную жестяную банку из вещмешка и оглядывается в поисках открывалки.

– Я из синих, – говорит он, – ты, видимо, пришел вместе с желтыми. Или с красными. Но никак не с зелеными. Они сюда вряд ли сунутся еще пару лет. А уж потом будет поздно... Или я ошибаюсь... Я сам давно запутался...

Сашка опять ничего не понимает. В который раз.

Он уплетает из банки горячую кашу с мясом, изредка задает Гарьке вопросы.

– Ты-то откуда знаешь? – спрашивает Сашка – Кто такой «Вершитель»? Почему меня так называют? Где мы? Что здесь происходит? Кто ты? Почему я здесь? И вообще...

Сашка выдыхается, но Гарька его понимает.

Мирно догорая, потрескивает костер. Над огнем сохнет одежда. По натянутому над головой брезенту барабанит дождь.

Мальчишки сидят, завернувшись в одну необъятную плащ-палатку. Так уютнее и теплее.

Гарька рассказывает, а Сашка, закрыв глаза, забывается и вспоминает свою комнату и компьютер. Заповедник сейчас кажется полузабытым сном.

Могла бы получиться еще одна история. Лучшая! Ярик соглашается.

* * *

Гарик рассказывает об этом забытом Богом месте. И о том, что этот мир никогда не был никому нужен и в будущем без него вполне могут обойтись. Но, к своему несчастью, этот мир втянут в бессмысленную заварушку.

Кем втянут?

Пойди, разберись! Не поймешь, что хотят одни, что хотят другие, а что нужно третьим. Они друг от друга и отличаются-то порой только цветом нашивок, а уж стереть лишний мирок – дай им только волю!

Сколько нужно мальчишек, чтобы уничтожить мир? Сколько требуется, чтобы спасти его? Гарик знает ответ?

Гарик ухмыляется: еще бы ему не знать!

Лисс поддакивает. Он иногда поправляет, дает пояснения. Он тоже знает.

Брат с сестрой молчат. Они удивлены так же, как и Сашка. Но Сашка еще и зол на Лисса. «Ну и сволочь

же ты!» – говорит ему Сашка. Лисс понимает его и не обижается.

Гарик показывает свое клеймо – оно такое же, как у Сашки.

Сначала ты Вершитель, а если кто-то тебя опередил – ты Спаситель. Минус на минус дает плюс.

Ты – живая бомба. Если ты взорвался первым – «кранты» миру. Ты – «вершишь». Но если взорвать еще одного – подобного тебе, то он нейтрализует смертельную реакцию. Он – «спасает». Минус на минус...

В человеке же знаешь сколько энергии? У-у-у-у! Как у целой галактики!

Это так удобно! Зачем ждать две тысячи лет и тридцать три года? Зачем следующие две тысячи лет молиться непонятно кому, в надежде на непонятно что? Не проще ли человеку самому наплодить собственных маленьких Спасителей? Ну или – Вершителей...

«Так вот значит, Лисс, какое твое хотто...»

А сам Гарик здесь именно из-за Сашки. И в этом мире не впервые. Но в прошлые разы тревога оказывалась ложной. А сейчас Гарику так и сказали: «Готовься, его привезли». («Тебя привезли!» – уточняет Гарька.) Но он что, похож на дурака, чтобы в Спасителя наниматься?

Вот Гарик и «взял ноги в руки!»

На секунду Гарик делается серьезным:

– Вот только если мы свалим, они же все равно еще кого-нибудь приведут...

Они взрослые. Они сильнее и поэтому считают себя умными. Гарька не хочет быть взрослым. Сашка с ним соглашается.

Сколько нужно таких, как он, чтобы убить мир? Сколько нужно, что бы его спасти?

Сколько – чтобы они хоть что-то поняли?

* * *

Сашка в ответ рассказывает свою историю. Он рассказывает про Лисса, Ярика и Иришку. Про Заповедник. Про башню из кубиков.

Сашка говорит:

– А мы все равно отсюда свалим. Я знаю, куда идти. А они пусть сами разбираются. Пусть кого хотят, того и приводят... Нам будет пофигу...

Гарик только «за»! Двумя руками и ногами.

И они идут.

Размокший лес и серый сырой день, пустота, тяжесть и тишина – все сливается воедино. Сколько они идут? День, два? Неделю, год, жизнь?

Сашка знает ответ. Он говорит Гарику: «Вечность...»

Но и вечность...

...По дороге мальчишки встречаются солдат в ржавых от сырости и пахнущих гарью шинелях. Расплывчатыми силуэтами они появляются из тумана, в полном молчании след в след, с упорством машин и безразличием манекенов, проходят мимо и вновь

исчезают в сером молоке. Не только мужчины, но и женщины. Взрослые, подростки и совсем еще дети. Сашка им машет. Те машут в ответ...

Но и вечность...

...По дороге мальчишки встречаются солдат, они кричат и бегут. Они бегут вперед, потом назад, потом снова вперед. Вперед-назад, вперед-назад... Где-то впереди слышатся выстрелы. Где-то там стреляют, стреляют и стреляют. Сашка с Гариком загодя обходят такие места...

Но и вечность...

...По дороге мальчишки встречаются солдат в обгоревших и окровавленных гимнастерках. Они изломанными фигурами разбросаны по земле. Одни – словно живые. Кажется, что они на секундочку прилегли отдохнуть, сейчас вскочат и побегут дальше. Другие – куски фарша, в которых трудно опознать бывших людей. Сотни и тысячи. От гниющих тел смердит. Мальчишек по очереди выворачивает. Вновь и вновь.

Но и вечность когда-то...

И так – раз за разом. Словно они идут по кругу.

...Рыжие от сырости и пахнущие гарью шинели, исчезающие в тумане. Выстрелы и крики. А после – тот сладковатый запах.

Размокший лес и серый сырой день, пустота, тяжесть и тишина – все сливается воедино. Сколько они идут? День, два? Неделю, год, жизнь?

Наконец Гарик останавливается и смотрит, как вечность умирает. Дождь заканчивается, и свинцовая пелена уходит в сторону.

Гарик ведет плечом, и вещмешок падает в жухлую траву:

– Привал!

Сашка не скрывает усталости, ему второй раз повторять не надо. Он валится рядом с Гариком. Подниматься и идти дальше ему тоже неохота.

– Осталось недалеко, – зевая, говорит Сашка. – Завтра будем на месте.

Гарик молчит.

Мальчишки согреваются, прижавшись друг к другу, и засыпают.

* * *

Они спят весь день. До вечера.

Пока их не расталкивают пинками.

Они нехотя поднимаются. Сашка смотрит на незнакомца, но на фоне заката виден только его силуэт. Глаза привыкают не сразу, и мальчишка поначалу щурится.

Перед ними солдат в ободранной, местами обгорелой форме. Сквозь грязь цвета его нашивок не различить. Зато видно, что руку он прижимает к животу и его ладонь в крови.

Вдалеке слышны одиночные выстрелы, и после каждого он вздрагивает.

Встреча случайная – сомнений в этом нет. Полста метров в сторону, и беглец наверняка прошел бы мимо.

Сашка смотрит на рану и видит, чем можно помочь беглецу.

Спасибо Иришке.

Мальчишка тянет к солдату руку, чувствуя, как ладонь наливается теплом. Пять минут, и от раны ничего не останется. Сашка знает.

Незнакомец смотрит на ладошку, взгляд его ползет все выше и выше по руке.

– Не бойся, – говорит Сашка. Мальчишка всерьез думает, что его боятся.

Но беглец словно и не слышит Сашку. Он улыбается.

Сашка его не понимает.

Мальчишка встречается с солдатом взглядом и видит пустоту, которая заполняется удовлетворением от чувства выполненного долга. Загнанный кролик в мгновение превращается в удава.

Солдат рывком дергает к себе Гарьку и обнажает тонкое предплечье.

– Оба... – словно не веря себе, шепчет беглец.

Сашка начинает понимать. «Нет, не надо!» – кричит он.

А солдат не откладывает дело в долгий ящик. Он не рассусоливает и не говорит громких слов. Он даже не ставит мальчишек перед выбором.

Звучит выстрел, и Гарька валится на землю.

Сашка смотрит на свою футболку, на руки. Все в брызгах крови. А к горлу вновь подступает перепад. Сашка теперь знает, отчего он начинается и когда заканчивается. Время пошло...

Солдат счастлив. Сейчас он Вершитель, а не Гарька. Сейчас он утаскивает в ад за собой целый мир, а не тот убитый мальчишка.

Беглец поднимает Сашку за шиворот и встряхивает...

– Хочешь жить, Спаситель?! Если тебя догонят, то, сам понимаешь, что с тобой будет. Так что – беги отсюда, и побыстрей! Я прикрою тебя.

...И ускоряет мальчишку пинком.

Где-то там за спиной вспыхивает тело Гарьки.

* * *

Сашка вновь бежит, спотыкаясь и падая.

В голове щелкает таймер.

Словно те медные часы. Он их забыл тогда у Михалыча.

Это было в другой жизни! В чужой. Это был не Сашка. Точнее, сейчас он – не тот Сашка. Сейчас он – Спаситель, возведенный до ранга главного Бога.

Временного.

Жаль только, что ошиблись они в выборе. Да, сейчас он спаситель, но этот спаситель спешит покинуть дом через заднюю дверь.

...Тринадцать. Двенадцать. Одиннадцать...

Те, кто несутся следом, тоже чувствуют, что конец близок. Они уже не тратят драгоценные мгновения на стрельбу. Тем более, что все равно им не попасть в мечущегося среди стволов мальчишку. Они лишь умоляют и просят. Они дают на жалость и на совесть. Они кричат:

– Стой!

Это не приказ. В крике жалость к себе, к своим близким, к детям, к людям, ко всему живому.

...Десять. Девять. Восемь...

Сейчас Сашка еще может остановить неторопливую поступь смерти. Минус на минус...

И мальчишка, в общем-то, не против. Это позже он поймет, что в Заповеднике их учили любить всех. Любовь и смерть – родные сестры.

Может, раньше он и верил в это.

Но недавно (а кажется, что так давно) Сашка шагнул вместо морского берега в темноту кунга, в кокон. И в нем мальчишка переродился, словно бабочка-однодневка.

...Семь. Шесть. Пять...

Вернуть можно все.

Можно спасти весь мир. Но в этом мире Сашка знал лишь Гарьку. А его-то как раз уже и не вернуть.

А остальные...

Зачем Сашке нужно их спасать? Они же все равно еще кого-нибудь приведут. Не проще ли все оборвать раз и навсегда? Они же сами этого хотят.

Все тот же отголосок Заповедника услужливо нашептывает:

«Погоди, не уходи. Все в твоей власти, можешь не торопиться...»

Да пошел ты!

Сашка оборачивается и, срываясь на фальцет, кричит:

– Если вы такие жестокие, почему я должен быть лучше вас?!

...Три. Два. Один...

...Ноль. Точка невозвращения.

...Минус один. Минус два. Минус три...

Над лесом наливается второе солнце, краски вокруг огненного шара сереют.

Скоро очередной кубик исчезнет. Башня пошатнется, но в этот раз пока еще устоит. Лишь эхо взрыва прокатится по соседним пространствам и навсегда изменит чью-то жизнь. Может быть и вас, как и Сашку накроет отголоском смерти далекого мира...

Сашка закрывается от яркого света ладонями. В лучах нового солнца пальцы просвечивают. Он вглядывается в плоть, пытается разглядеть свое проклятие. Он хочет избавиться от него, но не знает как. У Сашки есть одна идея, получится или нет – заранее никто не ответит. Так почему бы и не попробовать?

Лисс смеется, он рад, что все обошлось.

Иришка всхлипывает, ей страшно.

Ярик деловито торопит.

Мир сдвинулся, и теперь у Сашки другая жизнь.

Мальчишка в последний раз оглядывается и шагает прочь из этого леса.

Его цель – город, в котором исчезает все чужое. Город, в котором нет ни одного солнца.

«Foe and friend

We were all equal in the end»

Pink Floyd «Two Suns In The Sunset»

Марина ЯСИНСКАЯ

Эффект морской раковины

В наступившей после выстрелов тишине приказ снять повязки прозвучал оглушающе громко.

Ник догадывался, что именно увидит. Догадывался, но, опустив полосу мягкой, плотной ткани на шею, вздрогнул и сглотнул. До мобилизации он не раз задумывался над тем, сможет ли убить человека.

Ну, вот теперь он знает.

Хотя...

Стоящего слева от него в шеренге, невысокого крепыша с бульдожьей челюстью, вывернуло прямо на песок. Судя по звукам, доносящимся откуда-то справа, его сосед был не единственным, кого потянуло блевать от непривычного зрелища смерти.

– Следующих! – гаркнул с вышки старшина, и минуту спустя перед новобранцами стояла свежая цепочка «улучшенных». Бледные и темнокожие, высокие и низкорослые, с тонкими руками, безволосыми головами, большими глазами... Одни были похожи на людей, другие на людей почти не походили.

– Повязки! – скомандовал надзирающий за свежим пополнением невысокий жилистый сержант.

«Усложняют задачу», – констатировал про себя Ник. Первый раз новобранцы не знали, во что стреляют. Теперь, пусть по-прежнему с завязанными глазами, но знают.

Натягивая на глаза эластичную черную ткань, Ник успел заметить, что у соседа слева дрожали руки и мелко тряслась массивная, упрямо выдающаяся вперед нижняя челюсть.

– Огонь!

Когда треск затих, приказа снять повязки не последовало.

В наступившей тишине был отчетливо слышен скрип песка под подошвами тяжелых армейских ботинок – вдоль шеренги шел сержант.

Скрип затих, как показалось Нику, прямо напротив него.

Нет. Чуть левее.

Звук тычка, рык:

– Поднять автомат!

В тишине слышно только натужное дыхание соседа слева.

– Поднять автомат!

Дыхание сорвалось на всхлипы.

Хлесткий звук удара, глухой – падающего тела.

– Встать!.. Поднять автомат!.. Огонь!

Тишина.

Сопение, возня, удаляющийся скрип песка под тяжелыми армейскими ботинками.

– Призывники! Поднять автоматы!.. Огонь!

Теперь Ник знал, что именно он увидит, и потому руки, опускавшие полосу мягкой, плотной ткани на шею, дрожали. Да что уж там дрожали – ходили ходуном.

До мобилизации он не раз задумывался над тем, сможет ли убить человека.

Теперь он знает...

* * *

«Каждый имеет право на свободный выбор собственного внешнего вида и внутреннего устройства своего организма, а также право на применение в организме кибернетических устройств и искусственных органов».

Пункт первый Всемирной Декларации общества биологических носителей человеческого интеллекта. Проект представлен на рассмотрение на международной конференции в Женеве в 2398 году. Документ не ратифицирован.

* * *

– Думаешь, это правда, что «улучшенные» умеют читать мысли людей?

Голова Таши лежала у Ника на плече; девушка задумчиво вертела в руках простенькую цепочку с медальоном – ее регистрационный номер рядового.

– Нет, – уверенно отозвался Ник, легко ероша короткие темные волосы на затылке девушки. –

Марина Ясинская родилась в семье военнослужащего, поэтому родиной считает весь СССР. По российскому образованию – юрист и лингвист. В декабре 2007 получила степень магистра права в Канаде. Работала юрисконсультантом в России и менеджером в США, пробовала себя в журналистике и академической сфере. На данный момент литература – это увлечение. Но увлечение серьезное.

Если бы они читали наши мысли, они бы давно уже нас разбили. Логично?

– Логично, – рассеянно согласилась Таша. – А что, если им не надо нас разбивать?

– В смысле?

– Ну... Если они не хотят нас уничтожить? Они ведь никогда не нападают первыми... Только защищаются.

– Не хватает военной мощности, вот и не нападают. А мы последовательными наступательными действиями не даем им мобилизоваться для атаки.

– Да ладно тебе, Ник, – перебила Таша. – Подумай сам, ведь когда-то «улучшенные» были людьми...

– И что? Это не мешает им убивать нас. У нас огромные потери. Ежедневно. Нет, Таша, «улучшенные» – не люди.

Ответы на такие вопросы отскакивали у Ника от зубов. Еще бы – ведь они заучены едва не с пеленок. Не надо ничего придумывать, простые ответы – они самые верны.

– Думаешь?.. – с сомнением протянула Таша.

Но Нику больше не хотелось разговоров о военной политике. Особенно сегодня – ожидание первого боя кипятило кровь, проводило смычком по струнам нервов. Хотелось снять напряжение, хотелось отвлечься, хотелось не думать о том, что завтра он может умереть.

И не надо ничего придумывать. Есть верный способ – старый, как мир.

Не дослушав девушку, Ник быстрым движением перекатился на узкой казарменной койке, навис, опираясь на локти, над Ташей.

Простые способы – они самые верные.

* * *

«Белковые апгрейды, заменяющие более пятнадцать процентов человеческого организма, приводят к заметному изменению морфологических признаков человека.

При замене более пятидесяти процентов естественных клеток на синтезированные белковые молекулы наблюдается увеличение средней продолжительности жизни человека на двести десять процентов.

Одновременно при замене более пятидесяти процентов естественных клеток на синтетические наблюдаются существенные изменения генетического кода человека. Подобные изменения являются необратимыми и кардинально меняют известную нам природу человека, превращая homo sapiens, человека разумного, в принципиально новый вид разумного существа – homo peficeris, человека улучшенного».

Из доклада Международной Комиссии по исследованиям белковых апгрейдов, 2449 год.

* * *

Ник явился на войну по призыву, армейская служба для него была всего лишь обязанностью. Потому, когда ему предложили нашивки младшего сержанта, он принял их без энтузиазма.

Зато потом радовался: теперь он сам определял составы групп для боевых заданий и мог отправлять Ташу на самые безопасные – на патрули.

Девушка не спорила – понятие воинской дисциплины инструкторы вбивали в новобранцев крепко. Но ночью, когда гас свет и в казармах наступала тишина, Таша тихонько сопела ему в грудь и просила:

– Пожалуйста, отправь меня на настоящее дело.

Ник только молча качал головой в темноте и спрашивал у нее – про себя, не понимая: «Ну зачем тебе это надо?»

Таша злилась, плакала и уговаривала.

Со временем перестала просить. Поняла, что бесполезно. Смирилась с тем, что Ник научился говорить ей «нет».

* * *

«С первого марта текущего года любые белковые апгрейды, включая проводимые по медицинской необходимости, полностью запрещены.

Считать «улучшенными» всех, у кого количество синтетических молекул в организме составляет более пяти процентов.

Принудительная высылка «улучшенных» в Австрало-Антарктику прекращается.

Обо всех «улучшенных», проживающих среди людей, немедленно сообщать в местные правоохранительные органы».

Из обращения Президента Объединенных Наций, 2451 год.

* * *

– А я думаю, человек может слышать мысли другого...

Ташина голова лежала у него на плече, по телу разливалась блаженная слабость, и меньше всего Нику хотелось сейчас говорить.

– Телепатия, – Ник сделал усилие над собой и поддержал разговор.

– Не обязательно... Ник, ты слышал про эффект морской раковины? Ну, если приложить ее к уху, то можно услышать плеск волн?

– Это вовсе не плеск волн, – сонно буркнул Ник, проводя по голому плечу девушки кончиками пальцев. – Это эхо от окружающих шумов: звуки залетают в раковину, отражаются от ее стенок, искажаются и порождают шум, который принято считать гулом моря.

– Ник, в тебе ни капли романтики... – выдохнула Таша и, помолчав, продолжила: – А я верю, что в ракушке живет море. Просто надо его очень любить, чтобы услышать... Мне кажется, так и с людьми – если ты любишь человека, то можешь его услышать. Даже если он далеко... Ник?.. Ты спишь?..

Ник спал.

* * *

«Несколько лет назад «улучшенные» создали эталонный геном биологических носителей интеллекта и сейчас производят апгрейды специально для военных целей. Усовершенствованный искусственными генами, организм «улучшенного» устойчив к воздействию высокой радиации, отравляющих веществ и биологического оружия и может функционировать даже с огромными физическими повреждениями. Помните – убить «улучшенного» один на один гораздо сложнее, чем человека».

Выдержка из Инструкции Новобранца, 2454 год.

* * *

Операция, в которой он потерял Ташу, не была боевой. Обычное патрулирование по периметру, тремя шаттлами, с предусмотренным по плану небольшим выходом за намеченные границы, обеспечивающим постепенное расширение подконтрольной территории. Привычный полет над жирафами забытых строительных кранов, над перекрестками проводов, над остывшими трубами давно заброшенных нефтеперерабатывающих заводов, танцующими танго с ржавыми куполами больших перегонных кубов.

– Ник!

Он вздрогнул – голос Таши прозвучал совсем рядом, словно она сидела на соседнем сидении.

– Ник!

На этот раз в ее голосе отчетливо прозвучала паника.

Да нет, ему показалось – ведь она не выходила на связь...

А в следующий миг прогремел взрыв – и шаттл, в котором была Таша, грудой горящего металлолома полетел к земле.

Когда Ник, резко приземлившись рядом с дымящимися останками судна, выскочил на горячий песок, Таша еще дышала. Воздушные подушки отсрочили смерть. Но не спасли. И не надо было быть медиком, чтобы, глядя на девушку, понять – ей уже не помочь.

Ник бережно занес обожженное, переломанное тело Таши внутрь шаттла, поднялся над окраиной заброшенной индустриальной зоны. Развернулся, готовый рвануть обратно к базе, к медикам, зная, что, скорее всего, не доведет девушку живой – и тут увидел спрятанный среди нагромождений промышленных руин белый купол шатра с синей стрелой, заключенной в круг.

Жестокий соблазном, злым искушением смотрел на него синим глазом с земли приемник «улучшенных».

Ник колебался недолго.

«Улучшенные» – не люди. Но они ведь живые.

Что ж, пусть хотя бы так.

* * *

«К сожалению, и в наше время находятся люди, не верящие подтвержденным научными исследованиями выводам, что «улучшенные» – не люди. Или же такие неблагонадежные личности, которые считают, что за лишние сто пятьдесят лет жизни вполне можно поступиться человеческой сущностью.

Желая разрушить наше общество изнутри, «улучшенные» принимают этих людей в своих передвижных приемных пунктах и проводят над ними белковые апгрейды, пополняя, таким образом, свои ряды. Несмотря на ряд показательных расстрелов активистов из захваченных приемников, «улучшенные» продолжают рассылать подобные пункты по границам своей территории, ожидая человеческих отступников».

Из аналитической статьи журнала Globe Politics «Враг внутри», 2455 год.

* * *

Тонкорукый «улучшенный», абсолютно лысый, с нечеловечески большими глазами и биопортами для прямого подключения мозга к компьютерам на месте ушей, при виде серебристой военной формы ворвавшегося в палатку Ника совсем по-человечески взвизгнул и попытался укрыться за шаткой кушеткой, одновременно стараясь дотянуться до валяющегося в углу беспризорного автомата.

– Не надо, – буркнул Ник, кинув короткий брезгливый взгляд на хилое тело, закутанное в голубой халат.

Уложил Ташу, едва дышавшую, на кушетку, бесцеремонно ухватил тонкорукогого, подтащил к столу.

– Работай!

«Улучшенный» в ужасе таращился на него лишенными белков глазами и что-то невнятно бормотал.

– Работай, я сказал!

– А ты уверен? – раздался позади чей-то голос.

Ник резко обернулся – низкорослый улучшенный, неестественно белый и такой гладкий, будто сделанный из пластика, показался из-за ширмы, держа в руках автомат.

Дуло смотрело в землю.

– Ты понимаешь, что ты просишь?

Ник посмотрел на Ташино лицо, бледное, с заостренными чертами – посмотрел пристально, запоминая.

Уже на выходе обернулся:

– Она говорила, когда-то вы были людьми...

Он не увидел, как «пластиковый» грустно усмехнулся, глядя в спину уходящего солдата, и не услышал, как тот тихо вздохнул:

– Действительно, были.

* * *

«Постановлением командующего Юго-Восточного округа за заслуги перед человечеством посмертно наградить Наташу Марию Крамер орденом за боевые заслуги третьей степени».

Из приказа генерал-полковника Юго-Восточного военного округа Сергея П. Риверти, 2455 год.

* * *

Нашивки сержанта на рукавах. Скрип песка под тяжелыми армейскими ботинками. Плотная повязка на глазах.

Издали доносятся знакомые команды:

– Следующих!.. Поднять автоматы!..

Казалось, целую вечность назад стоял рядом с ним парень с бульдожьей челюстью, с автоматом в дрожащих руках.

Ник переступил с ноги на ногу. Что-то медлят они со следующей командой...

Наконец он не выдержал:

– Ну? Чего же вы? – выкрикнул Ник, слеподводя головой с завязанными глазами, и сплюнул хрустящий на зубах песок – пополам с кровью. – Кишка тонка?

Руки, крепко связанные за спиной, затекли.
– Стреляйте, чего ждете? Я таких, как вы, гадов, знаете, сколько положил?
– Стоять! – раздался чей-то голос.
Чужой голос. Но почему-то очень знакомый.
«Ник, ты слышал про эффект морской раковины?»

Кто-то сдернул с него повязку, и он зажмурился от яркого солнца, успев заметить только песчаный плац, строй «улучшенных» с автоматами в руках и цепочку связанных солдат напротив.

«Прямо как мы», – мелькнула у Ника неуместная мысль.

Глаза, наконец, привыкли к слепящему солнцу, и Ник, щурясь, разглядел стоящего прямо перед ним «улучшенного».

Нечеловечески большие глаза прямо перед ним. Такие знакомые темные глаза... Внимательно смотрели на него. Сквозь него.

И не видели...

– Таша... – слышно прохрипел Ник.

Ну и что, что у нее в руках автомат... Ник просто смотрел на нее – такую чужую, такую прежнюю Ташу, и в ушах у него шумело море.

Я читаю
УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Уважаемые читатели, оформить подписку на журнал «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» вы можете через:

- Почтовые отделения Свердловской области, каталог МАП, подписной индекс 31646
- Почтовые отделения России, каталог агентства «Роспечать», индекс 73413
- Агентство «Урал-ПРЕСС» в Уральском регионе
- Агентство «М К - ПЕРИОДИКА» в России
- Агентство альтернативной подписки ООО «ИНТЕР-ПОЧТА» в России, странах ближнего и дальнего зарубежья

ф. СП-1

АБОНЕМЕНТ на журнал
УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

73 413
(индекс издания)

количество комплектов	

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА
на журнал **73 413**
(индекс издания)

ПВ	место	литер

УРАЛЬСКИЙ
СЛЕДОПЫТ

Стоимость	подписка	_____ рублей _____ коп	количество комплектов
	пере-адресовки	_____ рублей	

на 2010 год по месяцам

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда _____
(почтовый индекс) _____ (адрес)

Кому _____
(фамилия, инициалы)

Наталья ДЕРЯБИНА

Ловись, добрый молодец!

– А, давай! – выпалила я и сама испугалась.

Оксанка посмотрела на меня с удивлением. Видно, не думала, что я соглашусь. Чего звала-то тогда?!

ТЬфу. Я посмотрела на две пустые бутылки вина (опять повелась на халяву... купи три бутылки вина «Лукогорье», получи брелок с черным котом в подарок), отхлебнула из третьей и тяжело вздохнула. Теперь все, не отмазаться. Придется идти. Завал на работе? Не, не поверит. У меня ж отпуск. Прорезался пятый зуб мудрости? Не, с учетом того, что в наличии этой самой мудрости я сама сомневаюсь...

Кот с бутылочной этикетки, сидящий на головке лука (какой идиот придумал сей брэнд?!), ухмылялся, выгибая тощую спину. За окном опять кто-то от скуки ругался матом. А мне предстояло идти на рыбалку. Причем на самую нелепую рыбалку в моей жизни – без водки и, видимо, без рыбы. Поскольку ловить мы с Оксанкой намеревались добрых молодцев. Этакий пикап по-древнерусски.

Честно говоря, я до последнего не верила в существование Волшебного Озера «в живописном месте, всего в 30 км от города Екатеринбурга» – наверное, до того момента, пока от «Икеи» туда не стал ходить рейсовый автобус.

В смысле, не то чтобы мне ничего не надо было чудесного и удивительного в хозяйстве, просто мое научное мировоззрение не могло переварить тот факт, что нежданно-негаданно где-то появляется водоем, да еще и обладающий магическими свойствами. От шока и ломки устоявшейся системы ценностей меня спасла разве что широкая рекламная кампания, посвященная этому событию: буклеты, сюжеты на ТВ, недавно зарегистрированная партия «Водяных» и вечные постеры улыбающихся людей, которым озеро в чем-то помогло, «хотя мы думали, что уже нет никакой надежды».

Это все оптико-механический завод, чтоб его. Нельзя сливать в реки что ни попадя.

Я взвалила на себя рюкзак с едой и двумя бутылками коньяка «Лесное царство» (при покупке двух бутылок чайный пакетик в подарок) и потащилась к остановке. Оксанка переминалась с каблука на каблук, хлопая покрашенными ресницами. «Луко го... тьфу, горе луковое, ты хоть удочку взяла?!» Оксана просияла, увидев меня и рюкзак, и достала из сумочки что-то, больше похожее на карандаш.

Видимо, мое выражение лица ее немного испугало, потому что она быстро решила прояснить ситуацию:

– Так, ну это же магия! Все условно. Ну, не совсем по-настоящему... Главное – верить!

В автобусе я долго думала над философской составляющей вопроса. Ну да. Не рыбу же в самом деле мы ловить едем. Зачем я тогда спиннинг папин тащу?

На глаза попался очередной буклет.

«Озеро находится в живописном месте недалеко от реки Чусовой, окруженное красивым резным забором, выполненным в славянском стиле. Ночью неоновая подсветка подчеркивает красоту нетронутой русской природы. Вход – 2500 рублей с человека»

– СКОЛЬКО?!

Весь автобус посмотрел на меня осуждающе. Оксана зевнула и пробормотала что-то вроде «где ты видела нынче бесплатные чудеса».

«История Озера до сих пор поражает воображение гостей: оно было открыто в 2010 году группой молодых людей, которые решили выехать на природу в выходные».

Я непроизвольно хмыкнула. Ну да, как же. Я помню другую версию: местные малолетние хулиганы угнали тачку и решили спрятаться от гаишников в лесу. Уж не знаю, как они к озеру вышли, но получилось забавно: один превратился в жабу, другой отрастил себе красивый хвост (мы еще всем городом пожалели дурака и сбрасывались потом ему на пластическую операцию), а остальные сдались ментам без боя.

Наталья Дерябина родилась в г. Свердловске в 1986 году. В 2008 закончила УрГУ (факультет романо-германской филологии). Сейчас учится в аспирантуре и пишет диссертацию о деструктивном характере речевой среды, а также преподает английский язык, кроме того, работает переводчиком и считает себя специалистом по связям с общественностью.

Публиковала стихи и переводы, а также статьи по филологии и педагогике.

«Озеро помогает многим! Авдотью Петровну оно избавило от целлюлита...»

Я посмотрела на древнюю бабушку с изумлением – мне бы в ее возрасте мечтать только об этом!

«...а Маша получила новое платье на выпускной...».

Я фыркнула, глядя на девушку в чем-то большом и розовом. Какие-то скучные мечты у народа, ну ей-богу!

«Владимир Степанович обзавелся двойником, который выполняет за него работу по дому, и жена довольна!»

Вот, уже лучше! Хотя не о нем ли вчера сюжет был в новостях? Да, типа, можно ли обвинять человека в умышленном убийстве официально не существующего человека, если есть труп. Там банальная история – видимо, двойник несколько увлекся и стал чересчур радовать супругу Владимира Степановича...

Читать этот бред надоело, поэтому я перевернула страницу. Внизу, мелким шрифтом, было написано короткое, но емкое предупреждение, которое заставило меня нервно вздрогнуть:

«Внимание! Для Вашей безопасности по забору вокруг озера пущен электрический ток во избежание проникновения на территорию посторонних».

Магия, блин.

Я поняла, что разочаровалась окончательно.

На самом деле, идея с рыбалкой возникла не на пустом месте – хотя нет, именно на пустом. Мы с Оксанкой уже пару месяцев пребывали в состоянии депрессии. Ну не осталось в мире нормальных мужиков! Нет, нормальные-то есть, вон стайками бегают (и иногда даже за нами), а хочется-то, хочется огого! Самого-самого. Совершенного и неповторимого. В общем, требования у нас высокие. Ориентацию менять как-то уже поздно, вот Оксанке и пришла в голову гениальная и простая идея ловли мужика в озере. Если б не «Лукогорье» в количестве двух литровых бутылок, я б не согласилась. Ну ведь бред же. Это тебе не целлюлит, чтобы его в озере лечить. И даже не платье. А живой мужчина. Но, как говорится, поздно. Рюкзак собран, за автобусный билет уплочено. И Оксанка накрутила на голове новую прическу. Назад дороги нет. Я отхлебнула «Лесного царства», поморщилась и толкнула подружку в бок: «Давай, вставай уже! Приехали мы...»

Забор и вправду выглядел внушительно. Не уверена, однако, что в Древней Руси стальные ворота с сигнализацией были у каждой избы, ну да ладно. Девушки в кокошниках с искренней радостью обобрали нас на 5 тыщ рублей и выдали номерок. Как оказалось, это было наше законное место на озере шириной метра три.

«Ууу, – проворчала я. – Смотри, у соседей коряга красивее. Нам какая-то совсем обшарпанная досталась. И мох! Ну разве это мох?!»

Оксанка сняла туфли и деловито приказала мне пить свою гадость и не мешать ей искать свою судьбу.

Впрочем, начала она не с магических существ, а пошла за солью в соседнюю палатку, возле которой полуголый молодой человек играл на гитаре что-то из репертуара Надежды Бабкиной.

Я достала спиннинг и задумалась. Вообще-то, я не планировала, что мы действительно доберемся до Озера. Что ничего экстраординарного по пути не случится. Что я буду сидеть с удочкой возле разрекламированного товара с потенциальными магическими свойствами и чувствовать себя идиоткой. И скучать. Ибо, несмотря на солидный возраст (24 года, однако!), неромантическую профессию (политический пиар, как-никак) и высшее образование, я странную и необъяснимую веру во все чудесное так и не утратила. НЛО я ночами, конечно, не караюлю, но вздыхать печально в полнолуние еще не разучилась, по дереву стучу и плююсь регулярно, даже соблюдаю пост (когда денег нет).

А тут... Эх! Я, конечно, не ожидала ярких вспышек неземного света (ой, вот же они!!! Тьфу, это ж подсветка неоновая включилась... ложная тревога), но хоть какая-нибудь захудалая избушка на куриных костях, а?! Люди везде ходят, песни поют, пьют, естественно, вон мусора сколько – окурки да пустые бутылки. Я вспомнила надпись на заборе большими буквами – «Деньги не возвращаем. Администрация за оставленные без присмотра вещи ответственности не несет» – и сплюнула в сторону коряги.

Ну хорошо, рыбалка так рыбалка!

И тут я поняла, что абсолютно не представляю, на что ловить в озере добрых молодцев. На живца? Так Оксанка пропала в соседней палатке, до утра можно не ждать. А на себе экспериментировать не хочется. На червя? Я с сомнением посмотрела на крючок. Дедушка всегда учил меня плевать на червяка, бьющегося в предсмертной агонии, чтобы лучше клевало. Но кого там на заплыванного червя поймать-то можно?! Падаль какую подзаборную. Али лешего. И того, и другого я недавно отпустила на все четыре стороны, потому что надоели – и Степа (без ж/п, но с кучей в/п, хотя и имеет в/о), и Леша (хороший мальчик, не ругается матом, не курит и не пьет – ну куда мне такой?! Даже на корпоративчик вести стыдно...).

Я огляделась: люди про озеро волшебное как-то и не вспоминали... вон парочка в обнимку сидит (тьфу, Оксана?! Ты когда успела???), там, похоже, офис-менеджеры отрываются – пляшут под Максим, какая-то женщина рыдает у дерева (тут явно липосакцией не обойтись... а воскрешение мертвых в списке услуг не значится – а то бы раструбили во всех новостях, да и билет бы стоил дороже).

Точно. Наверное, надо на какую-то личную вещь. О! Ну, держитесь, добрые молодцы! Для вас ничего не жалко.

На фоне полной луны да при неоновой подсветке мой бюстгальтер пролетел над озером плавной дугой и легко коснулся водной глади. Я обреченно хмыкнула – пора записаться к психиатру. В понедельник, пока не поздно.

Я решила сочинить еще какой-нибудь слоган – ну, чтобы как в сказке. И вполне в рамках моей профессиональной деятельности.

«Кхе-кхе. Повернись ко мне... нет, мы не так близко знакомы, рано еще... Так. Ловись, добрый молодец, да не чучело какое, не чудище болотное, а ловись красавец писанный». Подумав, я добавила: «И чтоб не Иван-дурак, а с дипломом».

В соседних кустах захихикали. Я грозно посмотрела во тьму и стала ждать.

Вдруг поплавок дернулся, потом резко ушел под воду... Я вспомнила, как в таких случаях кричал папа – «Подсекай!» – и резко дернула удочку на себя. Что-то там явно прицепилось! Во мне проснулся азарт, и я стала резво накручивать леску... Уже у берега поплавок перестал метаться, я прыгнула в воду с воплем «Попаааался!», но... На крючке болталось то, чего, в принципе, я могла бы ожидать от любого другого озера, хотя с учетом наживки... Короче, там висела рыба. Большая и красивая, но рыба.

«Эх, – подумала я. – Во мне, видать, еще и зоофил дремлет. Хоть позавтракаю нормально. Уж не до любви тут».

То ли я громко подумала, то ли что – но рыба булькнула, отцепилась от крючка, встала на хвост у берега и выразительно срыгнула мой лифчик.

– Ну чем недовольна-то, гражданочка? Принца ей, ишь ты! У нас с дипломами нету в наличии. Сама понимаешь, товар штучный. К тому же, они как диплом получают – сразу на повышение. Чего им в озере в вашем Запупинске сидеть, они на Женевское едут.

Я хотела обидеться и пропеть что-то про третью столицу России, но не успела – Рыба продолжала трепаться хорошо поставленным голосом рыночной торговки:

– И вообще! Выдумали! В озере любовь искать... Самой-то как? Чай, взрослая девица!

Теперь я обиделась уже за себя, потому что, когда тебя ночью воспитывает большая рыба, сложно думать о том, насколько высказывание справедливо. Я надулась.

Внезапно Рыба подобрела и уже мягким мужским баритоном прошелестела:

– Ну, дорогая моя! Что ты слушаешь старую во-бу! Мужчину не выловила, но я-то лучше!

Я посмотрела на него (нее?) с подозрением... нет, ну за 24 года всякое в жизни бывало, но чтобы...

Рыб усмехнулся в отросшие неожиданно усы и сказал:

– Я к тому, что я – волшебный. Четыре желания с меня. Все, что хочешь – почти. Вот контракт. Подпись внизу. Кровью можно, но необязательно.

– Почему четыре? – для проформы спросила я, вычитывая контракт при неоновом свете.

– А ты же не любишь, когда банально.

Я подумала, что в магическом контракте все равно все подвохи всплывут потом, поэтому размашисто нацарапала свою подпись.

Вылив под корягу остатки коньяка, я скомандовала: «Полезай в бутылку!», и Рыб послушно втиснулся в емкость. Я долила туда водички из Озера и ушла спать. Удивляться сил уже не было.

Утром меня разбудила Оксана. Она промурлыкала что-то про какого-то Ваню, про волшебную ночь, что все не зря, бу-бу-бу... Я открыла один глаз и посмотрела на бутылку из-под «Лесного царства». Рыб приветливо махнул мне усом.

Не зря. Я зевнула. Пора. Эх, пошли-поехали!!!

Бах. Исчезли ворота, сигнализация, номерки, забор. Ба-бах. Не стало людей и мусорных куч.

...Я в который раз с довольным видом оглядела поляну, лесок и чистую озерную гладь. Накинув шаль на плечи, я вошла в свою персональную избушку на курьих ножках и почесала скрюченный нос.

До Оксаниной свадьбы оставалось два месяца. Подарю им, что ли, ковер-самолет. На международные перелеты он не способен, но вот по всей России запросто! Мой черный кот радостно потерся о костяную ногу и пошел варить мне обед. Опять всю кухню загадит, мерзавец! Но щи готовит отличные...

Ах да. Собственно, подвох в контракте был все-таки. Маленький. Оказывается, чтобы твое желание выполнилось, тебе надо что-то отдать взамен. Вселенский Эквilibrium – по контракту. По-нашему, бартер. Об этом просто в буклетах не писали.

Я озеру как-то особенно приглянулась, особенно когда избавила его от повышенного внимания общественности, поэтому я легко отделалась – по выходным сейчас работаю Бабой-Ягой. Отрабатываю скатерть-самобранку. Вот и коттедж свой есть, и Котик. Рыб ко мне часто в ванну погостить заходит. Да я получила даже больше, чем хотела – все русские добры молодцы у меня в кармане! Они ж все через меня проходят... ну, в смысле... Ой, стучат.

– Ну, здравствуй, Василий, здравствуй, касатик! Куда путь держишь? Что, опять Кощей герлфренд похитил, гад этакий? Ты заходи... сейчас баньку истопим... Номер-то телефона и электронку запиши тут, ладно? Так надо, я сказала! Фотку приложи.

Кстати, хорошие мальчики иногда попадают. У меня как раз подруг незамужних – куча. Я их на выходные теперь всегда зову на рыбалку. На нормальную – с рыбой и водкой. И всех добрых молодцев по аське вызываю. Короче, брачное агентство у меня получилось какое-то. А сама... хм. Выдвигаюсь от партии «Водяные» в гордumu. Да некогда пока замуж, некогда! Тут такие чудеса... к тому же, Кощей снова развелся. Может...?

Пять минут из жизни верхнего уровня

– Фирграллон! – окликнул Нолгармис друга, втиснувшегося в вагон через соседнюю дверь, и помахал ему оранжевым щупальцем.

– Нолгармис, дружище, сколько лет, сколько зим! – отозвался Фирграллон, от радости меняя окраску с уныло-серой на ярко-зеленую с розовыми и красными прожилками. – Ты далеко едешь?

– На следующей выхожу!

– Задержи! Задержи СВОЕГО! Я сейчас!

– Не орите, не на базаре! – цыкнул кто-то рядом.

– Ну друга же встретил, две тысячи лет не видел! – оправдывающимся и немного развязным тоном ответил Фирграллон. Оглядевшись, он использовал первую возможность воздействия и свистящим шепотом обратился к своему подопечному:

– Уходи отсюда, иначе заболеешь! Вот, видишь, больной кашляет, уже троих вокруг заразил! А вдруг это свиной грипп?

Для усиления эффекта Фирграллон послал легкий импульс, имитирующий начало простуды.

Двадцатипятилетний маляр-штукатур Саша Кравцов не был мнительным человеком, но надсадный кашель кого-то из сидящих поблизости пассажиров, легкое першение в горле и пронзившая голову мысль «Блин, грипп! А вдруг свиной? Надо валить отсюда» заставили его начать проталкиваться между рядами сидений.

– И не стыдно тебе! Сначала орешь как последняя деревенщина, а теперь еще и отрицательную мотивацию применяешь! – сделал замечание Карментин, нависающий над грузным седовласым Аркадием Владимировичем и наливающийся фиолетово-красным цветом праведного гнева. – Что за народ пошел, просто свиньи! Хоть бы кто-нибудь место пожилому человеку уступил, между прочим, отставному полковнику и персональному пенсионеру! Только толкаются,

всех локтями распихивают, матерятся и хамят! А вы куда смотрите? Воспитывать их всех надо, воспитывать и наказывать, как при Сталине, а вы только потакаете их низменным желаниям! – продолжал ворчать он, разбрызгивая лиловые сгустки раскаленного эфира.

– Куда вы лезете, поаккуратнее! – пробурчал отставной полковник КГБ Аркадий Владимирович Покровский.

– Извините, – пробормотал в ответ Саша, протикиваясь между пассажирами.

– А за что это вам место уступать? Издевались семьдесят лет над страной, людей расстреливали и в тюрьмы сажали, а теперь имеете наглость других в отрицательной мотивации обвинять! – вмешалась Триорелла, вытягивая свое полупрозрачное синее тело из головы сидящей рядом женщины средних лет.

– Мы светлое будущее строили для всего народа, боролись с врагами и, между прочим, правил не нарушали и на астральном уровне никого не терроризировали! А то теперь взяли моду – чуть что, пугать болезнями, кирпичами на голову и прочей гадостью! Эх, встретились бы мы в тридцать седьмом! – заорал ставший пунцовым от злости Карментин.

– Вы брызжете своим ядом, а потом люди болеют! Вот я еле успела от своей ваш заряд отвести, а могла и не успеть, и тогда в лучшем случае – грипп, а в худшем – сердечный приступ. Для вас же люди – расходный материал, пешки, пушечное мясо! – гневно ответила синяя наставница, заслоняя свою подопечную от наэлектризованных пурпурных искр.

– А ты бы заткнулась, дура! Раньше власть о простых людях заботилась, а сейчас все только для богатых. Да, сажали в тюрьмы и расстреливали, но как же иначе с этим народом можно! Если распустить его, то сразу воровство, пьянство и разврат начинаются! – визгливо закричала Биллора, возвышающаяся над

Сергей Владимирович Мякин родился в 1971 году. Проживает в Санкт-Петербурге, по профессии – ученый-химик. Окончил Санкт-Петербургский государственный технологический институт, где впоследствии получил ученую степень кандидата химических наук и продолжает работать в настоящее время, занимаясь научно-исследовательской и преподавательской деятельностью. Пишет рассказы в жанрах научной, мистической и психологической фантастики с начала 1990-х годов.

сидящей рядом старушкой и переливающаяся различными оттенками красного.

– Они миллионы людей расстреляли в застенках, у моей нынешней подопечной родителей раскулачили и голодом заморили, а ты, тварь, этих гадов оправдываешь! – распалаясь Триорелла, тоже наливаясь оранжево-красным цветом.

– Сама ты тварь продажная! – с этими словами Биллора бросилась на оппонентку, превращаясь в некое подобие спрута, пытающегося задушить свою жертву. Триорелла ответила коротким резким ударом, отбросившим нападавшую к самой двери. Мужчина, сквозь которого пролетела Биллора, зашелся надсадным кашлем, а временно оставшаяся без ее поддержки пенсионерка Анна Викторовна Белова схватилась за сердце и стала судорожно искать валокордин.

– Сумасшедшие. Сколько же в них злобы и как долго еще они собираются нас ей травить? – со вздохом произнес Кирклан, прикрывая держащегося за поручень двадцатидвухлетнего Алексея Павлова и одновременно вытягивая извивающееся синее щупальце, чтобы помочь Нериле, наставнице двадцатилетней Ольги Марковой, извлечь искру из головы своей подопечной и избавить ее от приступа внезапно налетевшей мигрени.

– А правда, почему они такие злые и не могут просто жить, радоваться и любить друг друга? Ведь все эти войны и репрессии давно кончились, неужели нельзя забыть эту гадость, уважать друг друга и общаться с кем хочется? – рассуждала Нерила, вместе с Киркланом раздвигая ауру Ольги.

– Да понять-то их можно... Знаешь, ведь мы же, кажется, уже встречались, только не могу вспомнить, где. Может, на Мирлоне? – задумчиво спросил Кирклан.

– Я тебя тоже узнала... Нет, это было не на Мирлоне... Все, вспомнила! Анклон! – воскликнула Нерила. – Это было там! Мы там сначала людьми были, в одном классе учились, помнишь, еще к экзамену по математике вместе готовились и не только этим у тебя в квартире занимались...

– Да, точно, помню, как же я мог такое забыть! Потом еще после школы несколько раз встречались и созванивались. Если бы ты пошла вместе со мной в медицинский, то, наверное, поженились бы и пошли вместе по всем воплощениям и мирам... А я перед следующей реинкарнацией наставником был, почти таким же, как сейчас, пока на нас этот астероид не упал...

– Вот в этом-то все и дело! Мы из свободных миров, где все доступно – общение, любовь, книги, телевизор, кино, спорт, искусство. А другие в дикости жили, где ничего этого не было, или при рабовладельческом строе, когда культура была доступна единицам, или при тоталитарных режимах. Мы считаем, что человека надо положитель-

но мотивировать – интересом, деньгами, новыми знакомствами, любовью, сексом, а они привыкли к войнам, конфликтам и насилию. Им проще человека напугать, что с ним что-то плохое случится, если он не будет выполнять то, что ему положено.

– Ладно, давай не будем о грустном. Спасибо, я тебе так благодарна, – сказала Нерила, когда освобожденная от разрушительной энергии девушка облегченно вздохнула. – Вам еще долго ехать?

– Две остановки, – ответил Кирклан.

– Нам тоже. Поехали вместе, все вчетвером.

– Давай.

Они проникли друг в друга и соединились, переливаясь сине-зелеными волнами и купаясь в приятных воспоминаниях. Ольга Маркова и Алексей Павлов тоже, забыв обо всем на свете, наслаждались близостью своих тел и соприкосновением рук на поручне.

– Совсем стыд потеряли! Мы для них этот мир построили, а они нас еще в чем-то обвиняют и никакой морали не признают. Да если бы не мы, они бы в пещерах и джунглях жили как дикари, – злобно прошипел кто-то рядом.

– А какое вы имеете право вмешиваться в их жизнь? Вам они ничего плохого не делают, да и вообще они правы – если все станут такими, то во Вселенной будут мир и гармония, – возразил другой.

– Да, замечательно вы говорите, а кто тогда новые миры строить будет? Как мы без рабов обойдемся, если все станут требовать соблюдения прав человека, достойной оплаты труда и положительной мотивации? Ведь этот город тоже не свободные люди строили, а крепостные, иначе так и было бы здесь болото. Да и кто улицы убирать будет, если все они в офисах работать хотят?

– Этим роботы должны заниматься и преступники, которые сами отрезают себя от мира порядочных людей.

– А кто будет решать, кто преступник, а кто нет? Не те ли, которые в тридцатые годы командовали?

Дискуссия охватила половину вагона. Красные, черные и синие вспышки озаряли эфирное пространство, вызывая безотчетную тревогу, мрачные мысли и неприятные воспоминания у людей.

Кирклан и Нерила не участвовали в споре. Как миллионы лет назад, они снова сжимали друг друга в объятиях на берегу далекого, древнего и бескрайнего зеленого моря, глядя на фосфоресцирующие блески от лучей заходящего за горизонт светила.

– Давай объединимся и останемся вместе навсегда, – предложил Кирклан. – Посмотри, как им хорошо рядом друг с другом. Мой скоро закончит институт, будет работать программистом, он хороший, честный, любит спорт, музыку. Давай я сделаю так, что он сейчас скажет «Девушка, давайте познакомимся» или что-нибудь еще в этом роде, как твоей больше нравится.

– К сожалению, не получится. У Ольги уже есть постоянный парень, или бойфренд, как они это называют. Мы с его наставником уже все согласовали – когда они поженятся, в каких фирмах будут работать, и даже с душами их двух будущих детей уже договорились.

– У моего, вообще-то, тоже план есть, но только предварительный. Мы с наставницей его будущей невесты, с которой он должен через год познакомиться на работе, договорились, что все остается в силе только в том случае, если до этого времени они сами не найдут себе пару. Алексей со многими девушками встречался, но недолго. Им всем богатые нужны, а с простым парнем одну-две ночи проведут – и все, до свидания. И многие наставники на эту позицию становятся... Хорошо, давай тогда просто общаться иногда и вспоминать друг друга, ведь теперь мы снова связаны.

– Обязательно, да и они друг друга полностью не забудут.

– Тогда до встречи.

Они снова сжали друг друга в объятиях. По вагону прошла теплая упругая волна близости, взаимного притяжения и легкой приятной грусти. На несколько мгновений настроение пассажиров улучшилось, и на лицах многих из них появились улыбки...

– Станция «Технологический институт». Следующая станция – Пушкинская, Витебский вокзал, переход на станцию «Звенигородская» к поездам пятой линии», – механический голос вырвал Алексея и Ольгу из сладких мыслей о том, что бы они делали, если бы остались вдвоем, а слова «Осторожно, двери закрываются!» окончательно вернули их к реальности и необходимости спешно проталкиваться к двери.

Мысли «Как жаль, что мы не познакомимся, но ведь меня ждет Николай. Но ничего, мы же еще увидимся» и «Надо было попробовать с ней познакомиться, почему же я не решился? Ну ладно, я же вообще-то хотел со Светкой на дискотеку пойти, а с ней мы еще увидимся» одновременно пришли в их головы в тот момент, когда толпа выходящих из вагона пассажиров уже растащила их в разные стороны...

– Уф, еле заставил его прорваться! Проклятая давка! – проворчал Фирграллон, когда Саша Кравцов приблизился к дремлющему Виктору Саматову, над головой которого, в нетерпении извиваясь из стороны в сторону, висел Нолгармис.

– Я бы своего тоже навстречу тебе повел, но тогда бы пришлось выходить. Я и так его уже одну лишнюю остановку заставил проехать. Ничего, он заранее из дома вышел, ну подумаешь, опоздает на пять минут, так что сейчас еще одну пропустим, – сказал Нолгармис и, обращаясь Виктору, убаюкивающим шепотом произнес:

– Спать, спать, спать, ты крепко спишь и не реагируешь ни на что вокруг...

– Ну что, старина, как поживаешь? Ведь так со времен Рима и не виделись. Помнишь, как с фракийцами сражались и бои гладиаторов смотрели? – снова повернулся он к Фирграллону.

– Помню, помню... Часто вспоминаю, когда мой подопечный на компьютере играет, а я смотрю и иногда из любопытства вмешиваюсь. Там и древнеримские сражения, и звездные войны, и монстры, и даже Атлантида. Помнишь, как мы там пытались на гору подняться, когда волна Всемирного потопа наш город накрыла... А сейчас я экскурсовод. Показываю душам этот мир, и тем, кто заинтересуется, организую воплощение. Сейчас вот парня веду – маляра-штукатура второго разряда. Скоро экскурсия кончается, а он еще не определился. Если понравится ему здесь, то передам его наставникам культуры, они ему жениться и мирно жить дальше помогут, а если нет, то сопьется и погибнет скоро, а потом дальше по Вселенной странствовать отправится, – рассказал Фирграллон.

– А я инструктор-промоутер по спортивным единоборствам. Мой Виктор – мастер спорта по вольной борьбе. На чемпионате России пятое место в полусреднем весе занял. И еще восьмерых веду по боксу и борьбе. А еще помогаю им образование получить и место в жизни найти. Главное, чтобы в криминал не уходили, в прошлом году из-за таких двоих выговор от Совета спортивных наставников получил. Ну ладно, нам пора, – с этими словами Нолгармис повернулся к Виктору и, приоткрывая ауру над его головой, прошептал: «Просыпайся, ты свою остановку проехал». Парень открыл глаза, вздрогнул и стал озираться по сторонам.

– Слушай, а давай останемся друзьями и снова как-нибудь встретимся, – предложил Фирграллон.

– А как мы это сделаем? У наших подопечных нет ничего общего, и вряд ли мы снова пересечемся. Не иди же во Всемирный совет с просьбой синхронизировать воплощения – там нас даже слушать не станут, – скептически ответил Нолгармис.

– А можно проще – давай драку устроим. Я сделаю так, что, когда поезд тормозить начнет, мой Сашка потеряет равновесие, упадет прямо на твоего Виктора и заденет его локтем по лицу. Твой грубо ответит и оттолкнет его, а Сашка, вместо того чтобы извиниться, в драку полезет. Они пару раз ударят друг друга, мы уж постараемся, чтобы не в полную силу. Или твой просто заломает моего каким-нибудь приемом, – шепотом подал идею Фирграллон, собираясь продолжать развивать свою мысль, но Нолгармис возмущенно прервал его:

– Ну и что из этого выйдет, кроме того, что моего потом дисквалифицировать могут, да и меня судить будут.

– А мы сделаем так, что я во всем виноват буду. Конечно, нас потом к ответственности привлекут за попустительское антиобщественное действие, меня признают виновным и накажут, но не очень строго, потому что тяжких телесных повреждений не будет. В общем, потом все уладится, но связь между нами останется, ведь вместе через одну официальную инстанцию пройдем. Вообще связи, которые возникают на поле боя, сохраняются очень долго. Вот у Сашки одноклассник есть, с которым они в прошлом воплощении в битве участвовали по разные стороны и тяжело ранили друг друга. Так они, когда в шестом классе встретились, три раза дрались, по зубу друг другу выбили, потом мирно бороться начали, а к концу школы уже друзьями стали – не разлей вода. Давай попробуем, – настаивал Фирграллон.

– А что, пожалуй, можно. Начинать, – согласился Нолгармис и немного придержал уже готового вскочить с сиденья Антона, напомнив ему о развязавшемся шнурке на ботинке и одновременно посылая в его голову волну агрессии.

Фирграллон уже начал нарушать координацию Шаши, но в следующее мгновение рядом раздался пронзительный душераздирающий крик на частоте, которой пользовались только в случае опасности:

– Помогите! Авария! Пока я с вами о глобальных проблемах спорил, у моего верхнюю чакру пробило, и он стал слышать все, что мы говорим!

Это был Глостран, наставник тридцативосьмилетнего бухгалтера Петра Селиванова, указывающий на воронку в ауре на голове своего подопечного и его расширенные от шока глаза.

– Доигрались! Теперь же Всемирный совет нас всех живьем съест! – воскликнул кто-то на той же аварийной частоте, абсолютно недоступной для человека. – Что делать будем?

– По правилам такую нештатную ситуацию надо ликвидировать вместе с ее носителем. Сейчас я договорюсь с одним подконтрольным мне наставником водителя, а вы воздействуйте на своего, чтобы сегодня же произошел несчастный случай, – жестким голосом заявил Карментин.

Ответом была буря возмущения:

– Да что ты такое говоришь, урод!

– Сейчас тебе не тридцать седьмой год! Мы тебя, гада, вышвырнем отсюда и будем правы, и никакая твоя служба тебе не поможет!

Под градом ударов Карментин отлетел в угол вагона, а полковник Покровский пошатнулся от головокружения.

– Так что все-таки делать будем? – спросил один из наставников, окруживших Глострана.

– А давайте его иницилируем, сделаем медиумом и официально регистрируем как посвященного, – предложил другой.

– Да какой из него медиум, это же обыкновенный бухгалтер, он же в психушку может попасть! Да и судьба у него уже полностью сформирована.

Нет, я думаю, лучше, если мы все объединимся, заставим его заснуть и почистим ему память, – ответил Глостран.

– А если его остаточные воспоминания будут мучить? – забеспокоился один из добровольных помощников.

– А я его сразу после пробуждения по ложному следу пушу. Пусть поинтересуется немного, а потом ему все это быстро надоест, – подумав, решил наставник Петра.

После минутных препирательств его идея была принята, и пятнадцать наставников, включая Фирграллона, отказавшегося от затеи с потасовкой и на прощание обнявшегося с Нолгармисом, сомкнулись в круг около головы Селиванова.

– Ты хочешь спать... твои веки наливаются тяжестью... ты вспоминаешь самые приятные моменты из своей жизни... ты засыпаешь и забываешь все, что только что услышал, – низким полупшепотом говорили они, аккуратно проникая своими разноцветными щупальцами в ауру Петра...

– Гражданин, проснитесь! Конечная остановка! Вы в порядке?

Петр открыл глаза, удивленно посмотрел на служащего метрополитена в синей форме, потряс головой и, пробормотав «Да-да, все нормально, просто заснул», с трудом поднялся и нетвердой походкой вышел из вагона. Головокружение и звон в ушах мешали сосредоточиться. «Как я мог так крепко заснуть?» – удивился он и, немного подумав, решил: «Переработался совсем с этим отчетом, больше не буду так долго задерживаться». Получасовое опоздание на работу было гарантировано, но с учетом того, что шеф должен был появиться только после обеда, это не грозило серьезными последствиями при условии, что в квартальном отчете все сойдется и он сегодня же будет сдан в налоговую инспекцию. Петр немного пришел в себя, но ему никак не давала покоя странная мысль, что он должен что-то узнать или вспомнить. «Наверное, куда же эти тридцать пять рублей все же делись, из-за которых баланс не сходится», – подумал он, переходя на противоположную сторону платформы, чтобы сесть на поезд, идущий в обратном направлении. На пути ему попался газетный киоск, и взгляд автоматически устремился на разноцветные печатные издания. Неожиданно Петр поймал себя на том, что вместо привычных «Ведомостей», сборников кроссвордов и «СПИД-инфо» он пристально разглядывает заголовки «Диагностика кармы», «Толкование сновидений» и «Тайны Атлантиды» в дальнем углу киоска. Раньше он никогда не интересовался ничем подобным, но теперь испытал труднопреодолимое желание купить одну из этих книг и, с трудом отдавая себе отчет в том, что делает, потянулся за кошельком.

Эпический цикл

Одиссей был против постройки коня.
Он кричал, доказывал, что идея не просто безнадёжна – она обречена.
– Ты завидуешь! – заявил Менелай. – Эпей хорошо придумал!
– Мы должны попробовать, – упрямо повторил Агамемнон.
– Это же не оливки, которые можно выбросить, если не понравятся! – крикнул царь Итаки. – Если не получится – нас зарежут, как свиней!
– Лучше сдохнуть, чем вернуться с позором! – отрубил Менелай. – Боишься – беги! Не мешайся под ногами!
– Все войско положим! Северяне узнают – придут! Как отбиваться будем?! – многохитрый перевел дыхание, придумывая звучный лозунг. – Лучше потерять Троя, чем всю Грецию!
– Троя еще не наша, – меланхолично напомнил старик Нестор.
– Тем более! – закивал Одиссей.
– Я возьму ее! – рявкнул Менелай. – Кто со мной?!
– А я возвращаюсь домой, – флегматично сообщил Нестор. – Кто со мной?

Одиссей не уплыл на Итаку. Проводил взглядом восемьдесят кораблей Нестора – все остальные вожди остались, надеясь на удачный штурм, – и полез в чрево коня.

Внутри было неудобно. Тесно, душно и воняло потом. Сорок воинов разместились с трудом – набились так, что ни шевельнуться, ни вдохнуть лишней раз.

– Мало, – горячился Агамемнон, оставшийся снаружи. – Если б хотя бы тысячи три...
– А лучше все войско, – очень тихо проворчал царь Итаки. – Чтоб сразу всех зажарили.
– Типун тебе на язык, – буркнул Диомед.
– А ты не слушай.

– А ты прямо в ухо не говори! На кой вообще согласился? Катился бы домой.

– Чтоб потом обвинили, что это из-за меня все сорвалось, – прошипел многоумный. – Итака – не Илион, осаду не выдержит. Меня-то здесь спалют, но хоть жена с сыном останутся.

– Да заткнись ты! – простонал сосед с другой стороны. – Или хоть песню смени!

– Я-то замолчу, а вот троянцы...

Троянцы обсуждали долго и громко. Спорили.

Сжечь – или просто сбросить в море, чтоб с костром не возиться.

Синон, двоюродный брат Одиссея, успел вовремя. Рассказал, будто его хотели принести в жертву, объяснил, что конь оставлен в подарок Афине, и намекнул, мол, хорошо бы, чтоб дар богине не стоял за стенами. Случилось чудо: Приам поверил и убедил сограждан. Троянцы быстро подавили нескольких несогласных и затащили деревянную статую в город. На ухабах звякало оружие – казалось, никто этого не слышал.

– А ты... – насмешливо зашептал Менелай, но ему не дали закончить – закрыли рот ладонью.

Итакиец почти начал надеяться, что все закончится хорошо, когда услышал крик. Он узнал голос: пытали Синона. Нащупал на поясе кинжал, проверил, не помешают ли панцири соседей заколоться, когда станет слишком жарко, и приготовился умереть.

Одиссей заснул, когда жара сменилась вечерней прохладой. Хитроумный знал, что бессмысленно ждать, пока наступит ночь и заснут троянцы, и не боролся с Гипносом. Царю Итаки привиделись жена и сын. Телемаху исполнилось десять, он совсем не был похож на младенца, каким запомнил его отец, уезжая на войну.

– Эй, ахейцы?! – закричал Парис снаружи коня. – Под вами сложены дрова! Сдавайтесь! Сопротив-

Николай Евгеньевич Средин родился в 1982 в Могилеве-на-Днепре (Беларусь). В 2004 закончил филологический факультет Могилевского Государственного Университета имени А.А.Кулешова. Фантастические рассказы автора публиковались в журналах «Першацвет» (Минск), «Порог» (Кировоград), «Уральский следопыт» (Екатеринбург), «РБЖ Азимут» (Одесса), «Полдень. XXI век», а также в сборниках «Индиго-Фант»(2007), «Цветной день»(2008), «Там, где небо сходится с землей»(2009).

В 2006 году стал лауреатом премии «Дебют» в жанре драматургия за пьесу «Звезды на песке».

ление бесполезно! Выходите по одному и без оружия! Хотите – молчите! Я поджигаю!

– Никогда! – рывкнул Аякс Оирид.

– Ни за что! – поддержал друга Аякс Телемонид.

– Как хотите! – согласился Парис.

– Стой! – попросил Одиссей. – Это у нас тут два героя умереть хотят, остальные еще не решили!

– Выпускайте героев! – предложил Парис. – Как закончатся – крикнешь!

– Трус! – рыкнул Оирид.

Многохитрый проворно прополз к выходу, отыскал Эпея и приказал открывать дверь. Изобретатель коня покорно выбил люк и попытался отодвинуться в сторону. Царь Итаки столкнул Эпея. Ахеец не успел даже крикнуть – лучники застрелили его, едва изобретатель коснулся склона веток и хвороста.

– Пропустите! Расступитесь! – требовали Аяксы, пропихиваясь к Одиссею.

Оирид добрался первым и попробовал выпихнуть итакийца. Многоумный выскользнул из его рук, навалился и сбросил вниз.

– Зачем? – выдохнул Одиссей приближающемуся Телемониду.

– Чтоб остальные не думали сдаваться!

С мощным Аяксом бороться было бессмысленно: он просто утянул бы царя Итаки за собой. Многохитрый извернулся, выдергивая кинжал – и всадил гиганту под мышку, чуть выше панциря. Телемонид вздрогнул, удивленно посмотрел на противника и рухнул в люк.

– Кто-то еще хочет?! – тяжело дыша, осведомился Одиссей.

– Агамемнон выкупит нас, – сдавленно пообещал Менелай. – Сдаемся.

Многоумный не поверил.

Но очень уж хотелось вернуться домой.

Одиссея не выкупили – как и остальных ахейцев. Клитемнестра, правившая в Микенах со дня отъезда мужа, отказалась пожертвовать золото. Агамемнону отрубили голову секирой, остальных вождей продали в рабство – с аукциона.

Диомеда купила ликийская царевна Каллироя, Демофонта-афинянина – царица бисалтов Филлида. Менелая отправили в Египет, и неожиданно с ним поехала Елена. Парис попробовал было возразить, но Приам сумел успокоить сына.

Бывшего царя Итаки приобрела нимфа.

Одиссей семь лет провел в рабстве у нимфы Калипсо на острове Гигий. Островок, лежащий к югу от Тринакрии, между Италией и Африкой, можно было обойти за день – не особенно торопясь.

К Одиссею относились с почтением, требовали сравнительно немного: развлекать редких гостей нимфы днем, и ублажать саму Калипсо – ночью. Все остальное время бывший царь Итаки проводил на берегу, обычно на скале Мистраль. Воины,

сменявшиеся на сторожевой вышке, не мешали его одиночеству. Одиссей приходил на рассвете, садился на расстеленный плащ и смотрел в сторону невидимой Итаки. Семь лет – это две с половиной тысячи рассветов.

Иногда почетный раб писал на восковых дощечках или бродил по прибрежным скалам, мерно взмахивая рукой и что-то негромко бормоча.

Очередные гости проплыли с севера незадолго до полудня. Одиссей равнодушно проводил их взглядом, пока корабли не скрылись в гавани.

Дозорный на вышке переступил с ноги на ногу, внимательнее посмотрел на итакийца и подавил желание обсудить новость – забурчал про себя. Скоро примчался мальчишка, слуга нимфы, передал приказ немедленно прийти во дворец Калипсо.

– Что за гость? – хмуро спросил многостойкий, поднимаясь на ноги.

– Велено позвать, и побыстрее, – огрызнулся мальчишка. Покосился на раба, не понимая, как может быть героем солдат проигранной войны. Шмыгнул носом. – Сам не знаю. Меня ж когда отравили, они еще не причалили. Ну, идемте! Пожалуйста!

Одиссей не торопился – на проклятом острове некуда и незачем было спешить. К Цитадели, массивной приземистой крепости, оседлавшей гору в центре Гигия, итакиец пришел вместе с гостями. Эней, сын Анхиза, на золотой колеснице ехал в сопровождении двух десятков всадников. Троянец сделал вид, что не заметил бывшего врага, одетого в простой потрепанный хитон. Кавалькада торжественно въехала в ворота Цитадели.

Калипсо встречала прибывших во дворе. Придворный оркестр – все семь музыкантов – изо всех сил пытался играть что-то эпическое, подходящее случаю. Рабы принимали лошадей, рабыни помогали снять плащи, воины на стенах вместо того, чтобы следить за островом, наблюдали суету внутри крепости.

– Переоденься, живо, – прошипела нимфа, словно случайно оказавшись рядом с Одиссеем.

Многохитрый правильно рассчитал время – вышел в пиршественную залу, когда самые скучные ритуалы приветствия закончились. Эней уже рассказывал, что плывет в Италию, основать новый город – колонию великого Илиона. А на Гигию заглянул, чтобы воочию убедиться в красоте Калипсо.

С разрешения хозяйки Одиссей позвал аэда – исполнить песню для развлечения дорогого гостя. Пел старик, разумеется, про войну. Эней, не прерывая беседы с нимфой и придворными дамами, благосклонно слушал, как ахейцы осадили Троию, как построили троянского коня и отплыли. Аэд запнулся, оглянулся на бывшего царя Итаки, ожидая знака. Одиссей кивнул.

Эней встрепенулся, когда услышал, что греки выбрались из чрева коня и устроили резню на улицах города, пробиваясь к воротам. Рассмеялся,

слушая про ворвавшихся в Троию ахейцев с судов, про пожар в великом городе. Захохотал, откинувшись на подушки, стуча кулаком в колено, когда аэд спел про бегство Энея из Илиона с Анхизом на плечах.

– Старик, ты слепой? – успокоившись, спросил сын Анхиза.

– Да, – вместо аэда ответил Одиссей. – За это я плачу ему вдвое.

Певец встретился взглядом с почетным рабом, кивнул, степенно разглаживая бороду. Подтвердил, что ничего не видит.

Калипсо была довольна, что гостю понравилась шутка многохитрого.

Ночью итакийца не позвали к нимфе – впервые за две с половиной тысячи ночей.

Одиссей показывал Энею остров.

Бывшие враги прогуливались по стенам Цитадели, раб смотрел на юг и рассказывал царевичу про древний храм, построенный гигантами, – кто еще мог взгромоздить огромные каменные глыбы одну на другую? Многоумный переходил на другую стену, указывал на побережье и описывал «Лазурное окно» – каменную арку, через которую лужа, пышно именовавшаяся «внутренним морем», общалась с океаном.

Больше ничего интересного на Гигии не было. Весь остров при обзоре с крепостных стен лежал как на ладони.

– «Падение Илиона» написал я, – сказал бывший царь Итаки. – Не думай плохо про старика-певца.

– Зачем? – удивился Эней.

– От скуки, – хитроумный заколебался, рассказывать ли правду. Сдержался. – Там целый цикл про войну. «Киприи», «Илиада», «Эфиопида», «Малая Илиада» и «Разрушение Илиона». «Возвращениями» горжусь: ахейцы не проиграли, а не один не приплыл, потому что попали в шторм, а потом еще Навплий ложный маяк зажег. В общем, только Нестор и добрался благополучно, вполне такая правдоподобная версия получилась. Я разными стилями писал, чтоб достовер... – Одиссей прикусил язык, быстро поправился. – Ну, чтоб забавнее получилось. Еще «Одиссею» сочинил, для развлечения Калипсо. Куча приключений, одно другого интереснее, посещение Аида, плавание по всем окраинам Ойкумены, ослепление циклопа... Хочешь послушать?

– В другой раз, – наотрез отказался сын Анхиза. – А чем она заканчивается?

– Гермес освобождает меня из рабства. Я приплываю домой, избиваю женихов и живу с Пенелопой долго и счастливо, – раб замолчал. Посмотрел на восток. – Не слышал последние слухи про Итаку?

– Нет, – признался троянец. – А зачем тебе возвращаться? У тебя и тут – целый остров. И Калипсо...

– А там жена.

– Она, может, и забыла уже. Семнадцать лет! Слышал, что Диомеда освободили? Так ему жена в Аргосе ворота не открыла!

– Попроси нимфу отпустить меня, – вдруг сказал Одиссей. – Хотя бы на плоту.

– Так... А с чего?

– Скажи, я тебе мешаю.

– Мешаешь?! Чем?

– Узнаешь, – усмехнулся многоумный. – А я вернусь.

Одиссей приплыл домой на корабле – Эней отправил самое быстроходное судно, специально, чтобы доставить бывшего раба на Итаку.

Бывший царь прошелся по городу, своему, родному, – и увидел его совершенно чужим. Попытался узнать и вспомнить улицы, места – не получилось. Все изменилось. Выросли деревья. Перестроили дома. Отремонтировали храм. Рынок стал совсем другим.

Он слишком долго возвращался.

Многостойкий боялся спрашивать про Пенелопу, про отца – бродил по городку, поглядывая на крепость на холме. Собирался с духом, чтобы подняться в свой дворец.

Когда полсотни молодых парней в полном вооружении встали перед ним на дороге, многоумный не удивился. Пошарил в памяти, пытаясь опознать стоявшего впереди всех – тому было лет пять, когда бывший царь уезжал проигрывать войну.

– Одиссей, – нагло позвал парень. – Мы тебя уважаем и все такое. Но тебя слишком долго не было. Ну и уплывай туда, откуда пришел.

– А вы и есть женихи? – усмехнулся ветеран. – А ну-ка, расступись, мелюзга! Я иду домой.

Воины замаялись. Нерешительно шагнули в стороны, освобождая проход.

– Уже не женихи, – сказал самый наглый. – Я был с Пенелопой. Как муж.

Одиссей вздрогнул. Обернулся, медленно вытягивая боевой лук из колчана.

– Ты умрешь, – пообещал богоравный. – Если солгал – за осквернение имени моей жены. Если сказал правду – за осквернение моего ложа.

Женихи соображали туго, не торопились рвать мечи из ножен, тыкать бронзой в грудь – это давало призрачную надежду. Правда, один пожилой ветеран без панциря против полусотни молодых щенков в доспехах может победить только в мифе.

Одиссей вздохнул.

Главное дело сделано: пускай сейчас смеются над «бредом» – поколения через три, от силы пять, греки будут помнить Троянскую войну по его песням, а не по рассказам стариков...

Царь Итаки криво усмехнулся и поднял лук.

Александр РАШКОВСКИЙ

«Здравствуй, милая картошка!» (история пионерской песни)

Из письма школьного учителя Алексея Дмитриевича Шаманова к кировскому краеведу и библиофилу Василию Георгиевичу Пленкову от 11 июня 1958 года.

«Когда по радио была передана в сокращенном виде история создания песни «Картошка», которую по просьбе редакции «Пионерской зорьки» я сообщил, то через несколько дней редакцию «Пионерской зорьки» завалили письмами десятка три «авторов». Один из этих авторов, видимо москвич, явился лично к ответ-

ственному редактору и устроил там крупный разговор с угрозой передачи дела об авторстве в суд. Об этом мне в начале мая 1958 года сообщила ответственный редактор «Пионерской зорьки» тов. Ашкинезер. Я ей написал очень подробное письмо с указанием многих лиц, которые могли бы засвидетельствовать правильность всего, сообщенного мною.

Вероятно, в настоящее время все выяснилось, так как «Комсомольская правда» от 31 мая 1958 года поместила очень сокращенную статью за моей

Кировский краевед Александр Львович Рашковский – со дня основания в 1973 году участник, а с 1987 года руководитель известного в России клуба «Вятские книголюбы», основанного писателем и краеведом Е.Д.Петряевым. Один из инициаторов проведения в Кирове Петряевских чтений, получивших статус всероссийских. Скрупулезно изучает вятские архивы. На их основе выпустил брошюру «Деятели науки, культуры и техники Вятского края». Активно публикует свои архивные находки в Интернете.

подписью. ...От редакции «Пионерской зорьки» я тоже больше ничего не получал. Наоборот, за последнее время я получил и письменно, и по телефону несколько запросов от редакций различных газет с просьбой сообщить историю создания этой песни. В числе запросов есть и просьба Г.Ф.Чудовой из Кировской областной библиотеки им. А.И. Герцена. На днях постараюсь ей ответить.

В те далекие годы, когда была создана пионерская песня «Здравствуй, милая картошка», я не помышлял о каком-то авторстве в области музыки. Песня эта создавалась в процессе помощи своему товарищу, и я не думал создать себе известность через нее, а тем более, прославить себя. Если бы эта мысль была у меня в то время, то я, конечно, позаботился бы удостовериться свое авторство на эту песню.

Я был всего лишь курсантом вятской губернской советской партийной школы (совпартшколы), а вечером посещал музыкальную студию по классу скрипки при клубе им. К.Либкнехта, где преподавал профессор М.Н.Синицын. В Вятку я приехал после окончания средней школы в 1922 году и вместе с двумя товарищами поступил учиться в совпартшколу. В совпартшколе среди курсантов нашлось несколько музыкантов-любителей, играющих на слух. Своей игрой на скрипке по нотам я заинтересовал их, и вскоре вокруг меня появились желающие тоже научиться играть по нотам. Из этих любителей я организовал кружок и в свободное время обучал их нотной грамоте. Играли мы на тех

инструментах, которые нашлись в личном пользовании каждого. Вскоре мы стали играть совместно в маленьком импровизированном оркестре.

Музыканты совпартшколы, в большинстве своем комсомольцы, несли различные общественные нагрузки по поручению комитета комсомола. Так, в марте или апреле 1923 года, точно не помню, из музыкантов были выделены пионервожатые для работы с пионерами города. Среди них были Витя Гаварский, Коля Петелин, Вася Бородин, Леня Мужиканов и другие. Все они носили на рукаве знак – ромбик из темного сукна с вышитым шелком пионерским костром, которым они очень гордились. Он отличал их от других комсомольцев.

Леня Мужиканов работал с пионерами Школьного городка. Он работал с увлечением и пользовался среди пионеров большим уважением. В затруднительных положениях он часто обращался ко мне. Однажды он готовил с пионерами художественную часть к предстоящему сбору. На этот раз он принес мне стихи «О пионерской картошке». Эти стихи на предыдущем сборе читала одна девочка, и стихи пионерам очень понравились. Вот пионеры и стали просить Леню сочинить песню с этими стихами. Леня сам этого сделать не мог и обратился с просьбой пионеров ко мне. Меня он застал в своей комнате с мандолиной в руках. Я до его прихода, пользуясь свободным временем, импровизировал разные мелодии и этюды.

Услышав его просьбу, я предложил ему одну из только что наигранных импровизаций. Мелодия этой импровизации имела подвижный и веселый ха-

актер и была немного похожа на польку. При первой попытке связать мелодию со словами оказалось, что она не совпадает с количеством слогов в стихах. Мы стали вместе изменять мелодию, стараясь подогнать ее под текст, но в силу этого менялся веселый мотив и размер пьесы. Я был склонен не менять мелодию, а увеличить количество слогов в стихах путем повторения, так как такой прием используется в песенном творчестве. Леня не соглашался, а я старался доказать ему, что повторение последних слогов каждой строчки будет придавать песне веселый и несколько озорной характер, что должно обязательно понравиться ребятам. Я проигрывал еще и еще, Леня подпевал слова песни:

Расскажите-ка, ребята – бята – бята,
Жили в лагере мы как – как – как.
И на солнце, как котятка – тятка – тятка,
Грелись этак, грелись так – так – так.

Наконец, Леня согласился со мной и признал, что песня действительно получилась удачная. Я написал текст на лист нотной бумаги и передал ему. Автором стихов я тогда не интересовался и теперь не знаю, кто написал эти стихи. Или это написали сами пионеры Школьного городка, или они достали их откуда-либо.

Вскоре песню разучили в Школьном городке, и она была исполнена в присутствии многих гостей-пионеров из других школ. Многие присутствующие выучили песню на этом же вечере, а несколько дней спустя ее пели во многих школах города. Песня пионерам очень понравилась. Через месяц-два ее пели везде: в походах, в лагере, на улицах, на школьных переменах. Пели с увлечением, с озорным задором, с подъемом. Многие поколения пионеров пели эту веселую и бодрую песню. Она была близка пионерам в первые годы рождения «Юной пионерии». А годы были трудные. Были свежи воспоминания о пережитом голоде:

Наши бедные желудки – лудки – лудки
Были вечно голодны – дны – дны,
И считали мы минутки – нутки – нутки
До обеденной поры – ры – ры.

В задорных голосах пионеров, распевавших эту песню, чувствовалось, что все пережитое осталось позади, а впереди – светлое будущее.

Песня эта, оказалось, живет до сегодняшнего дня, возбуждая у многих, теперь уже взрослых людей, воспоминания о неповторимых школьных годах, о веселом и шумном пионерском коллективе. Песня будит воспоминания о далеком, беззаботном и золотом детстве.

Р. С. Музыкой я занимаюсь уже 38 лет, как любитель. За это время организовал и руководил десятками любительских коллективов духовых оркестров и оркестров русских народных инструментов, вел уроки пения в школе. В редакцию «Пионерской зорьки» сообщил обо мне мой бывший ученик, с которым я когда-то поделился историей создания песни «Картошка». Прошло много лет после этого разговора, и он решил написать обо мне в редакцию детских передач всесоюзного радио».

Алексей Шаманов, Горьковская область, Ветлужский район, поселок Калинино, средняя школа.

31 мая 1958 года это письмо Алексея Шаманова опубликовала «Кировская правда». А 13 июня 1962 года небольшая заметка об А.Ф.Шаманове, как авторе песни, с его фотографией появилась в газете «Правда».

Журнал «Уральский следопыт» (1962. № 5. С.21-22) в рубрике «Из истории пионерских песен» напечатал статью Николая Ловцова «Картошка». Из нее стало ясно, что автором стихов этой песни был Владимир Алексеевич Попов, который до революции был редактором журнала «Вокруг света», несколько лет возглавлял издание журнала «Всемирный следопыт», а в 1935 году основал в Свердловске «Уральский следопыт». «Картошку» Владимир Алексеевич сочинил якобы еще до революции.

Впервые Ловцов услышал эту песенку на Дальнем Востоке в 1922 году, за Хабаровском, в глухой тайге. Песню очень любил исследователь Уссурийского края, знаменитый писатель Владимир Клавдиевич Арсеньев. Прославленный следопыт часто пел ее, вспоминая свои тяжелые походы и ласковый костер на привале. Впервые «Картошка» была помещена в сборнике песен в 1924 году без указания фамилии автора.

В те же годы поэт Александр Жаров, тоже любивший эту песню, внес в ее текст пионерское добавление:

Ах, картошка – объеденье,
Пионеров идеал!
Тот не знает наслажденья,
Кто картошки не едал.

Судя по заметке Ловцова, он считал, что и автором музыки к песне тоже был Попов. Но мы уже знаем, что это не так. Есть и другие загадки в истории этой некогда популярной песни: действительно ли до революции были написаны ее слова – уж очень силен в ней пионерский дух? Каков ее первоначальный текст? Так что ставить точку в истории песни еще рано.

Николай ГЕЛЕВЕРОВ
Фото предоставлено автором

Помню руки отца

ПОСЛЕДНИЙ ПРИВЕТ С ФРОНТА

Возможно, что в описываемых событиях и нет большой хронологической связи, но это все, что сохранила память человека, которому на момент получения его матерью последнего привета от любимого человека (24 марта 1943 г.) было всего четыре года и пять месяцев...

Вот несколько строк из этого письма:

«Здравствуй, дорогая Ирочка! Сегодня я приехал из госпиталя в Тбилиси за получением назначения и не знаю, на какой фронт меня теперь пошлют. Зашел к маме, думаю здесь пожить сутки или двое, мне сейчас же доложили о твоём письме. Я не могу тебе описать ту радость, которая меня охватила, когда я узнал, что вы живы и здоровы. Зная о тех зверствах, которые чинили немцы на Кубани, я считал, что вас никого в живых не было».

Это письмо заставило меня собраться с мыслями и попытаться кое-что, о чем вспомню, изложить на бумаге.

СИЛЬНЫЕ РУКИ

Отца я совершенно не помню в лицо. Знаю только, что это был крепыш, ростом около 173–175 см. Но зато очень хорошо помню сильные отцовские руки. Когда он приходил домой с работы, он иногда находил свободное время для возни с сыновьями. Больше внимания отец уделял мне, младшему.

Он брал меня в охапку и, насколько позволял ему рост, подбрасывал вверх и ловил. Мне это очень нравилось, я заходился от смеха и просил его повторять. Космонавта из меня не получилось, но на высоте до 4000 м я себя ощущаю вполне нормально.

«ДЖУЛЬБАРС» И АРМА

Почти перед самой войной очень большой популярностью у всего населения огромной державы и, видимо, особенно у сельского населения пользовался художественный кинофильм «Джильбарс»,

повествовавший о героических буднях одной из пограничных застав страны.

Этот кинофильм попал и в станицу Екатериновскую на Кубани, в которой проживала в то далекое время наша семья. Папа после работы, в день приезда к нам в станицу кинопередвижки, смонтированной на базе автомобиля ГАЗ-АА, забрал всю семью и в том числе нашу всеобщую семейную любимицу, небольшую белую собачку-болонку по кличке Арма.

Мы дружно зашли в сельский клуб и расположились на лавках недалеко от большой белой простыни, заменявшей киноэкран.

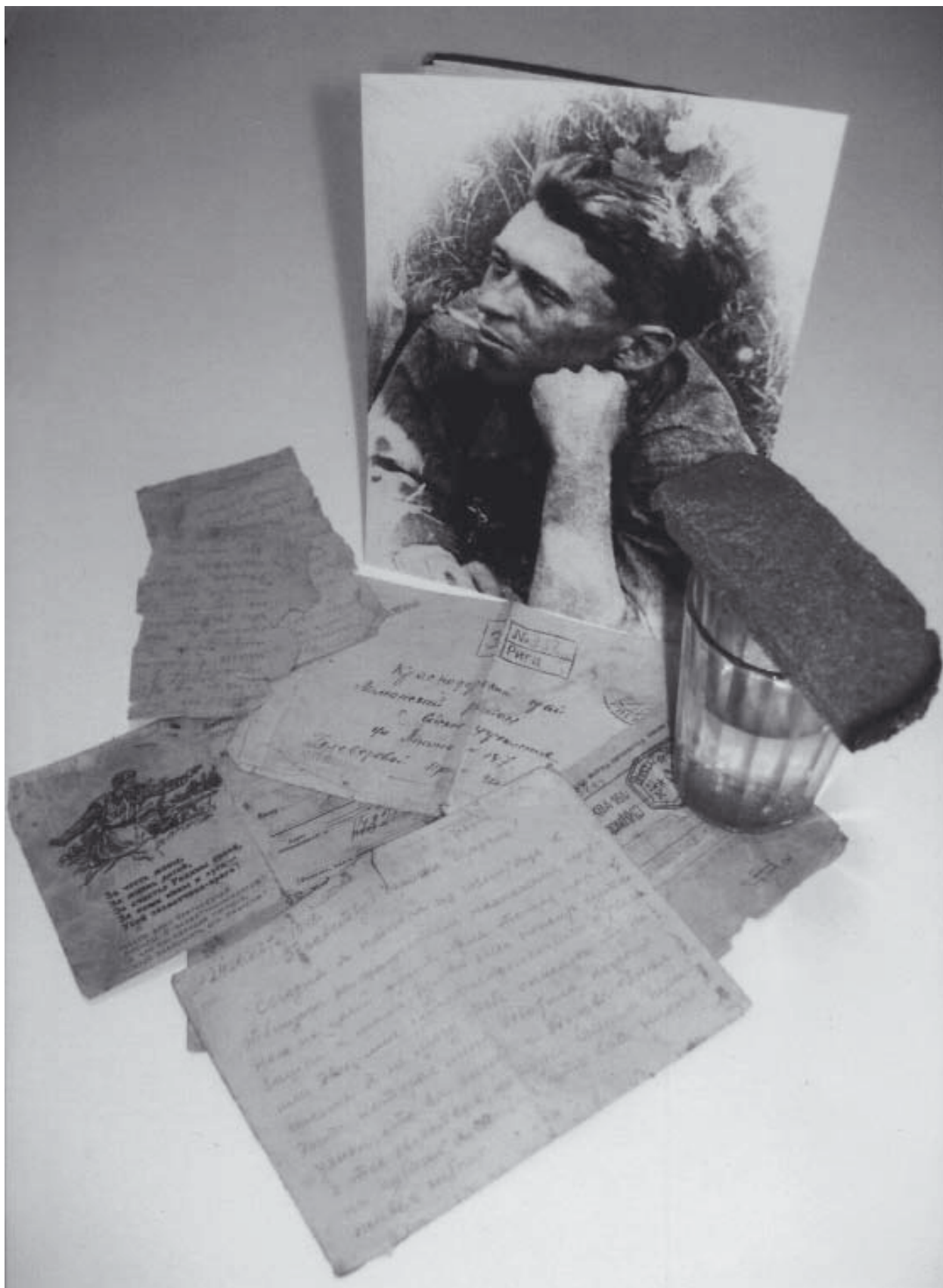
В зале было тихо и спокойно лишь до того момента, когда на экране появился один из главных героев фильма – пограничная служебно-розыскная собака Джильбарс. И когда наша Арма, сидевшая у ног отца тихо и смирно, услышала рык и грозный лай Джильбарса, она в ответ залаяла звонко и залиvisto, вторя событиям на экране.

В зале начался переполох, в темноте никто ничего не понял, но дружный смех всех присутствующих в кинозале на время перекрыл все те события, которые происходили на экране. Женщина-контролер вынуждена была громким голосом попросить того, кто пришел с этой собачкой, удалиться из зала...

ЛЕДЕНЦЫ

Я очень хорошо помню, что у папы был отдельный уголок в комнате, в котором стоял большой двухтумбовый письменный стол с ящичками, запиравшимися на ключ. Когда у него выдавалась редкая минута отдыха, он приглашал меня в свой «кабинет», к письменному столу, и открывал заветный третий ящик правой тумбы стола. Из ящика он доставал металлическую расписную коробку с конфетами-леденцами «Монпасье» и говорил мне: «Бери! Угощайся, сынок». Помню, что я брал 2-3 штучки, не более, и всегда говорил: «Спасибо, папа!» Он меня уговаривал взять еще, но, видимо, врожденное чувство меры не позволяло мне брать больше. Теперь у меня в комнате тоже стоит большой компьютерный стол с ящичками, и одним из любимых моих лакомств являются леденцы...

Николай Евгеньевич Гелеверов 46 лет работал инженером-конструктором на Уральском электрохимическом комбинате (г. Новоуральск Свердловской обл.). Руководил одним из сильнейших в Минатоме общественным конструкторским бюро. Ветеран атомной энергетики и промышленности. Заслуженный путешественник России. Академик Московской международной академии детско-юношеского туризма и краеведения, руководитель ее регионального отделения в Свердловской области. Живет в Новоуральске.

В 1975 г. (30-летие Победы) я хотел сделать маме подарок, узнав хоть что-нибудь об отце, то ли пропавшем без вести, то ли погибшим на фронтах Великой Отечественной войны. Подольский (Центральный) архив министерства обороны страны заявил, что Гелеверов Евгений Павлович (1903 г. рождения) не числится в рядах РККА. Вот так: коротко и не совсем понятно. До сих пор жжет душу. А на дворе уже 65 лет со дня Победы.

ВСТРЕЧА В ПОЛЕ

Получив письмо о том, что папа лежит в госпитале в Краснодаре, мама, очень решительная женщина, собралась всей семьей добраться до него. Нас в то время было четверо: мама, старший брат Анатолий, я и меньший брат Геннадий, которого мама несла на руках.

Старший брат нес котомку, я – сверток, а мама – с грузом за плечами и Геной на руках.

Мы шли в течение нескольких часов по грязным проселочным дорогам, нас поливал иногда мелкий-мелкий дождичек, но мы медленно продвигались вперед. Начал гроыхать гром, и дождь усилился.

Дело подвигалось к вечеру, тучи заволокли все впереди нас. И вдруг как-то все вмиг изменилось: мы увидели идущего навстречу нам мужчину. И это оказался наш папа, живой и невредимый. Ему после ранения дали двое суток на поиски семьи, о которой он давно уже ничего не знал, несмотря на попытки поисков и его письма.

Это была встреча в грозу, почти в сплошной темноте, между населенными пунктами. Папа подхватил меня на руки вместе со свертком, забрал котомку старшего брата и заплечный груз у мамы, и мы пошли в сторону ближайшей станицы. Мелькнул огонек вправо от дороги. Жившие в небольшом домике люди разместили нас на полу крохотной кухоньки.

Столько было радости и слез от такой неожиданной встречи в поле...

ПЕРЕПРАВА ЧЕРЕЗ ЛАБУ

После этой неожиданной встречи папа решил срочно выбираться с нами в Краснодар, за тем, чтобы получить новое назначение на фронт.

Запомнилось мне, что его с тремя сыновьями брали на борт почти любая военная грузовая машина, а маму не брали (по законам военного времени гражданских брать на автомашины было не положено).

Тогда он, все же определив маму с Толей и Геннадием на машину, идущую до Краснодара, сам решил дожидаться подобной же оказии вместе со мною. Такой машиной оказалась легковушка первой советской модели, которую в народе звали «эмкой».

Мы долго ехали, сидя с ним на заднем сиденье, пока не выехали на берег реки Лабы, летом не представлявшей особой сложности для переправы. Но эти события происходили ближе к концу апреля, и река была очень серьезным препятствием на нашем пути к городу, в котором я родился...

И все же водитель, посоветовавшись с отцом, решил переправляться. До середины реки все, казалось бы, шло гладко, но вдруг неожиданно у «эмки» зачихал мотор, протарахтел некоторое время и совсем заглох. Машину стало заносить песком, ветви и трава проносились мимо. Я стоял на заднем сиденье и, видя, как мне казалось, пронесившиеся мимо нас громадные волны, орал благим матом. Вот откуда у меня несколько притупившаяся с годами водобоязнь. Это было и остается одним из са-

мых страшных моих воспоминаний и «подарков» того времени.

А сколько таких препятствий ждало нашу семью в дальнейшем!

ТЮТЮН, ШЕЛКОВИЦА, ЖЕРДЕЛИ, КОЛОСКИ

В то далекое время нас, пацанов, все время преследовало одно постоянное ощущение – голода. Нам всегда хотелось есть, и мы искали любую возможность, чтобы притупить хоть на время этот кошмарный голод.

Нужно сказать, что на Кубани перед самой войной были очень большие урожаи табака, или, как его еще называли местные, тютюна. И если старшие ребята 7–10 лет, которые могли держать нож в руках, резали табак в мелкую стружку, которую потом старшие бережно сушили и отправляли в виде махорки на фронт нашим бойцам, то малыши вроде меня решали для себя другую проблему: искали повсюду клочки газет или любой другой бумаги, чтобы соорудить что-то вроде самокрутки с уже сухим табаком и дымить, дымить... Это ненадолго забивало чувство голода и отвлекало нас на время от мысли о еде, о хлебе. Но я помню, что мама всегда была настороже, всегда брала гибкую и длинную хворостину и за это мое увлечение табаком угощала меня хлесткими ударами.

Но самым большим лакомством из всех растущих на достаточно благодатной кубанской земле в те годы была огромная шелковица (тутовое дерево), которая снабжала ребятню прекрасной съедобной и очень крупной сладкой бело-вишневой ягодой. Мы, как воробьи, окружали дерево, вначале собирая то, что лежало на листве, внизу, а затем поднимались выше по хрупким ветвям...

Другим, не менее распространенным в то время в кубанских садах лакомством для нас, малышей, являлась жердель (дикий родственник абрикоса). Плоды жердели такого же ярко-оранжевого цвета, как и у ее культурного сородича, только содержимое косточек, очень похожих на абрикосовые, всегда горькое. И несмотря на эту горечь, а точнее, именно поэтому, содержимое косточек жердели тоже использовалось в хозяйстве. Из него наша мама, как и многие другие женщины на Кубани в годы войны, варила мыло, которое использовалось разве что для стирки очень грубого и грязного белья. Именно в этом малыши моего возраста были незаменимыми помощниками: мы камнями разбивали косточки, что в одно и то же время было и работой, и веселой детской игрой-забавой. Старшие аккуратно собирали содержимое косточек жердели и, смешав его с каустической содой, долго, до необходимой консистенции, варили так нужное для всех мыло, хоть и плохого качества.

Одно из самых ярких воспоминаний – о сборе колосков на полях после уборки урожая. В то время действовал сталинский указ о том, что если кто-то из участвующих в сборе колосков на стерне унесет хотя бы один домой, то к этому человеку будут приняты самые крутые меры наказания, вплоть до уголовных...

Но в памяти моей не отложилось ни одного случая подобной ответственности. Сам же я принимал непосредственное участие в уборке колосков на по-

лях в дичайшую жару, уже учась в школе, в 1946-1947 годах.

ЧАКАН, ВОРОБЬИ И СОВЫ

В детстве, насколько я помню, мы, две семьи – Гелеверовых и Хлебниковых, жили в одном четырехкомнатном доме под железной крышей и с двумя входами. В обеих семьях отцы воевали, а дома были мамы и их сыновья: трое Гелеверовых и двое Хлебниковых. Хлебниковы-сыновья были постарше меня: Владимир – третьеклассник и Виктор – первоклассник. Именно эти ребята и были моими лучшими друзьями в детстве. И именно с ними и связаны у меня все мои похождения и приключения (заложившие чувство постоянной тяги к перемене мест), которые с нами случались в наших настойчивых поисках средств утоления непреходящего чувства голода. А наши мамы в это время с утра и до ночи упирались на трех-четыре работы, в том числе сторожили большой амбар, иногда заполняемый рожью или овсом.

Наиболее привлекательным и заманчивым местом в летнее время для нашей детско-подростковой маленькой команды были плавни – заросли осоки, рогоза, тростника, чакана и других видов растений на затопляемых и пойменных территориях.

Здесь старшие ребята брали яйца из птичьих гнезд. Но самым, пожалуй, лучшим лакомством был все же чакан – высокое болотное растение с достаточно крупным белым и мясистым, чуть сладковатым стеблем-корнем, заменявшим нам хлеб и сахар.

Наевшись до отвала чакана, довольные, мы возвращались домой, где нас ожидали наши кормильцы – воробьи. Почему именно эта, самая распространенная, порода пернатых окружала амбар (с остатками ячменя и ржи), объяснить мы и не пытались, но именно на воробьев у нас была объявлена настоящая охота. Мы ловили их ловушками, составленными из пяти целых кирпичей, которых в округе (по случаю некогда активного довоенного строительства) было предостаточно. Пятый кирпич ставился в качестве крышки на четыре лежащих внизу и образующих колодец. Кирпич через палочку (или щепку) опирался на подставку, на которую мы сыпали горсть семян. Воробьи всегда старались склевать то, что лежало на подставке. В результате пятый кирпич падал и накрывал сразу нескольких воробьев. Это были наши трофеи, наше питание. Железных банок вокруг валялось очень много, вода артезианская была рядом, в бассейне. Дело оставалось за малым – за костром и кастрюлькой для супа...

Самый предприимчивый, находчивый и смекалистый из моих друзей братьев Хлебниковых – старший, Владимир, – однажды объявил охоту на сов, которые в свою очередь охотились на летучих мышей и мышей-полевков, в изобилии обитавших в том же пресловутом амбаре-сенохранилище, который охраняли посменно наши мамы от воров и расхитителей.

Однажды Владимир принес большую и красивую, на мой взгляд, сову. Отдал ее нашей маме и предложил ей изготовить для нас, малышей, что-нибудь вкусненькое. Но мама трое-четыре суток не могла лишиться нас удовольствия от общения с этим представителем пернатых хищников. Сова устраивала с нашим котом настоящие ночные баталии. Оба представителя животного мира очень хорошо видят в сумерках и друг друга достойны – и в силе, и в ловкости, и в гибкости. Тот же Володя, зайдя к нам через продолжительное время, очень удивился, увидев выскочивших ему навстречу сову и кота. Он тут же взял топор и через некоторое время передал маме ощипанную тушку, напоминавшую, скорее всего, небольшого цыпленка, но никак не гордую и вольную хищную птицу. Мама из остатков риса сварила плов, который я есть не мог...

ОВЦЫ, РАЗОРВАННЫЕ ВОЛКАМИ

По селу, в котором мы в то время жили, прошел слух о том, что колхозных овец (в большом количестве) разорвала неизвестно откуда взявшаяся в этих местах стая волков. Председатель колхоза (опираясь на мнение правления) принял решение раздать разорванных овец колхозникам на трудодни.

Я не помню, ел ли я это мясо, скорее всего, мама кормила меня только бульоном. Но и его, и особенно впечатлений от тревожных разговоров взрослых об этих овцах хватило мне на одну бессонную и очень памятную для меня ночь. Спали мы с братьями на русской печи, накрывшись одним большим одеялом. И несмотря на то, что я лежал между братьями, на меня в течение всей ночи под одеялом как бы смотрели громадные, горящие ярким огнем глаза этих самых волков. Я всю ночь кричал: «Мама, волки, волки!» Успокоили меня травяными чаями-настоями только днем. Может быть, это было детским предчувствием, возникшим в мозгу ребенка, о пришествии настоящих волков – фашистов и румын, оккупировавших малую родину – Кубань (с августа 1942 года по 23 февраля 1943 года)...

ОККУПАЦИЯ: «КУРКИ, ЯЙКИ, МЛЕКО...»

Помню очень много солдат в грязно-зеленых и черных мундирах, автомобили и мотоциклы. И сразу же после вступления на нашу территорию, в наши села и деревни, они стали грабить и насильничать, ломать и жечь. Это им доставляло, видимо, наивысшее удовольствие. Пришельцы бегали по всем дворам и кричали: «Курки! Яйки! Млеко!...» Они уводили оставшихся редко в каких дворах коров и телок, свиней и прочую живность. Фашисты обливали подворья керосином и поджигали их.

В самом же Краснодаре они почти под корень выбили подпольную группу и зверски замучили в гестапо братьев Игнатовых – Евгения и Геннадия, одних из самых активных участников кубанского подполья. Но об этом (о подпольщиках) я узнал, учась уже в шестом классе школы, когда прочитал книгу отца братьев Игнатовых.

Алексей КОРЮКОВ
Фото из архива автора

В огненной купели

1. КЕРЖАКИ – КТО ОНИ?

Довольно часто в литературе и в кино в дореволюционное время, в годы советской власти и в наши дни их изображали неистовыми, замкнутыми аскетами с взглядом исподлобья, с аршинной бородачей. За свою веру они якобы могут дойти до безумства и жестокости, даже до убийства близких. Отупевшие от молитв фанатики, они не знают в своей жизни ничего: ни игр, ни развлечений, ни любви, ни творчества, а с утра до вечера бьют поклоны да спорят о своей старой вере. Следует заметить таким авторам, что у старообрядцев вообще не принято вступать в спор о вере, особенно с еретиками, ибо спор есть грех. В таких случаях они просто замолкают и уходят в сторону.

На Урале их называют по-разному: кержаками, раскольниками, староверами, старообрядцами. Думаю, что самое правильное – староверы, так как мы – православные христиане старой веры, не желавшие принять церковную реформу середины семнадцатого века, проведенную патриархом Никоном и царем Алексеем Михайловичем Романовым.

Я тоже родился в старообрядческой семье – так мы себя называли – в большом уральском селе Быньги, что в шести километрах от г. Невьянска Свердловской области. Тогда, в начале 40-х годов, почти половину населения составляли кержаки.

Родни у нас было более ста человек, не считая самую дальнюю, и сватов-иноверцев, так как мои старшие сестры вышли замуж за православных. В Быньгах это были Корюковы, Коробейчиковы,

Хохловы, Казанцевы, Сапожниковы, в Невьянске – Кирьяновы, в Верхних Таволгах – Матвеевы, в с. Южаково – Южаковы. Это в основном по отцовской линии, но были родственники и по матери. Мой отец Савва Ефимович и мать Агафья Федоровна носили до свадьбы одну фамилию – Корюковы, которая довольно часто встречается на Урале, в Сибири и в Поволжье.

Были у нас в родне своеобразные интересные личности. Часто вспоминаю старшего брата матери дядю Лифантия Федоровича. Он жил бобылем в своем родительском кирпичном доме на берегу реки Нейвы, недалеко от кладбища. Их семья в старые годы, до революции, была зажиточной по тем временам, они имели маслобойную фабрику. Конечно, фабрика это слишком крепко сказано, по нашим понятиям, скорее это было небольшое строение, похожее на баню, где давили конопляное и льняное растительное масло. Но что поделаешь – фабриками у нас называли в то время и столярные, и сапожные мастерские, и гончарные, и пимокатные домашние помещения, где в свободное время производили ту или иную продукцию. Народ не любил сидеть без дела, когда на огороде и в поле заканчивались сезонные работы.

Дядя после смерти родителей забросил это производство, так как, вернувшись с Первой Мировой войны, не женился и жил один бобылем. Девушку, которую любил, выдали замуж, и он дал себе обет безбрачия. Были, да и теперь есть такие упорные однолюбы. Он очень серьезно относился к своей вере и не очень серьезно к своей жизни. Не признавал достижений науки – радио, телефон, а позднее телевизор и кино, считал их бесовскими штучками.

Алексей Савич Корюков родился в 1941 году в большой старообрядческой семье. Окончил Быньговскую семилетнюю школу, Невьянское ремесленное училище, работал монтажником-высотником, матросом Мурманского буксиро-транспортного флота, горным пробщиком на Быньговской шахте, служил в зенитно-ракетных войсках под Ленинградом. Вернувшись на Урал, поступил в Свердловский юридический институт, работал в органах юстиции. Закончил факультет журналистики в ВПШ города Копейска. Автор стихов, очерков, рассказов и повести. Занимается краеведением, журналистикой и охраной природы. Живет в Екатеринбурге.

На царской службе 1912г. Крайний слева – Коряков Савва Ефимович, отец автор

– Это дьявол говорит и показывает себя, так он нестойких заманивает в свой ад! Ты Сейко (он почему-то так звал меня, видимо, от Алексейко) не ходи в кино, не поддавайся на эти бесовские штуки, своим умом живи! Ты парнишка баскинский, не дурак, память у тебя хорошая, читай больше и думай о жизни, может, чего и добьешься. Вон твой отец нигде не учился, надоумил его один еврей немного читать и считать, а до остального Савва сам дошел, своим умом, жил, да книжки почитывал. В армии дослужился до старшего унтер-офицера, а здесь – до председателя колхоза. А все потому, что книжки читал!

В начальных классах я не отличался хорошей дисциплиной и послушанием, и часто моя учительница Клавдия Дмитриевна ставила за поведение тройки или, в лучшем случае, четверки. Не все дети старообрядцев были тихонями и в школе, и на улице. Узнав об этом, мой старший брат Авдей, вернувшийся после войны с флота, решил меня приструнить, заявив, что, мол, с такими отметками лучше не приходи домой. Я целый день старался вести себя смирно, но на последнем уроке сорвался и получил за поведение двойку в дневник. Как на грех, это было 30 марта, в мой день ангела. Помню слова брата, я не пошел домой, а направился к дяде Лифантию.

Старик, услышав мои проблемы, озабоченно посмотрел на меня и, почесав свою седую бороду, махнул рукой:

– А, а! Ничего! Молодец, что пришел! – он помолчал минуту и тихо, как бы по-свойски, добавил: – Я сам, в твои годы, таким сорванцом был, на голове ходил. Ничего, переживем!

Он был рад моему приходу, видно, скучно было старику одному в большом кирпичном доме. Он надел чистую рубаху-косоворотку, кожаные сапоги, смазанные после зимы ароматным дегтем, овчинный полушубок и свою поношенную фетровую шапку, после чего мы отправились с ним в сельпо, где дядя купил мне гостинец – кулек конфет «подушечка» и печенья, все-таки именинник пришел к нему в гости.

Вечером мы с ним поужинали, и он опять начал рассказывать о своих сражениях.

– Пушки-то у нас были огромные, тощий солдат залезет в ствол, мы вчетвером таскали снаряды на носилках, как ухнет – земля трясется. А охраняли нас уральские казаки. Однажды напали ночью австрийцы, а часовой наш, молодой казак, выстрелил из винтовки, потом выхватил шашку и давай крутить вокруг себя, так никого и не подпустил, пока его товарищи не выручили... А однажды так шарануло по нам снарядом, дак только руки и ноги по воздуху летели... Да, греховное это дело – война! – грустно закончил он.

– Дядя, а ты кого-нибудь убил на войне?

Старик вышел из своего оцепенения, строго посмотрел на меня.

– А кто знает, куда наши снаряды летели, может и в людей. Давай спать.

Самая грамотная в нашей родне по вопросам веры была тетка Анна Коробейщикова, самая старшая после смерти моего отца, который скончался в 1946 году. Невысокая, расторопная и мудрая своим природным разумом, она говорила не торопясь, тихо, но без запинки, ласково глядя на меня своими чистыми добрыми глазами.

– Мы все, почитатели истинной христовой веры, пришлые в этих краях, здесь же раньше язычники дикие проживали. После Никоновой реформы это случилось. Мы оброшные, с реки Керженца, где наши прадеды дали клятву не изменять своей вере, поэтому и зовут нас кержаками, как бы дразнят так, а мы гордимся этим прозвищем. Молимся двуперстным крестом, в часовнях или дома, без священников, вот так, – и она старательно складывала мои детские пальчики в двуперстие и учила, как правильно креститься и делать земные поклоны «по писанному». – А те, кто ходит в церковь, те православные никониане, крестятся трехперстием, «щепотью», не так, как мы. У них попы ведут молитву, а у нас – батюшка, выбранный от всей общины. Мы много потерпели и от разных властей, и от церкви, с тех старых времен до теперешних...

Добрая моя малограмотная тетя Анна не ошиблась. Уже в наше время библиотекарь Татьяна Андреевна дала мне копию Пермской летописи за 1889 год, где в разделе «Староверы в Быньгах» подтверж-

Проводы на фронт брата Ивана Савича. У отца на коленях автор.

дено, что они переселились в наши места после пуска Быньговского завода в 1718 году из Невьянска и с Нижегородской губернии, где и протекает знаменитая речка Керженец. «Благо, староверов в здешнем краю было уже много, значит, дорога была протоптана, а в непроходимых лесах можно было обзаводиться и скитами. В Быньгах есть фамилия Мягковы. Такая же есть и в селе Городце Нижегородской губернии. Говорят, что она произошла от названия речки Мегчечицы. В запрудной части нашего завода, на берегу пруда, в огороде Мягкова, староверы построили часовню. Основание ее относят к 1775 году.

Другая часовня была построена в 1795 году на огороде Пузанова. «В 1847 году 8 июля Пузановская часовня была передана по Высочайшему повелению быньговскому единоверческому обществу, и единоверцы вместо часовни, уже ветхой, решились построить церковь». (В. Н. Шишонко Пермская летопись, Пятый период. Часть 3. С. 1702 – 1715. Пермь. Типография Земской Управы, 1889 год).

Так с детских лет я понял, что мы люди особой, гонимой веры, и нам нельзя посещать православные храмы.

У нас в селе было две кирпичных церкви и две деревянных часовни. Храм во имя Святого Николая Чудотворца был построен уже после Демидовых, Саввой Яковлевым, который купил у Демидовых Невьянские заводы, в том числе и Быньговский. Этот храм называют в народе Белой церковью, в ней молятся православные. Другая единоверческая

церковь во имя Казанской иконы Божией Матери, каменная, называемая в народе Красная церковь. Храм был заложен в 1852 году, а окончательно построен 19 июня 1861 года, освящен в 1871. В декабре 1931 года постановлением № 1653 президиума Уральского областного исполнительного комитета он был закрыт, «ввиду неиспользования указанной церкви в культовых целях больше года, а также наличия в с. Быньги другого храма». С 2007 года началось ее восстановление, и ее священник о. Игорь уже ведет в ней службу. В ней молятся двуперстным крестом, как старообрядцы, по старым книгам, но молитву, в отличие от них, ведет священник, который подчиняется православной церкви.

Две часовни были старообрядческие, часовенного толка, в них молились не только старообрядцы из нашего села, но и приезжали на молитвы, особенно в праздники, кержаки из других сел и городов.

В тридцатые годы все церкви и часовни были закрыты. С церковью были сняты колокола, Красную церковь отдали колхозу под склад зерна. Но старообрядцы, привыкшие к гонениям, продолжали молиться по домам, где крестили детей, брачили молодоженов, отпевали и поминали умерших.

Вот как рассказала моя старшая сестра Татьяна, моя крестная мать, о моем крещении. Я был в семье последним одиннадцатым ребенком, и все мои старшие братья и сестры с удовольствием принимали в этом участие.

– Тебя крестил дедушко, в своей избушке, в Легушанке, на берегу Нейвы, в Алексеев день. Он был очень старый, с огромной седой бородой, я уж и имя его забыла. Он дал мне ведро и попросил принести воды из реки. Я зачерпнула в проруби воду и принесла в избушку. Там уже собрались все наши. Дед немного подогрел воду на плите, вылил ее в купель, а затем прочитал молитву и окунул тебя три раза с погружением. Иван (мой старший брат – погиб в Венгрии) стал твоим крестным отцом, а я мать крестной.

Православные тоже крестили детей в Белой церкви, она практически действовала «втихую» все эти годы богоборчества. Затем в годы войны, с целью объединения народа и власти, все храмы по указу Сталина были открыты, и в них стали молиться, кроме Красной церкви и часовни посреди села, из которой еще до войны начали строить клуб. Старообрядцы стали посещать другую часовню, за прудом. Я вспоминаю, что примерно до пятого класса в Пасху и Рождество регулярно ходил с матерью в эту часовню, где встречал немало своих одноклассников и одноклассниц. Но потом, в старших классах, после вступления в пионеры, а затем в комсомол, многие перестали посещать храм – сказывалась антирелигиозная пропаганда, и мы постепенно отходили от постов и молитв.

Посты в нашей семье, как говорила мать, раньше соблюдали строго, особенно до войны, а в войну и после, в голодные годы, постовала лишь

одна мать, что делать – есть всегда хотелось. Так что не приходилось разбираться, ели и постное, и скоромное. Мы состояли в колхозной семье, имели приусадебный участок – 25 соток. Единоличники, то есть рабочие и служащие завода, промартелы, школ, больницы и совхоза получали участок в 15 соток. Многие, и мы в том числе, имели свой скот: корову, бычка, овец, коз и птицу. В селе было четыре больших табуна, не считая совхозных и колхозных. И хотя платили налог за каждую голову, что-то оставалось и себе. Кроме того, в колхозе было организовано общее питание работающих колхозников, кормили и детей в многодетных семьях. Одним словом, выживали, с голоду в колхозе никто не умер, хотя на заводе в Невьянске, говорят, такие случаи были.

Но некоторые семьи посты соблюдали строго. Недалеко от нас, в Легушанке, жили старообрядческие семьи Кипеловых и Даниловых, где постовали все, от мала до велика. Люди приспособивались к постам, коротким и длительным. На зиму заготавливали много солений: капусту, грибы, огурцы, помидоры, сушили ягоды, черемуху. Постоянно делали свекольный квас, паренки из мелкой моркови, сладкие, как фрукты, тушили в печи репу, которая тоже становилась сладкой, как дыня, делали кулагу, о которой сейчас забыли даже гурманы, запекали завариху. В посты стряпали пельмени с капустой, с редькой или картошкой, пекли лепешки и оладьи. Мы, дети,

Проводы на фронт, с. Быньги. 1942г.

любили зимними вечерами запекать картошку на чугунной плите камина. Нарезешь пластика-ми, посолишь немного – и на плиту. Подпечется с одной стороны, перевернешь на другую. Вкусно! На плите поджаривали горох. Насыплешь в сковороду и ждешь, когда начнет щелкать, значит, готово. Ешь за милую душу! Так и выживали, и что хочется заметить: толстяков и толстухек в те годы практически не было. Очень много работали и дети, и взрослые.

У старообрядцев сложилась своя мода, свои фасоны одежды. Одежда, которую они носят на работе и в обычной жизни, мало чем отличается от старинной, а у молодежи – от современной европейской одежды. Те же брюки, рубашки, пиджаки, пальто или шубы. А вот на молитву они одеваются по-особому, не так, как православные. Женщины надевали черные косоклинники, белые рубашки или кофты, головы покрывали темными платками. Мужчины надевали на молитву темные брюки, однотонные русские рубашки, а поверх – черные длинные кафтаны. Сейчас все меняется, уже разучились кроить и шить такую одежду, но все же те, кто не имеет ее, стараются одеваться на молитву по-старому, в черные одежды. А в повседневной жизни и женщины, и мужчины ходят, как все.

У старообрядцев на Урале и в Сибири сложилась за столетия и своя деревенская усадебная культура.

Кержацкие семьи, как правило, были в годы моего детства довольно многочисленные, так как

аборты и прерывания беременности считались великим грехом. Жизнь в труде и духовной благости исключала пьянство, употребление табака и наркотиков, очень презиралось и всячески осуждалось сквернословие, воровство, скопидомство, поощрялись честность, бережливость, трудолюбие, поэтому, в основном, все жили довольно справно, даже и в наше нелегкое время. Все это отразилось и на строительстве усадеб.

Старообрядцы рубили просторные, высокие, зачастую пятистенные избы, простые по убранству, но светлые, с множеством окон, которые на ночь запирались ставнями и железными «баутами». Во дворе, на главной средней верее ворот, прибывалась иконка или медный крест, конечно же, восьмиконечный староверческий, а не латинский и не мальтийский, чтобы входящие и исходящие могли положить три поклона. Проход с улицы шел через крытый двор, внутреннее крыльцо, сени и прихожую. В ней сразу у порога были вешалки для одежды и полочки для головных уборов и рукавиц. У некоторых над головой – широкие полаты из толстых строганых досок, где спят двое или трое детей или подростков. Слева большая русская печь с камином, на которую забиралась по деревянному приступку. Печи делались с широкими лежанками. Например, на нашу печь в морозные зимние дни забиралось до пяти человек, взрослых и детей. Там, на горячих кирпичках, широких, старинных, отшлифованных человеческими телами, лечили простуду, радикулиты, читали вслух

Свято-Николаевский храм в Быньгах (Белая церковь)

книжки, дети играли. Когда за окнами воеет вьюга, в печи рай и для взрослых, и для детей.

Между печью и задней стеной – неширокий проход к умывальнику. Когда в морозы телилась корова, ягнилась ярка или коза, малышей заносили в этот проход, чтобы они не простыли в стайке, и закрывали проход приступком, а когда они обсыхали, их уносили обратно к матери.

Дальше, от печи к окну, отгораживалась заборкой кухня, где стоял стол для стряпни, шкаф для посуды, в углу у печи – закуток для ухватов, кочерги, помела и веника. В углу кухни, у окна, маленькая полочка, на которой стояла иконка Николая Угодника. Наискось от печи, в правой стороне – «красный угол», где тоже небольшая божница на несколько икон, на которые обычно крестились все: и свои, и приходящие верующие люди. В этом же углу стоял большой обеденный стол, за который обычно садилась есть вся наша семья. У передней стены, под окнами, широкая толстенная лавка, на которой в случае необходимости могли спать один или двое останавливающихся на ночлег путников или гостей. Проход в кухню закрывался плотной занавеской, у некоторых – дверями. У старообрядцев не принято, чтобы посторонние или мужчины из своей семьи, включая детей и подростков мужского пола, заглядывали туда и видели, как женщины готовят еду. Даже к кадушке с водой, если в кухне стряпали женщины, старались не подходить, а просили, чтобы им дали напиток и, приняв кружку, пили, не заходя в это царство женщин. Воду из колодца всегда носили на коромысле женщины или девушки. Если, в силу каких-либо причин, болезни или отсутствия женщин, за водой приходилось сходить мужику или парню, он старался делать это затемно и при этом нес ведра в руках, без коромысла. Такое было, и сейчас еще есть, разделение труда и своих обязанностей.

Завтракать, обедать и ужинать садились все вместе, предварительно помолившись на иконы. Кто не молился, например, мой старший брат Феохтист был комсомольцем (в войну ушел на фронт добровольцем и погиб), он хотя и не крестился, но стоял со всеми вместе и садился за стол тоже вместе со всеми. Были и такие, кто стеснялся молиться со всеми, а уходил для этого в другую комнату, после чего садился со всеми вместе, и только тогда все приступали к трапезе. Из-за стола тоже выходили все вместе и заканчивали трапезу молитвой. Если кто из детей забывал это и убегал на двор, мать обычно говорила: «Ангел-то, покушав, помолился да полежал, а бес-то потянулся да побежал!» И мы всегда при этом смеялись над бесом и над тем, кто поступил так же.

Самой большой, чистой, светлой и святой частью избы являлась горница. В ней помещалась большая божница, где самые лучшие «намоленные» иконы, лампы, кадило, коробочка с ладаном, лестовки. Здесь же и самая хорошая мебель, зеркало на стене, портреты и фотографии семьи, коврики и

украшения. В горнице принимали дорогих гостей, справляли праздники, играли свадьбы, отпевали умерших членов семьи. Зеркало в такие дни обычно занавешивалось. Полы в горницах были или крашенные, или застилались цветными самотканными половиками.

В некоторых больших домах были еще маленькие горенки или спальни. Там, как и в горнице, стояла большая кровать, столик для книжек и всякой всячины, шкаф для посуды, сундуки для разной одежды, скатертей и прочего белья. Жили скромно, имели по одному комплекту одежды и обуви, которая переходила от старших к младшим. Повседневная одежда хранилась в прихожей, сушилась на печи или полатах.

К избе пристраивались «зады», то есть сени, чулан, амбарушка и крыльцо. Дальше шел задний двор, где стояли две стаи для скота, а до коллективизации и для лошадей, амбар для зерна и корма скоту. У каждого справного хозяина имелся сарай, то есть сеновал возов на двадцать сена и соломы. Там витал неповторимый запах ароматной сухой травы. Летом старшие братья устраивали там лежанки для спанья и наслаждались этим запахом и ночной прохладой. Городским жителям, которые дышат дымом из заводских труб и выхлопными газами от машин, этого не понять, даже приблизительно.

Жители, не имеющие сарая, сено и солому метали в стога на огороде, подальше от строений. У кого не было крытого двора, делали повети – навес из жердей и покрывали его картофельной ботвой или соломой. Под поветями хранили и поленницы дров.

Обязательно в каждой старообрядческой семье была баня на огороде или улице. Кто делал ее по-черному, без трубы, кто по-белому. В черной бане дым от каменки шел под потолком и выходил в специально прорубленный дымоход и в отдушину, поэтому был риск измазаться сажей, но зато витал своеобразный изысканный аромат от березовых дров, запаренного на мяте и крапиве веника и от сосновых стен. Настоящие знатоки банного искусства до сих пор делают бани по-черному. Баня по-белому тоже хорошо, чисто, надо только создать в ней неповторимый колорит и аромат из разных трав и листьев кустарника.

Без бани нет жизни в сельской местности. Раньше в банях рожали детей, стирали белье и одежду, выпаривали микробов и разную заразу. В банях парились, мылись, лечились от простуды. В святки в банях девушки гадали себе женихов, ворожили, а некоторые постигали черную или белую магию, ну а парни устраивали различные шутки-страшилки, пугая их. Одним словом, без бани никуда!

В некоторых семьях у старообрядцев было по две избы: летняя и зимняя. Летняя – просторная, светлая, с высокими потолками. Зимняя же, наоборот, небольшая, с низкими потолками, с небольшо-

ми окнами, высоким порогом и маленькой дверью, чтобы тепло не выходило, и с широкими полатями под потолком. В ней жили в самую холодную зимнюю пору, с целью экономии дров, а весной снова переходили в летнюю избу.

Довольно часто встретишь в литературе, что, мол, кержаки не признавали красоту ни в быту, ни в жизни. Бани по-черному, избы без наличников, никаких украшений не делали и не терпели. Полагаю, что это – полнейшая чушь! В Быньгах и других деревнях Невьянского района, где проживает много старообрядцев, я видел много старинных изб с резными наличниками и воротами. В деревне Таватуй и сейчас еще найдешь не один десяток домов, украшенных деревянными кружевами, резными воротами и крашеными фронтонами. И все это делали примитивными простыми инструментами: пилками, стамесками и лобзиками. А все население деревни составляли староверы-поморцы, такие же беспоповцы, как и старообрядцы часовенные. Все, кто посещал дома кержаков, отмечали: « В домах у них всегда чисто, бело и каждая вещь на своем месте, в переднем углу иконы, а в богатых домах – молельная в особой комнате, на устах постоянно Иисусова молитва; провинился перед кем – уже готово «прости Христа ради!» Даже домашний скот староверы содержат лучше, чем остальные». (Из упомянутой Пермской летописи).

Так же не верны суждения, что кержаки всегда суровы и угрюмы, не любят и не умеют веселиться, знают, мол, с утра до вечера поклоны бить. Традиционные семейные радости и религиозные праздники старообрядцев мало чем отличаются от православных. Так же празднуют рождение детей, приглашают женщин из родни и подруг матери ребенка на «зубок», когда у него прорежется первый зубик. Ходят только женщины, соответственно и угощения чисто женские: сладости, пироги, наливки и сладкие напитки. Гости приносят подарки матери и ребенку.

Радостно отмечают и дни ангела, то есть не день рождения, а день крещения и того покровителя, в честь которого дано тебе имя. Мой день ангела 30 марта, мать обычно в этот день пекла пирог постный, так как пост, обычно из капусты или грибов, но учитывая, что к нему добавлялось несколько дешевеньких конфет и какой-нибудь подарок в виде карандаша или свистульки из дерева или глины, то радость моя была великой. Кроме того, весь день ощущаешь к себе повышенное внимание со стороны родных и даже соседей, поэтому праздник этот помнился долго.

Праздновали и все большие праздники: Рождество, Пасху, Крещение, а также Новый год по новому и старому стилю. Обязательно праздновались 1 Мая и День Победы. Из нашей семьи на войне были трое моих братьев, из них Феокист и Иван погибли, Авдей вернулся живым. Как же было не праздновать этот великий Праздник?!

Есть верующие, не желающие брать в руки оружие, так называемые пацифисты. Но они встречаются среди различных религий и даже среди атеистов. Старообрядцы, несмотря на гонения властей, никогда не отказывались защищать свое отечество, поэтому служили, да еще как воевали! Кто знает историю Великой Отечественной войны, наверное, помнит, что первое серьезное поражение немцам под Москвой нанесли сибирские дивизии, в которых служило много старообрядцев с Урала и Сибири. Все они носили на шее восьмиконечный старообрядческий крест, а так как это были привычные к морозам люди и хорошие охотники, умеющие бить белку в глаз, то все это и привело их к победе под Москвой, а после и к другим успехам, на тех фронтах, где они сражались.

Славно праздновали, да и сейчас еще празднуют старообрядцы свои свадьбы, но полвека назад они все же были интереснее. Все начинается с просватанья. Когда Авдей вернулся с Японской войны в 1947 году, все его сверстницы и подружки были уже замужем. Поэтому в дело вступили свахи. Поехали вначале к одной невесте, но получили отказ – у нее уже был жених. Затем поехали в Невьянск, где и высватали молодую красивую кержачку Серафиму Викторовну Богомолу. Одна фамилия чего стоит!

А дальше все, как положено: выкуп невесты, приданого, привезли целый воз разного рукоделия, белья, занавесок, задержушек, одежды и обуви и даже семиструнную гитару. Затем их обрачили в часовне, невеста, к великой радости мамы, была старообрядкой и придерживалась всех религиозных праздников. Затем молодые, с двумя подружками и кучерами, на двух конях, украшенных лентами и цветами, с бубенцами, ездили в легких кошевках, с визитами, приглашали гостей на свадьбу, как с нашей, так и с невестиной стороны. А вечером около нашего дома собрались гости, целая толпа, около ста человек, и соседи пришли поглазеть на невесту и ее гостей.

Всю ночь наша изба ходила ходуном от игр и плясок, от музыки гармошки. После пели песни, старинные и лирические из кинофильмов, фронтовые. Понятно, что никакой попсы и электроники не было. Были розыгрыши, веселые интермедии, сатирические сценки, исполненные кем-то из гостей, заранее подготовленные. При этом девушки и парни переодевались в костюмы цыган, ворожеек, разыгрывали старых глухих и глупых женихов и находчивых свях. Было очень весело и интересно не только взрослым, но и детям. Свадьбы запоминались на всю жизнь.

Несколько лет назад по телевизору показали жизнь старообрядческой общины русских беженцев в Бразилии. За двести лет эти люди, а их там целая деревня, не утратили среди южно-американской природы ни языка, ни русской культуры и традиций, ни фасона одежды – те же платья и сарафаны,

Храм Казанской иконы Божьей матери (Красная церковь) в с. Быньги

русские косоворотки и свободного покроя порты, шляпы и картузы. Но более всего меня поразил обряд свадьбы, очень похожий на наш, в уральской или сибирской глубинке.

Много говорят и пишут, что староверы женятся и выходят замуж только за единоверцев. Да, этого желают все: и родители, и родня, и сам жених, чтобы в их семью пришла девушка с такими же традициями, обычаями и верой. Но это сейчас не всегда получается, и старообрядцы женятся на девушках другой веры или религии: мусульманках, иудейках, язычниках. Что делать – любовь не зальешь водой. В таких случаях невесту перекрещивают в старую веру и только после этого брачат. Так случилось с моим братом Георгием. Его невеста Александра Степановна была из православной семьи, но согласилась перейти в нашу веру, и живут они в ладу и согласии почти пятьдесят лет, скоро будут отмечать золотую свадьбу.

Бытуют и такие мнения в народе, что старообрядцы никому кружку воды и куска хлеба не дадут, если он из другой веры. Наш родительский дом стоит на проезжем тракте, ведущем в деревни: Таволги, Сирбишино, Шумиху, Бродово, в село Петрокаменское. Довольно часто проезжие или прохожие путники просились на ночлег. Моя мать, настоящая верующая кержачка, даже после смерти мужа никому не отказывала в ночле-

ге. Часто у нас ночевали в прихожей незнакомые люди: верующие и неверующие, крестящиеся на иконы или не крестящиеся, мать никому не отказывала, особенно в холодное время. Но с особой радостью встречала единоверцев, с которыми долгими зимними вечерами вела неторопливую беседу о жизни и вере, о прошлом и настоящем. И благодарные за ночлег люди на следующее утро, уходя, кланялись матери в пояс, нам же, детям, иногда дарили гостинцы.

Мать для таких прохожих имела специальную посуду. Были, есть и будут пожилые и молодые люди, которые даже в семье едят из своей посуды.

Мой школьный товарищ Володя Щербаков жил у своего деда – старообрядца Киприяна Федоровича, в большом доме на берегу Нейвы. Отец его погиб на войне, не увидев сына, и дед упросил сноху, чтобы внук жил у него. Нам было тогда лет по тринадцать, и мы дурачились однажды у них в доме. Вовка играл на баяне цыганочку с выходом, я подыгрывал на гитаре. Войдя в раж, он отставил баян, схватил две алюминиевые ложки, зажал их между пальцами и стал отбивать такт, стуча по пяткам, при этом выплясывая, как настоящий цыган. Получалось неплохо, но вдруг одна ложка сломалась пополам. А в это время в избу вбежала его бабушка, увидела все и чуть не заплакала.

– Что ж ты, Вовка, наделал?! Это же дедова ложка! Он только ею и ест, лет уже двадцать, даже в гости берет с собою. Ах, ой-ой! Что будет!?

Володя тоже сообразил, что наделал, дед его был набожным человеком, с такой вот причудливой – даже дома ел только из своей посуды.

Мы начали склеивать ложку клеем, но в это время зашел сам дед, крепкий такой, как осенний груздочек, с окладистой бородкой, краснощекий, веселый, видимо, что-то приятное произошло на работе.

А внук потупился виновато и показывает сломанную ложку, которая не склеилась хорошо и болталась, как висюлька. Дед понял все, враз переменялся в лице, посуровел, окинул всех грозным взглядом, особенно единственного любимого внука, затем супругу.

– Ты почто ложку дала ребятам?!

– Да в огороде была, а они тут пляску устроили под музыку. Я прибежала, а ложка уже была сломана, – оправдывалась бабуля.

Дед овладел собой, резко махнул рукой.

– Убери ее с глаз моих! – и ушел на кухню.

На другой день Володя рассказал мне, как дед долго выбирал себе новую ложку, изучал ее, щупал, затем почистил наждачной бумагой и освятил святой водой. Только после этого стал есть ею кашу.

В нашем селе в годы войны некоторые старообрядческие семьи принимали эвакуированных беженцев с Украины, Ленинграда и других областей, попавших под оккупацию. У нас жила семья из Ленинграда: учитель дядя Толя, его супруга и две дочки Нина и Оля. Он работал в колхозе зоотехником, старшая дочь Нина училась в школе вместе с моей сестрой Таней, а жена сидела дома с маленькой Олей. Наши семьи жили, как родные: пользовались одной посудой, вместе готовили пищу и ели за одним столом. Никогда никаких распрей не было на этой почве; люди попали в беду, приехали практически без вещей и посуды, и не до того было в те страшные годы, чтоб разбираться, кому из какой посуды есть. Даже если мы и согрешили, то, учитывая такие обстоятельства, Бог простит!

Меня часто занимал вопрос, почему в годы богоборчества, когда закрывали храмы и снимали колокола, верующие не оказывали противодействия властям? Да, собирались около храмов, осуждали, но, кроме тихого ропота и отдельных выкриков, так я слышал от односельчан, никакого сопротивления не было, народ не бунтовал, а некоторые жители сами участвовали в реквизиции храмового имущества. Народ голодал после Гражданской войны, а в монастырях и храмах было накоплено немало ценного имущества. Власти же говорили, что все ценности пойдут на закупку хлеба и паровозов. Помнил народ и то, что в годы Северной войны сам царь Петр Первый так же снимал со звонниц колокола и переливал их на пушки и реквизировал церковную казну и утварь. «Что ж, царю можно, а нам нельзя!»

– думали те, кто участвовал в изъятии храмовых ценностей.

У нас в селе еще до войны в одной из старообрядческих часовен работал клуб. Сняли купол с крестом, устроили на первом этаже кинозал, на другом – танцплощадку.

Однажды мой двоюродный брат Петр Коробейщиков зашел в бывшую часовню, где его когда-то крестили, увидел этот вертеп, расстроился, а был выпивши, и устроил там погром. Парень он был здоровый, крутой, ну и повыгонял праздную толпу, как Христос торгующих в храме. Поломал заодно некоторые перегородки, говорят, даже несколько половиц выворотил из пола.

Его арестовали, судили за хулиганство, и он отбыл за это около двух лет в лагерях. Думаю, что хорошо еще отделался – могли вменить и политическую статью. Спасло то, что был сильно пьян и не произносил политических лозунгов. Так и закончился этот единственный протест против осквернения храма в нашем селе.

Вторую часовню сломали позднее, летом 1969 года, так же, вопреки воле верующих, под предлогом, что она находилась рядом с сельской больницей и мешала ее работе. Триста лет стояла на пустыре ядреная, срубленная на месте, из кондового леса старательными кержаками, и вдруг кому-то помешала! Явно, что раздражала она местные партийные власти, так как во время религиозных праздников сюда приезжали молиться верующие не только из Невьянска, но и из Нижнего Тагила и даже из Свердловска. А какие иконы были в часовне! Образа старого невянского письма, искусно писанные талантливыми мастерами неповторимой школы иконописи.

Так и не стало в большом уральском селе, где почти половина жителей старообрядцы, ни одного храма. Но люди молятся, кто у себя дома, некоторые ездят в деревню Верхние Таволги, где есть молельный дом, некоторые в Невьянск, где на старом кладбище действует старообрядческий храм. В нем ведет службу наш земляк Василий Панфилович Васильев, наставник Невьянской общины. Я знаю его с детства и всю его благочестивую семью: отца, мать, братьев. Сам он после нашей семилетней школы закончил Невьянский техникум, затем Нижнетагильский педагогический институт, преподавал, а когда вышел на пенсию, по настоянию местных старообрядцев, стал их пастырем. Человек он умный, убежденный до глубины души в своей спасительной вере, грамотный, много читает современной религиозной литературы, страстно верит в возрождение старообрядчества и все делает для этого. Но не все сейчас верят в возрождение старой веры. В недавно изданной книге «Демидовские гнезда» (стр. 68) напечатан очерк «Страна древнего благочестия». Автор его Всеволод Слукин не ви-

дит перспектив выживания старообрядчества в наше время.

«Сломить, подавить и официально уничтожить старообрядчество удалось только большевикам. Правда, вместе с вечным врагом старообрядцев – православной церковью, хотя многие ревнители древней веры видели схожесть своих идеалов справедливости и правды с провозглашенными большевиками идеями всеобщего братства и равенства. И если православие нашло силы подняться, то старообрядчество оказалось без этих сил. Оно продолжало и продолжает дробиться на толки и согласия, оно не стало привлекательным для молодежи, в его рядах мало благодетелей, уходят из жизни вероучители старообрядства, а новых «старцев» уже нет».

Очень печальная картина заката страны древнего благочестия. Я думаю, что автор в большей мере имел в виду старообрядчество часовенного толка, то есть беспоповцев. Но существует еще Русская православная старообрядческая церковь во главе с митрополитом Москвы и всея Руси Корнилием (Белокриницкое согласие), ставка которого на Рогожском кладбище в Москве. Существует также Древлеправославная старообрядческая Церковь Новозыбковская, Московская и всея Руси во главе с патриархом Александром. Есть Древлеправославная Поморская церковь, а также многочисленные общины староверов за рубежом, даже в Северной и Южной Америке, многочисленные общины «Часовенного согласия», и не только на Урале и в Сибири, но и в других регионах России и странах СНГ. Никто не считал их и не делал переписи, поэтому число староверов остается тайным мерилем числа сторонников древлеправославной веры.

Не надо торопиться со скоропалительными выводами и прогнозами в этом сложном явлении – старая вера. История все поставит на свои места!

Описывая жизнь и быт кержаков, нельзя не остановиться на иконописи уральских мастеров, особенно самой известной школы – г. Невьянска.

В мире с давних пор существуют две главные школы иконописи: греческая и итальянская. Русь, крещенная по греческим канонам и традициям, конечно же, приняла греческую школу. Сначала иконы и храмы на Руси расписывали только греческие мастера, но примерно с четырнадцатого века у нас появились свои иконописцы, в том числе известный всему миру Андрей Рублев.

После раскола, когда множество старообрядцев пришли на Урал и в Сибирь, где обосновались на постоянное проживание, у них появилась большая потребность в иконах. Они строили тайные скиты, часовни и моленные дома, которые нужно было обустроить и обставить иконами, поэтому стали появляться тайные школы иконописцев-старообрядцев. Они возникали не только в Невьянске, но и в Нижнем Тагиле, Старой Утке, Соликамске и в ряде других городов и поселений Урала.

В основе Невьянской школы стояли такие талантливые мастера, как династии Чернобровиных, Богатыревых, Филатовых, Романовых, Анисимовых, Коськиных, а также Челышев, Германов, Заверткин и другие. С середины восемнадцатого века невянские иконы стали известны по всей стране. За ними приезжали со всех концов России и даже из других стран.

Невянская иконопись значительно отличалась от академической, так как здешние мастера отстаивали старые обряды и традиции не только в молитвах, но и при написании икон. В то время верность старине не могла препятствовать внесению в иконописную манеру индивидуальных особенностей, некоторых изменений в образы святых.

Мне с детства запомнилась большая икона Святого князя Александра Невского, которая находилась в нашей часовне. По словам стариков, она была написана местными мастерами в Невьянске. На ней лик Святого князя отличается своим мужественным и воинственным видом и грозным взглядом. Но после, посещая другие православные храмы Петербурга и на Русском Севере, я видел там другие иконы Александра Невского, более позднего периода, с которых он взирал на меня, как святой отец, а не воин.

Сейчас иконы Невьянской школы известны не только в нашей стране, но и во всем христианском мире. Немало их находится в государственных и частных музеях России. В 1999 году в Екатеринбурге был открыт первый музей «Невянская икона». Его создатель Евгений Вадимович Ройзман много сил и энергии вложил в создание этого музея. В наше время, когда вырождаются и исчезают деревни и села России, разрушаются и ветшают храмы и молитвенные дома старообрядцев, участь древних икон невянского письма непредсказуема. Горожане-дачники, покупая кержацкие дома, иногда просто выбрасывают иконы с божниц, как хлам, или выносят их на чердак, где они ветшают и портятся от смены температуры. Любителям и ценителям искусства иконописи раньше было трудно познакомиться с шедеврами невянских мастеров, а сейчас они могут познакомиться с ними в музее, где, со слов Евгения Вадимовича, собрано около шестисот экспонатов. Значит, замечательное искусство мастеров Невьянской школы иконописи не канет в Лету, а сохранится для потомков на долгие годы и, возможно, пробудит в их душе живительные ростки нравственного возрождения и любви к истории родного края! Я всей душой за то, чтобы иконы и другие предметы богослужения старообрядцев: книги, лестовки, лампы и кадильницы, одежду, в которой справляли службу, не подвергали надруганию, а передавали в действующие храмы или местные музеи, как историческую память будущим потомкам нашего народа. А ее надо хранить!

Владимир ПУРОНЕН
Фото предоставлено автором

О «кукушках» в гамаке

«Кукушки»... Термин этот впервые появился во время советско-финляндской войны 1939–1940 годов. Красноармейцы и командиры всех рангов, прошедшие эту войну, часто вспоминали о коварных финских снайперах, которые, затаившись на деревьях — елках или соснах, метким огнем из винтовок, автоматов, а иной раз и из пулеметов(!) наносили большие потери частям Красной Армии. Вот таких снайперов и прозвали «кукушками». О «кукушках» много писали в газетах, журналах и книгах.

В сборниках рассказов, посвященных войне 1939–1940 годов, часто печатался один рассказ, главным героем которого был советский разведчик-следопыт. Этого храброго, умелого и находчивого воина обычно посылали дозорным впереди роты — проверить, нет ли где засады? Возвращаясь, наш красноармеец всегда говорил: «Следов нет — врагов нет!» Слова эти превратились у него в поговорку.

Но однажды, проверяя безопасность предстоящего пути, наш разведчик попал в опаснейшее по-

ложение. Несколько «кукушек» заняли выгодные позиции на елях близ моста, по которому должна была проследовать рота, где служил наш герой. Многочасовой снегопад засыпал все следы. И лишь случайно следопыт заметил глаза одного из сидящих на дереве финнов-снайперов. Следопыту угрожала смертельная опасность. Но, как и полагалось настоящему советскому бойцу, наш разведчик проявил воинскую смекалку — в результате и сам уцелел, и все «кукушки» были уничтожены. А вот поговорку свою ему пришлось заменить. С учетом боевого опыта он теперь стал говорить: «Бываешь в разведке, посмотри и на ветки!» (Эти слова написаны на призывающем к бдительности плакате времен советско-финской войны).

Печатному слову ребята 50-х годов верили безоговорочно. Если о чем-то пишут в газетах, журналах и книгах — значит, так оно и было на самом деле. Но вот когда в наших детских военных играх мы пытались стать «кукушками», то нас каждый раз ожидала неудача. Лазить по деревьям в то время умели все или почти все мальчишки — с

этим проблем не было. Если в печати сообщалось, что «кукушки» сидели на елях или соснах, то и мы забирались на ели и сосны. Забираться-то забирались, но вот занять устойчивую позицию, пригодную для ведения прицельного огня, никак не получалось. Конечно, настоящих винтовок у ребят тех лет не было и быть не могло. Но и легкие деревянные ружья никак не удавалось приспособить для «стрельбы» двумя руками — одной рукой приходилось держаться за ствол или ветки, чтобы не упасть. Пытались мы привязываться или пристегиваться к стволам, но и это никакой особой выгоды не давало. Кто сомневается, пусть сам попробует подняться на дерево — ель или сосну, на высоте в несколько метров занять достаточно устойчивое положение и попытаться прицелиться, пусть даже из воображаемой винтовки или автомата...

Впрочем, свои детские неудачи тех лет мы списывали на отсутствие опыта и полагали, что настоящие «кукушки» знали какие-то неведомые нам секреты.

Повзрослев, я стал задумываться над этими секретами всерьез. Предположим, влез финский снайпер на елку, оборудовал (как?) огневую позицию и ждет, когда в секторе ведения огня появится цель. Ждет час, другой, третий...

Стоп! Дело-то происходит не летом, а зимой! А морозы той зимой, как отмечали все участники боевых действий, опускались до минус 30–40 градусов по Цельсию и даже ниже. Сам я сибиряк и о подобных морозах знаю не понаслышке. Бывал зимой на Карельском перешейке в районе бывших боев. Воздух там влажный, и морозы часто сопровождаются ветерком, который пробирает, что называется, до костей. Неподвижно простоять или просидеть на дереве при морозе даже минус 20 — 25 без ветра хотя бы полчаса и при этом не обморозиться невозможно. О нескольких часах неподвижности всерьез говорить не стоит. Кто не верит, тот опять-таки пусть проверит на собственном опыте.

Конечно, если надеть медвежью или хотя бы баранью шубу до пят, меховую шапку-ушанку и валенки, закутать лицо до глаз шерстяным шарфом, а винтовку держать в меховых рукавицах... Но в такой экипировке по деревьям лазить, прямо скажем, несподручно. Да и не было у финских стрелков ни медвежьих, ни бараньих шуб. Одевались они гораздо легче.

Об оригинальной тактике «кукушек» сообщил в своих «Записках наркома» (опубликованы в журнале «Знамя» за 1988 год, №2) Борис Львович Ванников. В 1939–1941 годах Ванников — нарком оборонной промышленности, в 1942–1946 — нарком боеприпасов. Нарком — народный комиссар, то же самое, что министр сегодня. Нарком — это вам не какой-нибудь малоизвестный писатель, сочиняющий рассказы про следопытов-разведчиков. Наркомы имели сведения, недоступные рядовым гражданам. Что же знал Б.Л. Ванников о «кукушках»?

Оказывается, вооружены были финские снайперы не винтовками (слегка модернизированными «трехлинейками», состоящими на вооружении финской армии), а пистолет-пулеметами «Суоми» — вроде наших ППД (пистолет-пулемет Дегтярева) или ППШ (пистолет-пулемет Шпагина). Кстати, многие специалисты по стрелковому оружию считают, что наши ППД и ППШ скопированы с «Суоми». В обиходе и финские, и советские пистолет-пулеметы обычно называли автоматами. Действовали «кукушки» из засад — когда в одиночку, а когда и целыми подразделениями. Вот как описывает это сам нарком:

«Автоматчики, названные потом «кукушками», маскируясь белыми халатами и располагаясь в гамаках, подвешенных между заснеженными соснами, встречали вступающих в лес красноармейцев лавиной огня, а сами оставались трудноуязвимыми, так как наши бойцы, вооруженные винтовками и ручными пулеметами, оказывались в худшем положении».

Конечно, даже профессиональные публицисты часто совершенно не разбираются в военном деле, что, однако, не мешает им бойко писать на военные темы. Но лишь недоумение вызывает нарком оборонной промышленности, не знающий тактико-технических характеристик пистолет-пулеметов, винтовок и ручных пулеметов и притом вполне серьезно излагающий фантастическую версию о «кукушках», подвешенных в гамаках между заснеженными соснами... Кстати, некоторые авторы сообщали, что «кукушки» висели между соснами не в гамаках, а в лодках-волокушах.

Для справки: из пистолет-пулемета «Суоми» (ППД, ППШ) можно было уверенно попасть в цель размером с человека на расстоянии 100–120 метров и лишь при условии, что стрелок лежит или, в крайнем случае, что в бою совершенно недопустимо, стоит на твердой земле. Висящий в гамаке (лодке-волокуше) стрелок, если бы такое было на самом деле, после первого же выстрела начал бы раскачиваться — отдача есть отдача, законы физики (законы природы) даже финским снайперам отменить не удалось бы. Попасть в цель из раскачивающегося гамака можно, лишь стреляя в упор или почти в упор. Да и подвесить гамак или лодку-волокушу между соснами еще нужно исхитриться. Пока натянешь веревки для гамака, пока ихкрепишь, пожалуй, весь снег с сосен стряхнешь, и они будут заметно отличаться от заснеженных... И чтобы забраться в такой гамак (волокушу), нужно быть немного циркачом, простому человеку это едва ли под силу.

Винтовки и ручные пулеметы позволяют поразить цель на расстоянии, в несколько раз большем, чем пистолет-пулеметы. Лесные сосны — будь то в Финляндии, будь то в Карелии или в любом другом месте — имеют внизу почти голые стволы, ветви с хвоей начинают расти у них только ближе к верши-

не, часто на высоте пятнадцать—двадцать метров и выше. Вражеский снайпер, висящий в гамаке между соснами, был бы хорошо виден издали. Даже не очень опытные стрелки, вооруженные винтовками и пулеметами, могли бы спокойно, как в тире, не опасаясь ответного огня, расстреливать таких «кукушек» с безопасной дистанции.

В докладе штаба 8-й армии начальнику генерального штаба о выводах из опыта боевых действий армии в период с 30 ноября 1939 года по 13 марта 1940 года, помимо прочего, сообщалось:

«К исходу боевых действий взаимодействие (артиллерии и пехоты) — В.П.) стало медленно налаживаться. Особым видом взаимодействия являлось очищение от «елочников» лесных площадей артиллерийским шрапнельным огнем. Первое место в этом отношении играла гаубица — благодаря мощности своей шрапнели» (Тайны и уроки Зимней войны. СПб, Полигон, 2000. Стр. 389).

«Елочники» — другое название «кукушек». Использование против финских снайперов тяжелой артиллерии невольно заставляет вспомнить поговорку: «Из пушки — по воробьям!»

А вот как описывает свою встречу с «кукушкой» генерал-полковник Иван Макарович Голушко в своей книге «Танки оживали вновь». В июле 1941 года молодого лейтенанта-танкиста Ивана Голушко на Карельском перешейке обстрелял финский снайпер. По приказу комбата лейтенант взял двух человек и отправился прочесывать участок леса, где мог скрываться стрелок-диверсант. Едва прошли они сотню метров, как один из спутников Голушко был ранен. Укрывшись вместе с раненым за толстой сосной, лейтенант пытался обнаружить «кукушку». Слово автору:

«Наблюдая из-за ствола, я вдруг заметил, что на сосне, совсем недалеко от нас, зашевелились ветви, хотя ветра не было. Это меня насторожило. Неужели там кто-то сидит? Выстрелил из пистолета, и в тот же момент с дерева свалился человек, быстро вскочил на ноги и бросился наутек, кидаясь из стороны в сторону.»

Продолжая прочесывать участок, мы вышли к озеру. Вокруг — ни души. Хотели уже возвращаться, как вдруг один из членов экипажа сказал с удивлением:

— Смотрите, палка ходит по воде.

Действительно, палка двигалась в сторону противоположного берега. От нас она уже была далеко. По моей команде одновременно выстрелили в палку. Она продолжала двигаться. Выстрелили еще раз, палка скрылась. Мы присели за камыши и начали ждать. Вдруг у берега показался человек, за которым мы гнались. Он выскочил из воды, сиганул за грудой камней и — был таков. Для движения под водой у него, видимо, была трубка с наконечником, похожим на сломанную палку.

Так состоялось наше первое знакомство с «кукушкой». Это были, как правило, снайперы фин-

ской армии. Они пробирались в наш тыл и с деревьев стреляли по нам» (Назв. соч., М, Воениздат, 1977. Стр.17-18).

Генерал-полковник Голушко — фронтовик, кавалер многих советских и иностранных боевых орденов, безусловно, заслужил уважение за свое боевое прошлое. Но приведенный выше эпизод из его мемуаров, увы, ни малейшего доверия не вызывает.

Человек, упавший с вершины сосны, не то что быстро бегать зигзагами, просто самостоятельно встать на ноги едва ли смог бы. А что касается ходьбы по дну озера с трубкой во рту... Одно время даже в учебниках истории писали о древних славянах, которые скрывались от врагов на дне рек или озер и дышали через камышинки. Сейчас уже невозможно точно сказать, кто эту нелепицу первым придумал. Но эпизоды с хождением по дну рек и озер тех или иных героев, дышащих при этом через разного рода трубки, встречаются в приключенческих произведениях отечественных авторов как прошлого, так и сегодняшнего дня. Особенно часто такие «ходоки» гуляли по страницам рассказов и повестей «про шпионов» 30—40-х годов.

Вот только без специального (и очень тяжелого!) водолазного снаряжения ходить по дну рек и озер еще никому и никогда не удавалось — закон Архимеда не позволяет. Вода выталкивает человеческое тело наверх. Дышать через трубку в природных водоемах невозможно, уже находясь на глубине 15—20 см. Сомневающиеся могут попытаться повторить то, что «видел» лейтенант Голушко.

Генерал А.Ф. Хренов летом 1944 года воевал на Карельском перешейке. Вот что он вспоминает о «кукушках»:

«Для борьбы с «озверевшими» финскими снайперами войска разворачивались в цепи и проводили сплошное прочесывание огнем верхушек деревьев. Почему-то считалось, что «кукушки» сидят именно там, хотя ни один опытный снайпер, если он не самоубийца, на дерево не полезет. В таком «бою» один только 301-й полк 100-й гвардейской дивизии за день израсходовал три боекомплекта патронов, а командир полка в свое оправдание доложил, что «за один только день мы сбили с деревьев более полусотни «кукушек» (!)» (Десять сталинских ударов. М, АСТ, 2005. Стр. 393-394).

Последняя советско-финская война закончилась осенью 1944 года. Шло время... В нашей печати постепенно перестали называть Финляндию «плацдармом международного империализма», финнов — «белофиннами», а финских солдат — «белобандитами» и «наймитами буржуазии». В конце концов с Финляндией у СССР установились более или менее добрососедские отношения. В восьмидесятих годах прошлого века состоялось несколько встреч за «круглым столом» советских и

финских ветеранов прошедших войн. Бойцы вспоминали минувшие дни... Но, когда советские ветераны начинали говорить о «кукушках», наносивших им чувствительные потери, ветераны финские приходили в недоумение.

— Кукушки? Снайперы, стреляющие с вершин деревьев? Не было у нас таких!

— Как не было? Да мы сами об этих «кукушках» столько слышали! И потери от снайперского огня у нас были!

— Метких стрелков у нас было много, — соглашались финны. — Но стреляли они в лесах не с вершин деревьев, а из-за деревьев! Иногда они могли использовать нижние ветви для опоры оружия при стрельбе. Но на деревья не лазили. Стреляли — и немедленно перебирались на лыжах на другую огневую позицию. Снайпер, сидящий на дереве — пусть зимой, пусть летом, — после первого же выстрела был бы обречен. Да и сектор обстрела с ели или сосны у него был бы ничтожным — ствол, ветки и соседние деревья мешали бы.

Так что же, никаких «кукушек» никогда не было?

Получается, что не было...

А как же тогда статьи в газетах и журналах? Рассказы и повести? Упоминания о «елочниках» в официальных документах? Мемуары ветеранов, наконец, которые встречались с «кукушками» «лицом к лицу»?!

Что ж, на этот счет у французов есть старинная поговорка: «Нигде так не лгут, как на войне и на охоте». Наверное, во время всех войн, которыми так изобилует история человечества, складывались самые различные, порой, казалось бы, совершенно невероятные легенды. Но от частого повторения эти легенды даже за очень короткий срок могли превратиться в «непреложные истины». Так и произошло с легендой о «кукушках» — сидящих на вершинах деревьев (или висящих в гамаках между деревьями) финских снайперов.

Кстати, о русских снайперах, стреляющих с вершин деревьев в немецких солдат, вспоминают некоторые ветераны вермахта. Хотя, если верить воспоминаниям советских снайперов, они по деревьям не лазили.

Так что же, даже рассказам ветеранов доверять нельзя?

Рассказам ветеранов доверять нужно. Но только до тех пор, пока эти рассказы не начинают противоречить здравому смыслу и законам природы.

Несколько лет назад по питерскому радио передавали запись интервью с ветераном Гражданской войны. Заслуженный воин, несмотря на свой весьма почтенный возраст, держался с радиожурналистом довольно бодро и подробно рассказывал о том, как в 1916 году Временное правительство Керенского отправило его полк на Волгу воевать против Колчака...

Юний ГОРБУНОВ ПИСАТЕЛЬНИЦЫ РОССИИ

(Материалы для библиографического словаря)

Начало смотрите в предыдущих номерах

ГРОМАН ОЛЬГА

Сотр. «Искры» (Женева), 1903. № 47 и 48 — Ольга.

Масанов.

ГРОМОВА А.

(См. Давиденко А.Г.)

ГРОМОВА Анна Ивановна, авт. популярных книжек, издательница.

Деят. просвещения; исследовательница Сибири. Авт. кн. «Краткий очерк о пушной промышленности в Сибири». Издание А.И.Громовой. М., 1896. Ее некролог — «Ист. Вестн.», 1912. № 5. С.715.

Венгеров. Источ.; РНБ.

ГРОМОВА Антонина Александровна (1894 — ок. 1941), библиотековед.

«Публичные библиотеки в провинции в 1830-1850-х гг». — «Сов. библиография», 1934, сб.1. С. 66-97; «Очерки по истории русских провинциальных библиотек (XIX в.)» Л., 1941; «Библиотечное дело в России (в 1908-1914 гг)» М., 1955; «Правовое положение народных библиотек в России и его изменение в 1905-1907 гг.» Л., 1956; «Состояние сети массовых библиотек Петербурга-Петрограда накануне Октябрьской революции» Л., 1957; «О подготовке библиотечных кадров до Октябрьской революции». Л., 1958.

Петряев. Лит. находки; РНБ.

ГРОМОВА Елена, поэтесса .

«Приветствие их имп. величеств 15 дек. 1887 г. в день празднования 50-летнего юбилея СПб. Николаевского сиротского ин-та от воспитанниц Института: [Стихи]. Соч. воспитанницы 1-го класса общего курса Елены Громовой». СПб., 1887.

Венгеров. Источ.; РНБ.

ГРОМОВА Татьяна Ивановна (1878 -- ?)

Ассист. ботаники Высш. жен. курсов в СПб. (1913). Авт. научной работы «Определитель видов и разновидностей Lotus (лядвенец), встречающихся в Европ. России и на Кавказе и схемы их распространения» Пг., 1915.

Венгеров. Источ.; РНБ.

ГРОМОЗОВА Ия Константиновна

(См. Франчески И.К.)

Продолжение смотрите на странице 75

Александр МАКУРИН
Фото предоставлены автором

Билеты Белого квадрата

29 октября 1988 года в культурной жизни Свердловска произошло ныне порядком подзабытое, а в те дни нередовое даже для расцвета перестроечного периода событие – открытие историко-художественной экспозиции «Образ и факт» в городском Музее истории комсомола и молодежного движения, который тогда размещался в особняке по адресу: улица Карла Либкнехта, дом 32. Дата открытия этой экспозиции одновременно стала и днем образования неформального товарищества музейных художников «Белый квадрат». В этой связи автор полагает необходимым напомнить читателям отдельные подробности этого события.

Костяк вновь созданного творческого объединения составили ранее работавшие в Свердловском творческо-производственном комбинате (СТПК-Худфонд) Вячеслав Савин (руководитель), Юрий Калмыков, Виктор Малинов, Петр Малков, Александр Нестеров, Дмитрий Образцов, братья Альфред и Ринат Хусаиновы, Игорь Цаплин и другие. Основным направлением деятельности «Белого квадрата» являлись работы по оформлению музейных экспозиций. Наиболее заметной, удачной, уникальной и прочая, и прочая работой товарищества

было оформление уже упомянутой экспозиции Музея истории комсомола и молодежного движения. Кстати, на его территории художники товарищества базировались довольно продолжительное время. Позднее более известным было иное его название – Уральский музей молодежи. Но в 2006 году музей перестал существовать как самостоятельное юридическое лицо, а его фонды влились в фонды Музея истории Екатеринбурга.

В числе других работ «Белого квадрата» либо отдельных его участников следует также назвать оформление экспозиций дома-музея М.Шолохова в станице Вешенская, музея леса в Тавде, господского дома в Нижнем Тагиле, дома-музея П.И.Чайковского в Алапаевске, музеев екатеринбургской гимназии №9 и фабрики «Конфи». Хотя в немногочисленных сегодня ссылках в Интернете внимание больше акцентируется на участии художников «Белого квадрата» в традиционном весеннем фестивале «Ева» и их работах в стиле «боди-арт».

Отдельного упоминания заслуживает история появления наименования товарищества. Если какой-либо высокоэрудированный читатель попытается связать это событие с Казимиром Малевичем, знаменитым автором

изображений квадратов не только черного, но и красного, и белого цветов, а также иных геометрических фигур, то будет не прав.

Сегодня, по прошествии более чем 20 лет, отцы-основатели «Белого квадрата» описывают процесс обретения наименования с различными вариациями, но в результате обобщения вырисовывается формулировка – «месячник творческого мозгового штурма».

В студии товарищества был вывешен и почти месяц провисел лист ватмана, на который целенаправленно подходившие либо мимоходом пробежавшие участники объединения заносили свои варианты.

Кто-то ограничился одним-двумя предложениями, а кто-то сыпал их десятками, словно из рога изобилия. Нет нужды приводить даже их малую часть. Главное, что в сердцах художников нашли отклик предложенные Александром Нестеровым названия «квадрат», а затем и «белый квадрат», – как чистый белый холст, который так и располагает к тому,

чтобы взять кисти, краски и работать, работать, работать... Кто-то сетовал, – ведь могло и не быть этого месяца творческих мук, достаточно было в первый день посмотреть на вывешенный лист ватмана и составить логический ряд: чистый лист – чистый холст – белый квадрат...

А теперь обратимся к тому факту, который непосредственно является причиной подготовки данной публикации.

29 октября 1998 года в здании Музея истории комсомола и молодежного движения проводилась выставка, посвященная 10-летию юбилею и экспозиции, и образования товарищества музейных художников Екатеринбург «Белый квадрат». Еще в ходе подготовки праздничных торжеств Вячеслав Савин в качестве очередного арт-проекта озвучил идею выпуска и хождения в день юбилея собственных денежных суррогатов «Белого квадрата», а также предложения по их оформлению.

За разработку эскизов купюр, статусно определенных как «билеты Белого квадрата» и получивших вполне объяснимое наименование «квадраты», взялся Ринат Хусаинов.

Во-первых, на лицевой части «квадратов» увековечены наиболее «ветеранские» участники объединения. Так, на купюрах достоинством в 1 «квадрат» изображен Вячеслав Михайлович Савин, 3 «квадрата» – Александр Иванович Нестеров, 5 «квадратов» – Ринат Гильманович Хусаинов, 10 «квадратов» – Дмитрий Николаевич Образцов. Билетов номиналом 25 «квадратов» было изготовлено 3 варианта, на одном в образе пирата изображен Анатолий Иванович Дубовцев, на другом – Альфред Гильманович Хусаинов (1962-2004), на

третьем, в образе «Синей бороды» – Игорь Петрович Цаплин. Автор намеренно акцентирует на этом внимание читателей и коллекционеров-бонистов, так как, в целях обеспечения интриги как для гостей выставки, так и будущих поколений, персоны на билетах изображены не в парадном, а озорно-хулиганистом виде, да еще и с разновидностями, отличающимися размещением фотографий (вертикальное, горизонтальное, центральное, боковое) либо их срезов (левый, правый) и т.п. Да и под портретами художников, удостоенных чести

«попасть на деньги», отсутствуют их имена и фамилии.

Во-вторых, в качестве фоновых рисунков с обеих сторон билетов использованы обработанные на компьютере изображения картин известных мастеров кисти. Эрудитам предоставляется возможность самим разгадать, работы каких авторов подверглись

сканированию, переводу в монохром и прочим преобразованиям перед размещением на «квадратах».

На купюрах, кроме указания номинала, размещены иные обязательные для любых денежных знаков реквизиты: надпись «Билеты Белого квадрата» и год выпуска – 1998, а в качестве номера отпечатано одинаковое число «291098», одновременно констатирующее и дату их эмиссии, и дату празднования юбилея товарищества. На оборотной стороне билетов всех номиналов, за исключением 25 «квадратов», размещен повторяющийся текст «10 лет» в виде горизонтальной полосы.

«Квадраты» были напечатаны на цветной бумаге из стандартных наборов, которые сегодня используются в офисах многих организаций. Но, видимо, ностальгируя по временам основания «Белого квадрата», Ринат Хусаинов постарался сблизить цветовые ряды советских рублей и «квадратов». Так, 1 «квадрат» отпечатан на бумаге бежево-

го цвета, 3 «квадрата» – зеленого, 5 «квадратов» – голубого, 10 «квадратов» – красного и 25 «квадратов» – светло-сиреневого. Размеры билетов достоинством 1 «квадрат» и 10 «квадратов» – 152х65 мм, 3 «квадрата» – 154х66 мм, 5 «квадратов» – 165х66 мм, 25 «квадратов» – 195х79 мм.

Чтобы ни у кого не возникло сомнения в правомочности и подлинности «квадратов», а также искушения в дополнительной нелегитимной их эмиссии, на всех билетах проставлена круглая печать синего цвета с текстом: «Музей истории комсомола и молодежного движения.

Муниципальное учреждение культуры. Рег. №07205 серия I-ЕИ. Екатеринбург. Российская Федерация». Кроме того, на части известных автору купюр достоинством 1, 3 и 5 «квадратов» проставлен прямоугольный штамп красного цвета с надписью «Уральский музей молодежи», а на обороте одной из купюр номиналом 5 «квадратов» – еще и круглая печать с текстом: «Музей истории комсомола и моло-

дежного движения. Свердловск» и изображением герба РСФСР – то ли для гарантии от подделки, то ли – для подтверждения периода основания товарищества.

С буфетом музея были достигнуты соответствующие джентльменские договоренности, что «квадраты» будут приниматься в качестве единственного платежного средства, а по завершении юбилейной выставки «Белый квадрат» выкупит свою валюту обратно. Решено было установить курс для новой валюты-однодневки: 1 «квадрат» приравнялся к 3 деноминированным рублям Российской Федерации.

Проект успешно реализовали. Был даже организован обменный пункт, где гости выставки могли обменять рубли на билеты «Белого квадрата», ибо прозвучало объявление, что только на последние в буфете музея можно приобрести напитки и закуски. Поскольку среди приглашенных на юбилейную выставку было довольно

много представителей художественного цеха, хорошо знакомых с участниками «Белого квадрата» и их работами, то правила игры приняли, и к обменному пункту довольно быстро образовалась веселая очередь. Причем гости, получая купюры и тут же рассматривая изображенные на них знакомые лица, веселились еще больше, создав заторы и неудобства для желающих получить свою порцию «квадратов». Чтобы не затягивать процесс обмена денег, организаторы выставки оперативно организовали «передвижные» обменные пункты, роль которых исполняли бойкие представительницы прекрасной половины коллектива «Белого квадрата».

В основном, исходя из ассортимента и цен буфета (например: бутерброд с колбасой или 100 граммов красного вина – 15 рублей, бутерброд с карбонатом или 25 граммов коньяка – 20 рублей), активно обменивались билеты достоинством в 1 и 3 «квадрата», а вот 25 «квадратов» при обмене вообще не котировались – дороговато-с!

По окончании выставки джентльменские договоренности были выполнены: «квадраты» вернулись в кассу товарищества. Повторная попытка их использования при проведении очередной акции-выставки через две недели – 13 ноября 1998 года – такого успеха уже не имела. Часть оставшихся купюр была роздана в качестве сувениров близким и знакомым художников (с автографами либо без них), единичные экземпляры сохранились в личных архивах участников «Белого квадрата», остальные – утеряны во время череды переездов.

Точные данные о тиражах «квадратов» не сохранились. По данным Игоря Цаплина, купюры достоинством в 1 и 3 «квадрата» могли быть изготовлены в количестве от 100 до 150 экземпляров, 5 и 10 «квадратов» – до 50 экземпляров, а три варианта 25 «квадратов» – от 20 до 24 экземпляра каждый, общее количество не превышало 400 экземпляров.

В завершение автор полагает необходимым привести информацию, подтверждающую тезис, что истинные таланты – талантливы во всем. Как известно, практика выпуска юбилейных и памятных монет давно и очень широко развита во многих государствах мира. А вот выпуски памятных банкнот пока не столь многочисленны. Из наиболее известных можно отметить эмиссии: Арменией в 2001 году – купюры достоинством 50 тысяч драм в честь 1700-летия принятия христианства; Румынией в 2000 году – пластиковой банкноты 2000 лей в связи с солнечным затмением; Беларусью в 2000 году – серии «Миллениум» (из 10 банкнот от 1 до 10 тысяч рублей) и 20-рублевой купюры к 10-летию банковской системы и в 2003 году – купюры достоинством 50 тысяч рублей «Замковый комплекс «Мир»; Китаем в 2008 году – банкнот, посвященных Олимпийским играм. А в Российской Федерации лишь сейчас планируется выпуск памятной банкноты, посвященной зимней Олимпиаде в Сочи в 2014 году. Таким образом, художники «Белого квадрата», выпустив юбилейные купюры, даже не могли предположить, что и здесь доказали свою продвинутость, на 11 лет опередив отечественный Центробанк.

ГРОМОЗОВА Людмила Константиновна (1879 – 1927), писательница, переводчица.

Сестра И.К. и О.К.Громозовых (см.). После окончания гимназии работала народной учительницей в Вятской губ. В 1900 уехала в СПб, а в след. году поступила в медицинский институт. По образованию врач-психиатр. Участвовала в рев. движении. Была подвергнута обыску и аресту. На судебном процессе произнесла смелую защитительную речь. (См. Речь Людмилы Громозовой. Изд. В.Д.Бонч-Бруевича и Н.Ленина, Женева. 1904). Прокурор вынужден был признать: «Перед вами, господа судьи, настоящая русская тургеневская девушка, гордая, прямая и чистая... таких мало в жизни». Г. была сослана на поселение в Сибирь. Сначала в уездный город Туринск Тобольской губ., а после побега – в село Пелым. Здесь же отбывал ссылку ее муж Л.М.Потылицын. В тюрьме и Сибири изучает немецкий и французский языки, пишет стихи. В тюрьме пер. с нем «Робинзон Крузо» Дефо (позднее была издана в Вятке). Была издательским работником; сотрудницей В.Д.Бонч-Бруевича, секретарем В.В.Воровского, А.В.Луначарского, была знакома с В.И.Лениным. Писала стихи и рассказы, переводила, обрабатывала классические произведения для детей. После окончания института стала работать врачом в родной Вятке, с 1917 г. руководила психиатрической лечебницей. Ее жизнь оборвалась во время железнодорожной катастрофы на ст. Арсаки. О ней: Соболев В.А. Сестры Громозовы. Киров, 1960. С. 6-21 (портр).

РНБ.

ГРОМОЗОВА Ольга Константиновна (См. Матюшина О.К.).

ГРОМСКАЯ Ольга Павловна, авт. воспоминаний.

Род. в Москве в семье врача. Жена сына фабриканта О.С.Гронского. Работала учителем. В 1920 г. эмигрировала. В 1926-м возвратилась в Россию, затем эмигрировала снова. Оставила воспоминания «Путь одной жизни». Ницца, 1934.

Кн. рус. зарубежья; РРЭВД. 1; РЗФ.

ГРОМСКАЯ Ю.Е., переводчица.

Пер. кн. А.Грубе. «Душевная жизнь животных. Чтение для всех возрастов». Пенза. 1877.

РНБ.

Продолжение в следующем номере

Мадриль ГАФУРОВ

Дом Мажита Гафури

В этот дом Мажит Гафури с женой Зухрой Камалетдиновной, сыновьями Анвером и Халитом заселились 19 июля 1923 года. Тогда общественность Башкирии отмечала двадцатилетие творческой деятельности поэта. Президиум БашЦИКа присвоил Мажиту Гафури звание Народного поэта, а правительство Башкирии подарило ему дом.

В эту пору поэт был на подъеме творчества. В стенах этого дома были созданы его классические произведения: «Черноликие», «На золотых приисках поэта», «Ступени жизни», а также четырехактная пьеса «Красная звезда», либретто к опере «Эшче» («Рабочий»), басни, лирические, патриотические и детские стихи.

Здесь Народного поэта посещали известные башкирские писатели Даут Юлтый, Авзал Тагиров, Шагит Худайбердин, Гайнан Амири, Сагит Агиш, Сайфи Ку-

даш, а также татарские коллеги Галимджан Ибрагимов, Галиаскар Камал, Шариф Камал, Хасан Туфан и другие. В такие дни дом превращался в литературную гостиную, где Мажит Гафури читал свои новые произведения, а Зухра-ханум угощала гостей ароматным чаем...

Содержать дом площадью 230 кв. метров было накладно, поэтому семья Гафури занимала только три комнаты, а в других пяти в разные годы жили семьи Народного поэта Башкирии Сайфи Кудаша, будущего ректора Башкирского педагогического института, доктора исторических наук Р.Г. Кузеева, народной артистки Башкирии и Татарстана и РСФСР Фариды Кудашевой.

В годы Великой Отечественной войны здесь жил и эвакуированный из Украины писатель Петр Панч. В Уфе он переводил на русский и украинский языки стихи Мажита Гафури, такие, как «Я и мой народ», «Хочу для че-

Мадриль Абдрахманович Гафуров – директор Фонда культуры «Мажит Гафури – XXI век», Заслуженный работник культуры БАССР, журналист-международник, поэт, лауреат премий Союзов журналистов СССР и России, а также общественной премии имени Мажита Гафури. Живет в Уфе.

ловечества всего». Его посещали также известные украинские писатели Павло Тычина и Максим Рильский.

После войны Правительство Башкирии выделило 25 тысяч рублей для расселения семей и ремонта здания. И 10 января 1948 года состоялось торжественное открытие Мемориального дома-музея Мажита Гафури. В нем три мемориальных, три экспозиционных зала, гостиная и хранилище фондов. Экспозиции рассказывают, как будущий поэт учился в различных медресе, с кем общался и дружил. Здесь постоянно проводятся встречи и экскурсии. В канун 125-летия со дня рождения поэта (1 августа 1880 г.) Дом-музей был капитально отремонтирован, обновлены экспозиции, благоустроена территория.

Здесь уместно сказать, что Мажит Гафури – один из основоположников татарско-башкирской педагогики. Характерно в этом плане его стихотворение «Шакирдам ишана» («шакирд» – студент. – Примеч. авт.), написанное в 1902 году. Поэт резко выступил против порядков и косных методов обучения, царивших в медресе, а также показал, испытал на себе, как ишаны, муллы и хальфы обижают шакирдов. В произведениях «В нашем старом медресе», «Дети-сироты», «Жалобы одного татарского шакирда» Мажит Гафури критикует жизнь в медресе, обучение и отсутствие нужного воспитания. Начиная с 1896 года, он и сам работает хальфой (учителем) в своей родной деревне Зилим-Караново (ныне находится в районе имени поэта). А позже несколько лет учительствует среди казахов. За критику старых методов обучения царское правительство держало поэта под надзором полиции до 1917 года. Вышедший в 1911 году в Казани сборник стихов «Любовь к нации» был арестован, тогда же был конфискован сборник «Национальные стихи», где поэт призывает молодежь на борьбу за счастье народа. Ныне мемориальный Дом-музей Мажита Гафури продолжает его дело. Ежегодно его посещают более 20 тысяч человек из разных регионов России и других стран.

Подтверждение тому – и Фонд имени великого мыслителя и гражданина, учрежденный в нашей республике в 2004 году. Среди его учредителей – народный артист БАССР и РСФСР Закий Махмутов (к сожалению, недавно ушедший в мир иной), народная артистка Башкортостана Закия Арсланова, народный художник республики Эдуард Меос, доктор психологических наук, профессор, академик РАН Гесиод Аминев (г. Москва), Халит Гафури – внук поэта... Цели и задачи этого общественного объединения – возрождение национальной культуры, языка и духовности, возвращение к своим корням и в целом – общечеловеческим ценностям...

В прошлом году Фонд со своей программой вошел в состав Российского фонда культуры и Всемирного курултая башкир. Учитывая, что Мажит Гафури – классик двух родственных литератур, Фонд сотрудничает также и с Всемирным конгрессом татар, в частности, с Исполкомом Конгресса татар Башкортостана. Проведено уже немало полезных мероприятий. В том числе – Всероссийская научно-практическая конференция

«Взаимопонимание культур и проблемы национальной идентичности», в которой участвовали более 100 ученых из различных регионов и городов Российской Федерации.

Примечательным событием стала и презентация переизданного сборника произведений Мажита Гафури под названием «Адам и Иблис» (сатана), состоявшаяся в 2005 году в конференц-зале уфимской мечети «Ихлас», что в переводе означает «чистосердечие». Известно, что когда-то муллы-фанатики предали поэта анафеме. А ныне имам-хатиб вышеназванной мечети при полном зале прихожан прочитал проповедь в честь Мажита Гафури (О, Аллах, воистину неисповедимы твои пути!).

Уже широкую популярность приобрела и учрежденная Фондом общественная премия имени Мажита Гафури, которой награждены уже полтора десятка известных в нашей республике и в целом по России деятелей культуры, искусства и литературы. Среди них композитор Халик Заимов – автор музыки к балету «Чернолик» (либретто написано по одноименной повести Мажита Гафури), балетмейстер-хореограф Башкирского государственного академического ансамбля народного танца имени Файзи Гаскарова Хашим Мустаев, профессор Зуфар Рамиев из Казани, подготовивший и издавший полное собрание сочинений Мажита Гафури в четырех томах, народный артист Башкирии и России Закий Махмутов, Суфхат Надьоров, председатель Екатеринбургского регионального татарского и башкирского общества культуры имени Мажита Гафури, известный журналист и поэт Ш.Мустафин, народная артистка республик Башкортостан и Татарстан И.Газетдинова, создавшая светлый и пронзительный трагический образ Галимы в спектакле «Чернолик»...

Р. Нурмухаметов. «Жертвы шариата», 1953 – 1969

Фонд поставил перед собой задачу переиздания произведений Мажита Гафури, опубликованных лишь один раз при жизни поэта и не вошедших в собрание его сочинений. «Первой ласточкой», вспорхнувшей из-под свода Фонда и Мемориального дома-музея, явился вышеназванный сборник «Адам и Иблис». Затем в серии «Школьная библиотека» был издан сборник избранных произведений поэта (в переводе на русский язык), куда вошли и новые переводы его прозаических произведений. А недавно в издательстве «Мир печати» вышел в свет сборник стихов под названием «Венок Мажиту Гафури». В нем на башкирском языке опубликованы 65 стихотворений, посвященных Народному поэту. В числе авторов – современники Мажита Гафури и живущие сегодня известные поэты. На русском языке – 25 стихотворений, в переводе с башкирского, татарского и украинского языков М.Гафурова, Л.Камаевой, Г.Шафикова, И.Снеговой, Л.Шкавро...

Радуюсь выходу в свет «поэтического венка», посвященного Мажиту Гафури, одновременно приходится сожалеть, что тираж сборника, изданного с любовью, непростительно мал, даже одной тысячи экземпляров не набирается. И невольно погрезилось, что это отнюдь не лавровый венок славы, которым бывает увенчан победитель, а венец терновый...

Но это вина не тех, кто усердно, самозабвенно готовил книгу к изданию. Увы, хлеб духовный в нашем нынешнем больном обществе ценится далеко не вровень с пищей материальной, тем более с зельем, которое в самых шикарных упаковках заполнило полки и отделы супер- и гипермаркетов. А их подколодные владельцы-толстосумы за один вечер «просаживают» в роскошных ресторанах столько «зеленых и дубовых» целковых, что в десятки и сотни раз превышает стоимость одной тысячи экземпляров тиража бессмертного наследия великого гражданина, певца нашей малой родины и огромной многонациональной Отчизны, имя которой – Россия.

Разговор об этом шел и за «круглым столом» в Мемориальном доме-музее накануне Нового года. В нем участвовали родственники и земляки поэта, дети известных деятелей культуры и искусства, с кем дружил Мажит Гафури.

А еще говорили о возрождении на сценах театров двух братских республик спектакля «Черноликские», а также одноименных балета и оперы. «Повесть «Черноликские» («Опозоренные») – это поистине шедевр башкирской (и от себя добавим – и татарской. – Авт.) литературы, – так писал еще в 1940 году литературовед Амир Чанышев. – Ее можно смело назвать энцикло-

педией дореволюционной жизни башкирского народа. Весьма трудно встретить грамотного башкира или татарина, не знающего или не прочитавшего это произведение Гафури». К этому добавим, что повесть Мажита Гафури стала основой драматического, кукольного, балетного и оперного спектаклей.

Более 70 лет прошло со дня первой постановки «Черноликих» на сцене башкирского драматического театра, который ныне носит имя Мажита Гафури. Спектакль вошел в золотой фонд театра. Он ставился на подмостках как профессиональных, так и самодеятельных театров. В далеком детстве, когда шла война, автор этой статьи видел спектакль в селе Толбазы в постановке Аургазинского народного театра, ныне – широко известного Салаватского драматического театра (спектакль был показан воспитанникам местного детдома). А многие актеры, исполнявшие роли Галимы и Закира, стали «звездами» башкирской и татарской сцены. Назовем хотя бы первых исполнителей ролей Галимы и Закира – Талигу Бикташеву и Булата Имашева...

Спектакль «Черноликие» был в репертуаре Декады башкирской литературы и искусства в Москве (1955 г.). Народный артист СССР Борис Бабочкин так писал в газете «Правда»: «В спектакле много юмора, иногда мягкого, иногда злого, поднимающегося до сатирического звучания. Постановкой «Черноликие»

коллектив вполне оправдывает свое название Академического театра драмы».

Писатель Гайнан Амири так прокомментировал эти слова в газете «Вечерняя Уфа» (1 августа, 1970): «Мне лестно и радостно вспоминать такой эпизод: народный артист СССР Б. Бабочкин перед спектаклем попросил меня сесть с ним рядом и быть его переводчиком. «Наушник мне будет мешать слышать живые голоса актеров, – сказал он, – а вы мне будете очень лаконично, лишь основную суть объяснять». Мы так и сделали. Борис Андреевич знал, что я являюсь одним из авторов инсценировки. Когда спектакль был окончен, он сказал: «Я вчера специально прочел повесть Гафури, чтобы лучше понять спектакль. И вот сегодня я увидел – вы замечательно справились со своей задачей. Поздравляю!» Артист взволнованно пожал мне руку».

Далее Гайнан Амири добавляет: «Спектакль «Черноликие» вот уже четвертый десяток лет идет на сцене нашего академического театра. Мне, конечно, приятно сознавать, что я выполнил партийное задание. Бессмертное создание великого Гафури пришло на сцену. И надолго...»

Увы! Предвидение писателя не оправдывается: уже 20 лет, можно сказать, два поколения молодежи нашей республики не знают, что когда-то их родители спрашивали «лишний билетик», когда на афишах театра значился спектакль «Черноликие»...

М. Арсланов. Эскиз к балету Х. Заимова и А. Чугаева «Черноликие», 1965 г.

Кукольный спектакль «Галима» (по повести Мажита Гафури) стал победителем на Международном фестивале в Венгрии в 1982 году.

Сценическую жизнь опере композитора Бату Мюлюкова, созданной по либретто Р. Рахимом по мотивам повести, дали режиссер, народный артист РСФСР Н. Даутов, дирижер, заслуженный деятель искусств МАССР В. Куценко, народный художник ТАССР Э. Нагаев, хормейстер И. Рахматуллин, большой актерский коллектив. И чувствуется, что весь коллектив осуществлял постановку увлеченно, с любовью, стремясь донести до зрителя все достоинства оперы («Советская Татария», 11 апреля 1981 г.).

Авторы и ведущие исполнители оперы «Кара за любовь» были удостоены Государственной премии Республики Татарстан имени Габдуллы Тукая.

Но... оперу эту не слышали уфимцы, а балет «Черноликие» не видел казанский зритель. Потому то возрождение их, как и драматического спектакля, на сценах двух республик к 130-летию со дня рождения классика способствовало бы дальнейшему укреплению уз дружбы двух братских народов: башкирского и татарского.

Именно с такими пожеланиями представители Башкортостанского филиала Российского фонда культуры, Общественного объединения Фонд культуры «Мажит Гафури – XXI век» и Башкирского координационного центра Международного движения «Педагоги за мир и взаимопонимание» обратились письменно к правительству Республики Башкортостан... Ибо, это, смею уверить, не только пожелания группы читателей и по-

читателей таланта нашего великого соотечественника, а задача общенародная, государственная.

А поскольку репертуар утверждается художественным советом театров, Фонд собрал за «круглым столом» руководителей театров Уфы, на котором выступил с предложением о возобновлении постановок по произведениям Мажита Гафури к этой знаменательной дате.

Хочу озвучить и такую мысль. Татары и башкиры вместе занимают в России второе место по численности населения после русских. И, естественно, являются наряду с русской нацией генотондом будущего населения территории, именуемой Россией. А потому литература, искусство и в целом культура двух братских народов «опорного края державы», станут «краеугольным камнем» в фундаменте будущей многонациональной российской культуры. А на нем всегда будет привлекать взоры, как жемчужина, творчество Мажита Гафури, отдельно повесть «Черноликие», ставшая основой драматического, балетного и оперного спектаклей татар и башкир.

По крайней мере, таково мое личное отношение к великому поэту и гражданину. И потому хочу заключить сказанное своим стихотворением.

*Хоть что и как ни говори –
живет во мне дух Гафури...
Пусть не имел он ни шиша –
была полна его душа
любовью страстную к народу, –
не байским прихвостням в угоду
он жил, страдая и любя,
и гордо возвышал себя.
Пускай в потемках он творил,
но путь свой к свету проторил,
и, не поддавшись зову злата,
сорвав оковы шариата,
в лучах Октябрьской зари
воспел свободу Гафури.
И с той поры сквозь призму лет
до нас доходит его свет.
Я знаю: не был он «дородным»,
зато поэтом стал Народным,
и, защищая «черноликих»,
сам возведен был в сан Великих,
и хоть ему уже сто лет,
и среди нас его уж нет,
не канул он бесследно в Лету –
живут в сердцах его заветы,
и ныне должное народ
ему, как прежде, воздает...
Пусть в небесах витает он,
Я шлю ему земной поклон
за то, что был он, есть и будет
предтечей праздников и буден...
И, коль послание дойдет,
надеюсь, он меня поймет.
Нет, как и что ни говори –
живет во мне дух Гафури,
или, иначе говоря,
живут повадки бунтаря!*

Михаил ФОНОТОВ
Фото В. В. Садырин

Молочай, который сам по себе

Никто не знает, как должен выглядеть «правильный» цветок. Ему вроде бы положено иметь цвет, отсюда и название – цветок. Окрашены обычно лепестки венчика, у которого с внешней стороны «предписано» находиться чашечке, а внутри – пестикам и тычинкам. Так вроде «правильно».

У молочая нет ни чашечки, ни венчика с яркими лепестками, ни привлекательного аромата. Его мужской цветок состоит из одной тычинки, а женский – из одного пестика. И все. Ничего больше. надо понимать так, что у молочая-буки нет нужды (и желания) кого-то привлекать цветом или запахом, он обходится без этого, а если отпугнуть, то это у него в крови, точнее, в млечном соку. Можно вспомнить, что маркиз де Сад привел Жюстину в прибежище попрошайек, которые, чтобы исказить и утратить свое лицо, натерли его ядовитым соком молочая, «который обильно растет под Парижем».

Стебель молочая раздваивается в геометрической прогрессии, чтобы через несколько колен завершить зонт. Сама его конструкция, можно допустить, «мебельная». Цветоножка заканчивается округлым «столиком» из двух широких, горизонтально сом-

кнувшихся листочков, на столике располагаются два «цветка» в виде двух бокалов, из которых торчат шарик пестика и кустики тычинок вокруг него. Столик, бокалы, двое – намек на какое-то свидание?

Я сказал, что цветку молочая отказано в цвете. Это не совсем так. Зеленый цвет – тоже окраска. Но зелень молочая особая, она с желтизной. Можно подумать, что в случае с молочаем природа хотела употребить желтый цвет, но раздумала. Потому и не разобрать, чего в молочае больше: зелени или желтизны.

Итак, цветок молочая – какой? Он недоразвит? Или переразвит? Значит, в любом случае «неправильный»? Наверное, лучше сказать так: правильный цветок тот, который и через тысячи лет каждой весной возникает, каждым летом цветет и каждой осенью оставляет потомство.

Внешне непритязательный, внутренне ядовитый, замкнутый в себе – наверное, в растительном мире необходим и такой житель.

Латинское название молочая *Euphorbia* – от имени нумидийского врача Эфорба, который за 50 лет до нашей эры выяснил, что молочай лечебен, несмотря на свою ядовитость.

УРАЛЬСКИЙ следопыт

Издательский дом «Уральский следопыт»
представляет журнал

ЗВЕРОБОЙ
ЖУРНАЛ ОБ ОХОТЕ И РЫБАКЕ НА УРАЛЕ

ЧИТАЙТЕ В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ:

Состязания по болотно-полевой и
боровой дичи

Кабан появился в Уральской тайге
относительно недавно.

В КАРАГАЙСКОМ БОРУ!

СКИДКИ 10% ПЕНСИОНЕРАМ И БЮДЖЕТНИКАМ

- СТЕПНОЙ КЛИМАТ + СОСНОВЫЙ ВОЗДУХ
- ЭКОЛОГИЧЕСКИ ЧИСТЫЙ РАЙОН
- МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА «КАРАГАЙСКИЙ БОР»
- БАССЕЙН 25 м
- САУНА
- ТУРЕЦКАЯ БАНЯ
- КОМИССИЯ ТУР-АГЕНСТВАМ УВЕЛИЧИНА!
- ПУТЕВКИ ВЫХОДНОГО ДНЯ от 660 р./сут.
- ПРОФИЛЬНОЕ ЛЕЧЕНИЕ
- ИНВЕНТАРЬ СПОРТА
- СКИДКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ до 40%
- БЕЗ ЛЕЧЕНИЯ от 1000 р.
- ОТДЫХ от 600 р.
- С ЛЕЧЕНИЕМ от 900 р.
- С УТРА
- С ЛЕЧЕНИЕМ от 900 р.
- ОТДЫХ от 600 р.
- ЛЮКС БЕЗ ЛЕЧЕНИЯ от 1000 р.
- СКИДКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ до 40%
- ПРОКАТ СПОРТА
- ИНВЕНТАРЬ
- СКИДКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ до 40%
- БЕЗ ЛЕЧЕНИЯ от 1000 р.
- ОТДЫХ от 600 р.
- С ЛЕЧЕНИЕМ от 900 р.
- С УТРА

Лиц. ФСЧЗ № 9901-000-771
Цены даны на дату публикации

(351) 260-25-87
г. Челябинск, ул. Цвиллинга, 51а, оф. 311

(35143) 2-37-01, 8-351-900-78-01
Челябинская обл. Верхне-Уральский р. Санаторий «Карагайский бор»

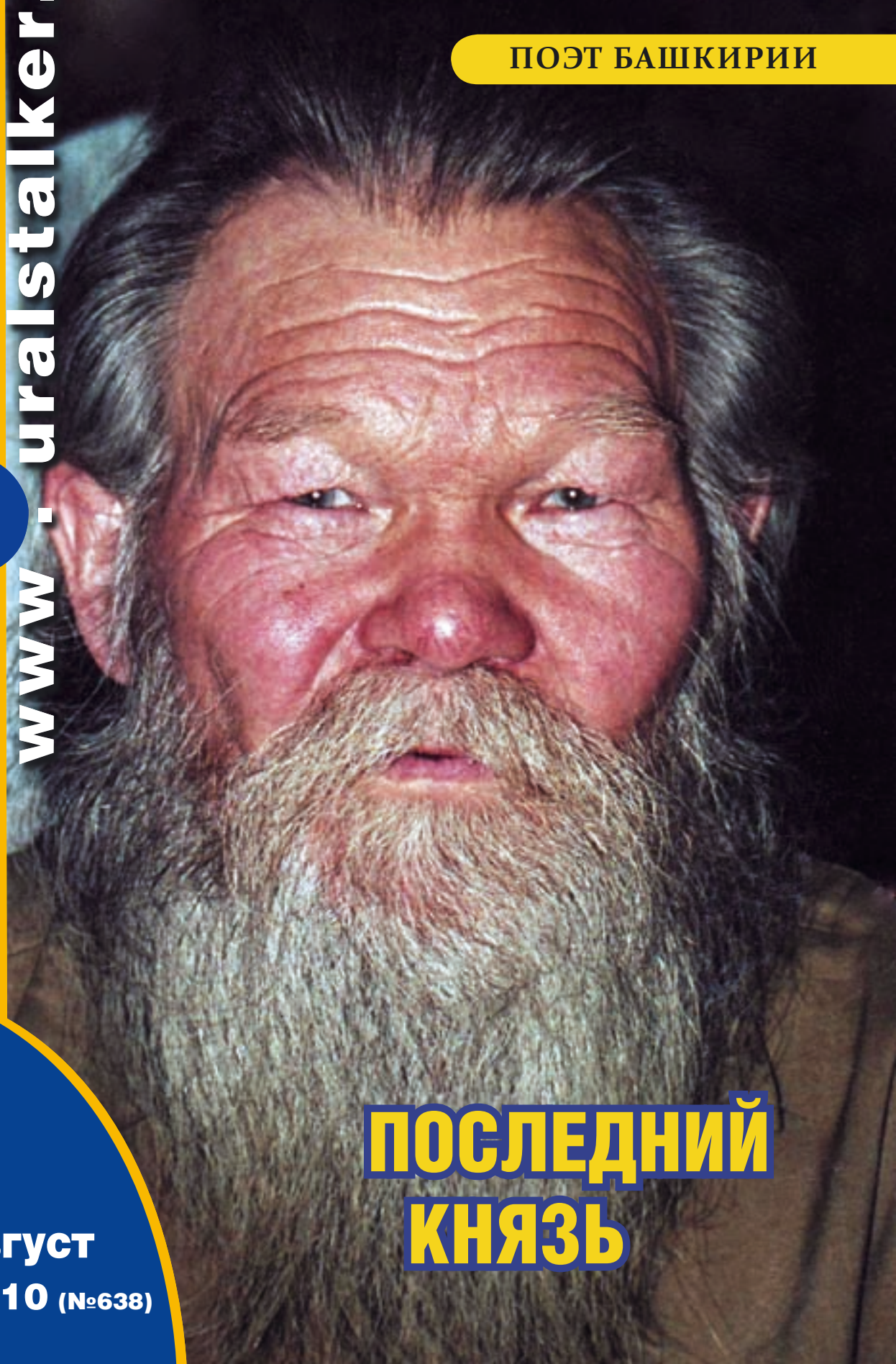
УРАЛЬСКИЙ
Следопыт

www.uralstalker.com

КЕРЖАКИ - КТО ОНИ?

БОГИ МАРИ СЛЫШАТ

ПОЭТ БАШКИРИИ

**ПОСЛЕДНИЙ
КНЯЗЬ**

август
2010 (№638)

Уральский следопыт, август 2010

Олег ЩЕТИНИН
Фото Виктора Байдукова

Загадки озера Бездонного

